

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени Г. Р. ДЕРЖАВИНА»

«ТАК В ВЕЧНОСТЬ ЛЬЮТСЯ ДНИ И ГОДЫ...»

Г. Р. ДЕРЖАВИН В ТАМБОВЕ

УДК
ББК

Ответственные редакторы:
доктор филологических наук, профессор Н. Л. Потанина;
кандидат филологических наук, доцент Г. Б. Буянова
Редакционная коллегия:
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ В. М. Юрьев;
доктор экономических наук, профессор В. В. Смагина;
кандидат юридических наук, профессор С. С. Худяков;
доктор филологических наук, профессор Н. Ю. Желтова;
доктор филологических наук, профессор Л. В. Полякова;
доктор филологических наук, профессор Н. В. Сорокина

Издание подготовлено при финансовой поддержке РГНФ
проекта подготовки научно-популярных изданий
«“Так в вечность льются дни и годы...”:
Гаврила Романович Державин в Тамбове»,
проект № 13-44-93010

«Так в вечность льются дни и годы...». Г. Р. Державин в Тамбове / отв. ред. Н. Л. Потанина, Г. Б. Буянова ; М-во обр. и науки РФ, ФГБОУ ВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина». Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. с.

В книгу включены произведения Г. Р. Державина, созданные в 1786–1788 гг. Подробные филологические и историко-культурные комментарии, многочисленные живописные и фотоиллюстрации позволяют представить в яркой и занимательной форме значение державинского наследия для развития культуры и образования на Тамбовской земле.

Посвящается 270-летию Г. Р. Державина, 95-летию Тамбовского государственного университета, который носит имя этого выдающегося русского поэта и государственного деятеля.

Для филологов, культурологов, историков, библиотекарей, журналистов и всех, интересующихся историей русской литературы, регионоведением.

УДК
ББК

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Р. Державин — просветитель и государственный деятель (О. И. Бетин)
Девиз державинцев — «Науки постигать и быть России верным!» (В. М. Юрьев)
От редколлегии (Н. Л. Потанина, Г. Б. Буянова)

ВВЕДЕНИЕ

В. М. Юрьев
Наследие Г. Р. Державина через призму формирования новой России
Ю. А. Мизис
Г. Р. Державин — управитель Тамбовского наместничества и его время
Феодосий (Васнев), Митрополит Тамбовский и Рассказовский
Тамбовская епархия в годы наместничества Г. Р. Державина в Тамбове

Глава 1

«И СЛАВА ВОЗРАСТЕТ МОЯ, НЕ УВЯДАЯ...» Поэзия Державина в прошлом и настоящем русской провинции

Н. Л. Потанина
*Поэзия Державина на страницах «Собеседника любителей русского слова»
и в одной из фамильных библиотек Тамбова*
Л. В. Полякова
Тамбовские научные издания о поэзии Г. Р. Державина (1990-е – 2000-е гг.)

Глава 2

ПРОИЗВЕДЕНИЯ Г. Р. ДЕРЖАВИНА 1786-1788 гг.

На смерть графини Румянцевой (1788)
Комментарии (Н. Л. Потанина)
Из комментариев В. А. Запалова
Желание зимы (1787)
Из комментариев Н. П. Половцова
Комментарии (В. В. Колчанов)
На посещение типографии в Тамбове епископом Феофилом (1788)
Комментарии (Л. Е. Хворова)
Комментарий Я. Грота
Осень во время осады Очакова (1 ноября 1788)
Комментарии (Г. Б. Буянова)
Пролог на открытие в Тамбове театра и народного училища
Комментарии (С. А. Косякова)
*Речь, говоренная Петром Захарьиным в Тамбове
на открытии Главного народного училища*
Комментарии (А. М. Кальницкая)
Жизнеописание Петра Михайловича Захарьина

Глава 3

Г. Р. ДЕРЖАВИН В ТВОРЧЕСТВЕ ТАМБОВСКИХ ПОЭТОВ

А. М. Белкин

Явление Державина

С. Е. Бирюков

Приезд Державина

В. Т. Дорожкина

«Какая удивительная сила!..»

Державин — Пушкин — Лермонтов

Е. В. Захарова

«Читаю, словно сказку, мой Тамбов...»

М. И. Знобищева

Заступнику нашему и благодетелю Гавриле Романовичу Державину

К Музе

В. К. Кострикин

По зову долга и души

В. А. Марков

На открытие в Тамбове памятника Г. Р. Державину 16 июля 1994 года

Ю. И. Хоренков

Прибытие (отрывок из поэмы «Державин в Тамбове»)

«Земляков не лукавый попутал...»

Глава 4

ТРАДИЦИИ ДЕРЖАВИНА В ДЕРЖАВИНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Н. В. Сорокина

Державин и державинцы

Н. Ю. Желтова

Год Державина в ТГУ: итоги и перспективы

А. Д. Серова

«...А я пшит — и не умру!»

В Институте филологии идет Год Державина – 2013

Н. Н. Будюкина

Личность Г. Р. Державина в истории Тамбовского края:

интерпретация темы средствами вузовского музея

Заключение (Н. Л. Потанина)

Г. Р. ДЕРЖАВИН - ПРОСВЕТИТЕЛЬ И ГОСУДАРСТВЕННИК

Дорогие читатели!

Перед Вами — книга о Человеке Государства. Запрос на таких людей в России велик всегда. Г. Р. Державин был одним из самых мощных руководителей Тамбовского края за всю его историю. Причем его деятельность созвучна и нашему времени. И на рубеже XVIII–XIX вв., и ныне Россия нуждается в лидерах, способных отправлять государственную волю. Очень важно, чтобы такие лидеры одновременно воспринимали идеи просвещения и служения стране. Вспомните известную формулу Б. Н. Чичерина: «Либеральные меры и сильная власть». Именно таким — просвещенным человеком и сильным государственным деятелем — предстает перед нами Г. Р. Державин.

Он был назначен правителем Тамбовского наместничества 15 декабря 1785 г. и прибыл в Тамбов 4 марта 1786 г. Круг его административных забот был связан с чрезвычайно сложными внутривластными проблемами Российской империи тех лет.

1780–1790 гг. были эпохой серьезных реорганизаций в административном и правовом устройстве страны. Пересматривались границы губерний и порядок местного управления. У властей не доходили руки до забот о социальных низах. Между тем страх новой Пугачевщины был очень велик. Верховная власть часто сменяла чиновников на местах в надежде на ускорение решения острых проблем. Согласитесь, ситуация созвучна и нашему времени.

В Тамбове Г. Р. Державин выделил несколько основных направлений деятельности: проверка документов о принадлежности к дворянскому сословию; наведение порядка в делопроизводстве казенных учреждений; картографирование местности; перепланировка Тамбова и уездных городов; улучшение облика городской застройки, условий размещения воинских команд и содержания заключенных; развитие просвещения, образования и культуры.

Составление алфавитных списков и родословной книги тамбовского дворянства, как известно, оказалось делом непростым. Проверка родословных влекла за собой многочисленные обиды и конфликты. Противостояние Г. Р. Державина и местной аристократии началось именно с этого, но наместник стремился быть на стороне закона, а не чьих-то интересов.

На приведение в порядок состояния делопроизводства в казенных учреждениях ушел год. Чиновники не проявляли должной аккуратности и ревностного служения. Однако настойчивость правителя наместничества принесла свои плоды. В 1787 г. сенатская ревизия Тамбовского наместничества не нашла серьезных упущений, и 22 сентября 1787 г. Г. Р. Державин был удостоен ордена Святого Владимира 3-й степени.

Тамбовский край из территории оборонного значения к концу XVIII в. превращался в житницу, производившую зерно, но подробных земельных карт не было. Державину пришлось организовывать картографические экспедиции, исследовать судоходные реки, чтобы перевозить хлеб.

Хотя в 1781 г. Екатерина II утвердила план Тамбова с делением на кварталы, к приезду Державина ничего не изменилось. Дома стояли так, как удобно владельцам, а не по прямым линиям. В жилой застройке преобладали избы без фундаментов, с соломенными крышами. Гавриил Романович начал добиваться симметрии в планировке, переноса мешающих этому построек, переселения горожан-земледельцев на окраины. В 1787 г. в Тамбове появились жилые одноэтажные

деревянные дома на каменном фундаменте и двухэтажные каменные. Державинская планировка Тамбова фактически сохранилась до настоящего времени, позволяя планомерно благоустраивать город.

Итак, борьба с коррупцией, эгоизмом дворянства, чиновным произволом, благоустройство, модернизация городского хозяйства, развитие социальной инфраструктуры, образования и культуры — вот сферы деятельности Г. Р. Державина.

Г. Р. Державин был ревностным исполнителем государственных решений в самом лучшем и искреннем их толковании, администратором-политиком, для которого главное — Служение. Для нас Г. Р. Державин — это, прежде всего, Просветитель и Государственник. Поздравляю Державинский университет и всех нас с прекрасной книгой об этом человеке!

*Глава администрации Тамбовской области
О. И. Бетин*

ДЕВИЗ ДЕРЖАВИНЦЕВ - «НАУКИ ПОСТИГАТЬ И БЫТЬ РОССИИ ВЕРНЫМ!»

Сегодня наш университет с гордостью носит имя великого русского поэта и государственного деятеля Г. Р. Державина, чья деятельность связана с Тамбовской землей. Бренд «державинцы», «Державинский университет» свидетельствует о создании «духа университета», его культуры, которые непосредственно проявляются и в нашем девизе. Сегодня в России необходимо развивать не просто высшее образование, передавать традиции и формировать инновации. Важно создавать основу социального капитала, воспитывать подрастающее поколение в любви к своей стране, ее идеологии. В нашем университете эту идеологическую концепцию тесно увязывают с концепцией державности, державного развития.

В жизни не бывает ничего случайного. Поэтому в Державинском университете получила обоснование идея державной экономической политики, державности как политико-хозяйственной концепции государственной идеологии России. В самом имени Г. Р. Державина заключено одно из значительных русских слов — держава, которое еще В. И. Даль определяет не только как сильное государство, «владычество, могущество», но и как крепость, силу, прочность, а также «содержание, уход, заботу». Совсем недолго Гаврила Романович был «державцем» — наместником в Тамбовской губернии. Но этих двух лет хватило, чтобы Тамбовщина стала быстро развиваться не только в социально-экономическом, но и культурном отношении. Такая интеграция социокультурных и экономических факторов характерна и для единой идеи российского государства — державности. Она начинается в период формирования новой царской династии и достигает своего расцвета как раз в тот исторический период, в который жил Г. Р. Державин. Огосударствление державности как политико-хозяйственной концепции государственной идеологии России в XVII–XVIII вв. способствовало не только экономическому и военно-политическому развитию страны. Державность стала основой ее духовного расцвета, наивысшая точка которого приходится на XIX в., названный в истории культуры «золотым веком». Творчество Г. Р. Державина во многом предопределило идеи его последователей: А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя.

В XXI в. концепция державности — реальная возможность реализации на практике государственного строительства, обновленного, исторически сложившегося политико-экономического развития России. Концепция державности позволяет сформировать интегративную основу существования экономических, политических, правовых, духовных, военных институтов государства как единый комплекс. Основой формирования идеи державности в современных условиях может стать образование, поскольку именно уровень развития системы образования во многом определяет как уровень развития науки и технологий, так и уровень экономического развития, а также институтов гражданского общества.

Сегодня Державинский университет — вуз, который выполняет роль регионального генератора идей, кластера регионального образовательного пространства, позволяет объединить интересы и высшего образования, и науки, и производства, и регионального сообщества в целом. Мы работаем для того, чтобы на нас замыкались основные векторы развития не только образовательного пространства, но и пространства сферы здравоохранения, культуры, гражданского общества.

В нашем университете сконцентрированы специалисты самых разных специальностей, но прежде всего тех, которые олицетворяют гуманитарную сторону научно-технической революции и модернизации России. Мы берем на себя задачу социального сопровождения инновационного развития страны. Будь Г. Р. Державин нашим современником, он обязательно поддержал бы девиз Тамбовского государственного университета: «Науки постигать и быть России верным!». Россия была, есть и будет мировым лидером и важнейшим звеном интегрированного глобального мира.

*Ректор Тамбовского государственного
университета имени Г. Р. Державина,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор экономических наук, профессор
В. М. Юрьев*

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Предлагаемая вниманию читателя книга появилась на свет в результате исследований, объединивших усилия университетских ученых, литературоведов и историков. Инициатором ее издания стал ректор ТГУ имени Г. Р. Державина заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор В. М. Юрьев. Все авторы книги — участники и исполнители проекта, цель которого состоит в обобщении обширного материала, связанного с пребыванием Г. Р. Державина в Тамбове. Материал этот, как ни покажется странным на первый взгляд, изучен еще далеко не в полной мере. Это, в первую очередь, относится к «Речи, говоренной Петром Захарьиным в Тамбове на открытии главного народного училища», авторство которой приписывается Державину. В Тамбовской областной научной библиотеке хранится петербургский журнал «Зеркало света», издававшийся Федором Туманским. Здесь, в № 45 (ч. 3), в разделе «Новости», была опубликована эта знаменитая речь (1786 г.).

Каждая из глав нашего издания, по замыслу его авторов, приближает читателей к пониманию того, что Державин стал неотъемлемой частью тамбовского культурного пространства, его *genius loci* (*гением места*). И как таковая личность Державина, поэта и государственного человека, не могла не стать фактором формирования этого пространства. Само ощущение связи с фигурой такой величины и духовной значимости давало тамбовскому жителю совсем иное представление о себе и о своих родных пределах, чем это было раньше. Соотнесенность с Державиным неуклонно возводила культурное пространство Тамбовщины на новые высоты. Дух библиофильства, театральная, образовательная, музейная, библиотечная, журналистская и иные сферы — все это представляется сейчас неразрывно связанным с Державиным и к нему восходящим. Сам факт присутствия Державина в истории тамбовской культуры задает вектор ее развития, определяет ее перспективы и содержательную структуру.

Первые тамбовские исследования о Державине появились еще в позапрошлом веке. К середине прошлого века относится небольшая книжка Б. Дальнего и Д. Богданова «Державин в Тамбове», выпущенная издательством «Тамбовская правда» в 1947 г. и хранящаяся в фондах научной библиотеки ТГУ имени Г. Р. Державина. Предисловие к ней подписано тогдашним заведующим кафедрой русской литературы ТГПИ кандидатом филологических наук Н. И. Кравцовым. В дальнейшем Николай Иванович Кравцов стал известным отечественным славистом, профессором МГУ имени М. В. Ломоносова. В то время он работал в Тамбовском пединституте, правопреемником которого является ТГУ имени Г. Р. Державина. Под руководством Н. И. Кравцова была подготовлена кандидатская диссертация Е. В. Авдошенко, на основе которой издана еще одна книга — «Державин в Тамбове» (1962).

В 1993 г. в Тамбовском пединституте состоялась юбилейная международная научная конференция, посвященная 250-летию поэта. Тогда же под руководством профессора Л. В. Поляковой были изданы коллективные монографические труды: «Творчество Г. Р. Державина. Специфика. Традиции» (1993) и «Творчество Г. Р. Державина: проблемы изучения и преподавания» (1993); опубликованы спецвыпуски журнала «Кредо» и уникальное в своем роде издание «Пленира» (1993) с подборкой любовной лирики поэта.

В 2008 г. под знаком Г. Р. Державина, имя которого носит Тамбовский государственный университет, проходят Дни славянской письменности и культуры. По инициативе Ученого со-

вета ТГУ этот юбилейный для поэта год объявлен на Тамбовщине Годом Г. Р. Державина. Организован общероссийский семинар, посвященный 265-летию Г. Р. Державина. По материалам докладов, сделанных на этом семинаре учеными из Москвы и Воронежа, Твери и Петербурга, Тамбова и Новгорода, была подготовлена коллективная монография «Духовные традиции русской культуры: история и современность (к 265-летию Г. Р. Державина)» (отв. редактор профессор Н. Л. Потанина). Теоретическим посылом этого исследования стал тезис о том, что творческая личность Державина являет собой пример плодотворного развития духовных традиций русской культуры, вобравшей в себя и органически переплавившей Восток и Запад, Азию и Европу.

Исполнинская фигура Г. Р. Державина дает богатый материал для размышлений о сложных путях развития русской культуры в прошлом и настоящем, о ее сосуществовании и взаимодействии с государственной властью, влиянии на жизнь столицы и провинции, о перспективах культурного развития России в современном мире. В современных условиях формирования новой российской государственности, осознания общенациональной идеи и поиска путей сохранения культурных констант Г. Р. Державин — поэт и гражданин — являет собой пример человека, для которого русская государственность и русская национальная судьба существовали как нерасторжимое единство. Об этом размышляют во вводной части нашего издания глава администрации Тамбовской области О. И. Бетин, ректор Державинского университета заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор В. М. Юрьев и митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий (Васнев).

Роль творческой личности и наследия Державина в истории нашей культуры, сегодняшние оценки его творчества, представленные на страницах тамбовских изданий, — эти вопросы трактуются в главе первой настоящей книги.

Во второй главе представлена та часть творчества Державина, которая хронологически связана с исполнением им должности правителя Тамбовского наместничества. Эти произведения вписаны в разнообразный и яркий культурно-исторический контекст, благодаря пространным и богато иллюстрированным комментариям, сопровождающим каждый из публикуемых художественных текстов. Подготовка материалов для этой главы (художественных текстов и комментариев к ним, а также избранных комментариев и прочих пояснительных текстов из других научных изданий) осуществлена преподавателями Института филологии ТГУ имени Г. Р. Державина: Н. Л. Потаниной (раздел «На смерть графини Румянцевой»); В. В. Колчановым (раздел «Желание зимы»); Л. Ю. Хворовой (раздел «На посещение типографии в Тамбове епископом Феофилом»); Г. Б. Буяновой (раздел «Осень во время осады Очакова»); С. А. Косяковой (раздел «Пролог на открытие в Тамбове театра и народного училища»); А. М. Кальницкой (раздел «Речь, говоренная Петром Захарьиным на открытии в Тамбове главного народного училища»). Авторство других материалов этого издания указано в содержании.

Третья и четвертая главы книги посвящены дню сегодняшнему. В третьей главе представлены творческие опыты тамбовских авторов — маститых и юных, посвященные Державину. Четвертая глава отведена материалам о державинских традициях, которые успешно развиваются сегодня в Державинском университете (ТГУ имени Г. Р. Державина). Здесь авторы, профессионально занимающиеся образованием и воспитанием студенческой молодежи, исходят из идеи о значительном инкультурирующем потенциале творческой судьбы Державина.

Русский дворянин, родившийся в крайней бедности, и «потомок татарского мурзы», солдат, офицер и екатерининский вельможа, знаменитый поэт и государственный чиновник, художник, тесно связанный с «русским космосом», и классицист, уже в силу этого ориентированный на творческое взаимодействие с западной культурой, современник русского сентиментализма и зарождающегося романтизма — все это Державин, чья жизнь и судьба демонстрируют возможности использования на базе русской традиции многообразных культурных и социальных кругозоров, обретаемых личностью в течение жизни. Этот опыт помог Державину обрести свой голос, стал для него одним из факторов обретения личностного и творческого «самостоянья».

Авторы сердечно благодарят заместителя директора Тамбовской областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина по библиотечной работе М. В. Сабетову, сотрудников отдела редких книг О. В. Горелкину и Т. Ю. Дмитриеву, Н. В. Николаеву, которые произвели кропот-

ливый просмотр книг эпохи Г. Р. Державина, что и позволило обнаружить журнал, где более двух столетий назад была опубликована речь П. М. Захарьина.

Авторы отдают дань благодарной памяти хранителю отдела редких книг А. И. Сапогову, которого уже нет с нами, чей автограф на тетрадном листке был обнаружен на странице журнала «Зеркало света», где напечатана речь.

Авторы выражают искреннюю признательность за подробные консультации кандидату филологических наук, доценту В. И. Попкову, заслуженному работнику культуры, члену Союза писателей Российской Федерации, Почетному гражданину Тамбова В. Т. Дорожкиной, любезно и щедро предоставившей собранные ею материалы, вошедшие в состав главы «Г. Р. Державин в творчестве тамбовских поэтов».

Авторы надеются на то, что их труд найдет свое применение как в ходе дальнейшего изучения творческого наследия Г. Р. Державина, так в практике школьного и вузовского преподавания, в средствах массовой информации, а также будет интересен всем, кто любит русскую словесность и свою родную землю, заботится о ее настоящем и будущем.

*Н. Л. Потанина,
Г. Б. Буянова*

ВВЕДЕНИЕ

В. М. ЮРЬЕВ

НАСЛЕДИЕ Г. Р. ДЕРЖАВИНА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ РОССИИ

Не с легкой ношею, а весь дойдет Державин до позднейшего потомства...

В. Г. Белинский

Человек как «существо общественное» живет в конкретное социально-историческое время, и накладывать на него конкретные черты новых или прошлых эпох немислимо. Это все равно, что на текст наложить трафарет. Возникнет какой-то новый текст, не имеющий с прошлым никакого родства. В исторической реальности такой трафарет еще более опасен. Он не только ломает смысловое содержание процесса, но и приводит к ложным выводам и суждениям. Но любой период в развитии человечества, тем более конкретной страны и народа, имеет свою идеологию, свою культуру. Как всякая истина, они имеют корни своего рождения, сущностные черты проявления и вектор развития. Следовательно, они имеют неразрывную связь с прошлым и будущим.

Призвание писателей — развивать и направлять духовную жизнь народа, связывать его прошлое, настоящее и будущее, поддерживая уважение ко всему, что дорого человечеству. Особенно остро проявляется эта важная роль литературы на переломных этапах исторического развития.

Ломка старого и рождение нового — всегда процесс болезненный и неоднозначно многогранный. То, чему вчера слепо поклонялись, сегодня выставлено к позорному столбу. В древней пословице сказано: «Не дай Бог вам жить в век перемен».

Недавний период истории для России был особо трагичен. XIX в. и начало XXI в. словно спрессовали время. Начало и середина XIX в. — угасание феодальной Российской Империи. 1861 г. — начало развития капиталистических отношений. 1917 г. — ломка всех постулатов и вступление России в социалистический эксперимент. 1990 г. — уход от социализма и период «дикой демократии». 2000 г. — начало возрождения Новой России.

Сегодня Россия ушла от «лихих 90-х», ушла от переходного периода и транзитарной экономики. Сегодня Россия ушла от стыда за саму себя, от хуления своей истории, от духовной болезни своей культуры. Сегодня Россия иная, качественно иная страна. Но ее идеология, ее культура, ее духовный мир не появились из ничего, у них богатые и прочные исторические корни. Эти корни — патриотизм, духовность, соборность, здравый смысл русского народа. А геноидное наследие этих корней заключено в русской литературе, православной вере, в особом менталитете нашего населения. Время, как бы жестоко оно ни было, не вытравило из народной памяти, из памяти общества эти постулатные истины. И вновь культ человека, его духовности и нравственности победил всякие «измы» и малограмотные

переводы идеологической ереси с немецкого языка. Россия вновь обрела свои родовые черты. Их хранителями были великие русские писатели. Среди них — Г. Р. Державин. Его литературное наследие — это особый культурный пласт. Однако смешивать литератора Державина и Державина — крупного политического деятеля, администратора и вельможу нельзя. Это все равно, что попытаться соединить две половинки зеркала: отражающую и заднюю, темную. Но как эти половинки не могут существовать друг без друга, так и литературное наследие Г. Р. Державина, не только сотворение стихов, но и отражение в них особой ипостаси гражданского величия, веры в Бога и русского человека, не могут существовать без его политических воззрений и внутреннего духовного мира.

Я не филолог и не философ. Моя профессия — экономика, а жизненное кредо — менеджмент и политика. И, простите дилетанта, именно с позиции управления и правления попытаюсь дать свое виденье литературного наследия Г. Р. Державина для настоящего периода развития России — Новой России.

Расцвет таланта Г. Р. Державина совпал с особым периодом в развитии России — эпохой царствования Екатерины II. Именно этот период многими своими сущностными чертами похож на современный этап российской действительности. Вступление на престол императрицы Екатерины II прервало хаотичность и преступную халатность власти. Эпоха Петра I получила логическое и идеологическое продолжение. Орловы, Потемкин, Суворов, Безбородько, Шувалов и другие укрепили российскую историю. Живя в эту эпоху, участвуя в ее великих событиях, Г. Р. Державин как гражданин и поэт не мог не увидеть те исполинские изменения, те исполинские фигуры, те исполинские результаты, которые характеризовали эпоху Екатерины II. Мечты и мысли Г. Р. Державина как гражданина, патриота, певца Фелицы просты и ясны: «Россия — всё, для России — всё, россы — всё для существования светозарного мира». Вот знаменитые строки поэта, в которых он особенно ярко выражает дух своего идеала:

Пусть только ум Екатерины,
Как Архимед, создаст машины;
А Росс вселенной потрясет!

В «Вельможе» и «Монументе милосердия», в «Фелице» и «Водопаде», как и в других своих одах и стихах, Г. Р. Державин простым, новым русским языком, порой высокопарно, порой шуточно, а порой и сатирическим тоном, прославил век возрождения России.

Сегодня мы вновь оказались на переломном этапе истории. Развал СССР, бесперспективный российский либерализм и власть олигархов сменились новой идеологической доктриной. Новая Россия — это носительница великой истории и устремленность в будущее, где ее ждет историческое величие и особая миссия великой державы. Именно державы, а не империи или государства-жандарма. Держава — это прочность, это стабильность, это благополучие для своего народа и гарантия мирного существования государств в глобализирующемся и многополярном мире. Уже вошли в историю имена В. В. Путина и Д. А. Медведева. Век XXI снял духовные оковы с российской культуры.

И этот период мы, как в зеркале, видим в стихах Г. Р. Державина, написанных в веке XVIII. Глубоко веря в несокрушимость России, высокое назначение русского народа и особую миссию российской державы как гаранта мира и взаимопонимания с другими странами, Г. Р. Державин написал:

Афету мир? О труд избранный,
Достойнейший его детей,
Великими людьми желанный!

Действительно, выдающийся поэт не только певец прошлого или настоящего. Его талант позволяет заглянуть в будущее и перенести в него особый дух России, ее великих побед и исторических ошибок. И именно с позиций государственника и патриота, для которого Рос-

сия — это не географическое название, а Родина, он предупреждает и свое время, и нас о верности нравственным и общественным идеалам. Именно они, представленные в оде «Властителям и судиям», так созвучны сегодняшнему обновлению и очищению России от коррупции и продажности власти. Так созвучны идеологии «суверенной демократии». Так созвучны новому духовному идеалу Новой России:

Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.

Приверженность Г. Р. Державина духовности русского народа — особая ипостась его литературного таланта и гражданского служения. А она связана, в первую очередь, с верой в Бога и нашей православной религией. Г. Р. Державин в своей оде «Успокоенное неверие» и особенно в оде «Бог» потряс и поразил современников как защитник Божьей правды на земле. Он связал воедино религиозные убеждения и веру в величие России. исполинская сила великой державы не может быть созидательной без своей национальной идеи и своего духовного единства. Вера в Бога, вера в Божию правду и Провидение — это венец российской духовности, российской культуры и в конечном счете стержень нашего менталитета и нашего исторического предназначения.

С 1917 г. из российского народа стали вытравливать эти его природные, генные черты. Почти 70 лет идеология безверия, атеизма, культ новой коммунистической веры разрушали духовный мир русского человека. Но как нельзя из обезьяны создать человека, так и нельзя человека превратить в обезьяну. Потребовалось чуть меньше 20 лет, чтобы Россия вновь стала православной, чтобы вера в Бога стала нашей неформальной идеологией. И дело не в том, сколько и как люди ходят в церковь, соблюдают или не соблюдают церковные каноны и требования, считают себя воцерковленными или стихийно верующими, главное — они верят в Бога. Верят, что мир и Бог едины.

Вспоминаются кадры из когда-то знаменитого фильма «Все остается людям». Там артист Черкасов, играющий ученого, спорит со священнослужителем, которого играет артист Попов. Ученый утверждает, что все зависит от человека и человек может рассчитывать только на себя. Герой Попова, напротив, говорит о вере человека в Бога и бессмертие души. Прошло более 40 лет с выхода этого фильма на экраны, и сегодня мы отчетливо понимаем, что ученый был неправ, неправ по сути и форме бытия человеческого «Я».

И это также созвучно литературному наследию Г. Р. Державина. Пережив гибельную борьбу страстей в детстве и юношестве, он пережил нравственное перерождение. И войдя в новый образ, став нравственно очищенным и духовно наполненным, Г. Р. Державин в оде «Бог» дает удивительный по прозорливости портрет божественного величия:

О ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трех лицах божества!
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем — Бог!

Столь сжато и емко далеко не каждому поэту под силу поведать о том едином и противоречивом, что мы именуем Богом. Веря душой, а не умом или знаниями, человек очищается и перерождает свои нравственные идеалы. Постулаты «Нагорной проповеди» се-

годня вновь становятся великими истинами человеческой жизни, теми простыми и ясными потребностями его жизнедеятельности, к которым стремится всякий нормальный человек.

В. И. Гусев дал такое определение образу Г. Р. Державина: «...Державин — сын русского XVIII века, и многое в нем, Державине, намешено от этого века; да, он порою был слишком сыном этого века — атмосферы, нравов, наконец, языка; и это сыграло угрюмую, роковую роль в самых судьбах его поэзии — поэзии, гениальной по замыслу» [1, с. 7].

С таким портретом великого человека трудно согласиться. Да, Гаврила Романович Державин — сын своего времени. А кто из людей не сын своего времени, кто не живет его историей и культурой, кто не подвержен его ментальности и моде? Но именно понимание сущности окружающего мира делает человека и краеведом своего времени, и пророком. Г. Р. Державин как государственный, как патриот, как администратор на своей судьбе испытал все величие и многомерность, невежество и просвещенность, духовность и безверие XVIII в. Но он при этом великий поэт, и его литературное наследие не «угрюмо». Напротив, оно прозрачно, чисто, талантливо. Г. Р. Державин как великий поэт не скрывается в аморфной и безликой лирике. Его поэзия отражает конкретную жизнь, конкретные события, конкретных людей. И при этом они не фотография, а динамичная модель, устремленная в будущее. Именно эти ее родовые черты делают Г. Р. Державина не только русским поэтом XVIII в., но и великим русским поэтом, чьи стихи не имеют по сути временных оков и чей смысл ясен и понятен, важен и злободневен во все времена и периоды жизни России и окружающего ее мира. В подтверждение этого вывода обращаюсь к наследию великого исследователя творчества Г. Р. Державина, заведующего кафедрой словесности Александровского лицея в Санкт-Петербурге академика Я. К. Грота.

В монументальном девятитомном собрании сочинений, изданном Яковом Кирилловичем Гротом в 1864–1883 гг. и сопровождавшемся биографией Г. Р. Державина, дан творческий и государственный портрет великого сына XVIII в. Но Я. К. Грот сумел, в отличие от многих других исследователей, особенно периода «социалистического реализма», разглядеть футурологическую сущность литературного наследия Г. Р. Державина. В финале его биографии Грот написал: «...В минуты творчества он служил великим идеям человечества с таким жаром, какого мы не замечаем ни у кого из других поэтов. Силою своего пламенного воображения, своей здоровой мысли и резкого слова он переносит нас в тот высший нравственный мир, где умолкают страсти, где мы невольно сознаем ничтожество всего житейского и преклоняемся перед духовным величием. Таково содержание главных од Державина: несмотря ни на какие измерения времени, ни на какие успехи просвещения и языка, образы, им начертанные, сохраняют навсегда свою яркость, и до тех пор, пока идеи Бога, бессмертия души, правды, закона и долга будут жить не пустыми звуками на языке русского народа, до тех пор имя Державина как общественного деятеля и поэта не утратит в потомстве своего значения» [2, с. 685].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гусев В. И. «Чрез звуки лиры и трубы» // Державин Г. Р. Стихотворения / вступ. ст., сост. и примеч. В. И. Гусева. Воронеж: Центр.-Черноземное кн. изд-во, 1980.

Грот Я. К. Жизнь Державина. М.: Алгоритм, 1997. (Серия «Гений в искусстве».)

Ю. А. МИЗИС

**Г. Р. ДЕРЖАВИН -
УПРАВИТЕЛЬ ТАМБОВСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА
И ЕГО ВРЕМЯ**

События, предшествующие приезду Г. Р. Державина в Тамбов, были связаны с областной реформой. В 1779 г. Екатерина II подписала указ об образовании новых губерний на основании «Учреждения для управления губерниями» (1775 г.), что привело к новому административному делению России на губернии и наместничества. Указ «О составлении Тамбовского наместничества из 15 уездов» был подписан 16 сентября 1779 г. [1] Тамбовское наместничество первоначально вошло в состав Владимирского, Пензенского и Тамбовского генерал-губернаторства, которое возглавлял генерал-губернатор граф Р. И. Воронцов. С 1783 г. Тамбовское наместничество входило в состав Рязанского и Тамбовского генерал-губернаторства [2, с. 9]. Первые правители наместничества не оставили значительного следа в истории края. Пятым по счету правителем Тамбовского наместничества был назначен известный русский поэт Г. Р. Державин. Указ императрицы о его назначении на новую должность был подписан 15 декабря 1785 г.: «Всемилоостивейше повелеваем действительному статскому советнику правящему должность правителя Олонецкого наместничества Гавриилу Державину отправлять ту должность в Тамбовском наместничестве» [3, с. 69–70].

К приезду Г. Р. Державина в Тамбове сохранялись остатки бывшего рва городских укреплений. Деревянные сооружения Тамбовской крепости были уничтожены пожаром в 40-е гг. XVIII в. и больше не восстанавливались. Лучше сохранился ров, окружавший острог. Он шел от берега р. Цны (по нынешней ул. Интернациональной до пл. Ленина) и далее вдоль скверов ул. К. Маркса до р. Студенец. На плане конца XVIII в. видны также остатки рва вдоль восточной стены кремля (по нынешней ул. Советской) [4]. Реально территория бывшей крепости, окруженная валом, еще при Г. Р. Державине сохраняла свое прежнее административное значение, так как здесь оставались основные административные здания города и губернии.

Важным административным центром города стало Тамбовское губернское правление. Оно было создано в 1779 г. в связи с образованием наместничества. Решение о строительстве в Тамбове новых административных зданий было принято в 1780 г., но к строительству казенных зданий власти приступили не сразу. На плане 1781 г. они были в «прожекте» на противоположной от кафедрального собора стороне площади. Где находились прежние присутственные места, не совсем ясно. Известно, что на новое место деревянный корпус для присутственных мест был перенесен по указанию правителя наместничества М. Ф. Каменского в 1783 г.

С приходом Г. Р. Державина подготовка к строительству новых присутственных мест возобновилась. В начале 1787 г. строительные работы были далеки от завершения. В начале 1789 г. присутственные места по-прежнему выделялись своей «ветхостью»: местами «снизу бревны сгнили и простенки многие выпажились», «в потолке от дождевой течи две доски обгнили» [5, с. 245]. Присутственные места (каменные здания для губернских ведомственных учреждений, которые в XVIII в. назывались присутствиями) с архивами, типографией, ротным складом оружия располагались правее Губернского правления (до угла Октябрьской улицы).

Другим важным административным зданием в Тамбове являлось казначейство. Созданные в конце XVIII в. казначейства ведали сбором государственных доходов, взысканием недоимок и т. п., в данном случае в Тамбовском уезде и провинции.

В 1797 г. в связи с образованием Тамбовской губернии губернское правление как высшее административно-полицейское учреждение губернии под председательством губернатора было открыто. На виде 1799 г. и плане 1803 г. каменные здания губернского присутствия с архивом и караульной будкой располагались на углу современных Советской и Державинской улиц (в сторону Октябрьской).

В городе имелась наместническая казенная палата, появившаяся в ходе реформ Екатерины II 1770–1780-х гг. Палата ведала сбором и распределением государственных доходов, взысканием недоимок и других казенных денег. Счетное отделение было частью казенной палаты. В Тамбове к концу XVIII в. имелось достаточно много церковных строений, большинство из которых уже были каменными. Они создавали неповторимый облик городского пейзажа, своими вертикальными строениями разрушая одно- или двухэтажную постройку. Первый по времени храм Тамбова во имя Спаса Преображенья Господня был заложен в 1694 г. епископом Питиримом на месте деревянной Преображенской церкви крепости Тамбов. Здание строилось и перестраивалось более 130 лет. По первоначальному плану предполагалось строительство одноэтажного храма. Но после выкладки стен епископ Питирим вдруг пожелал сделать храм двухэтажным. Смерть не позволила Питириму закончить строительство. В 1783 г. тамбовский купец Матвей Бородин взялся за достройку собора. Стены алтарей были выведены наравне с церковными стенами. Маленькие главы совершенно не соответствовали массивности всего здания и были полностью перестроены. Первый тамбовский краевед С. А. Березнеговский отмечал, что собор был заложен в древневизантийском стиле, а закончен в новогреческом.

По приезду Г. Р. Державина собор находился в стадии капитальной перестройки, освящение состоялось 20 марта 1787 г. По свидетельству дневниковой записи паломника Г. Скопина от 21 мая 1787 г.: «Оная церковь каменная; сделанная четвероугольная давно, а не оконченная совершенно деревом; а ныне видно хотят ее оканчивать» [6, с. 38].

Одним из старейших церковных сооружений в Тамбове считается Казанский мужской монастырь. Его основал на южной окраине Тамбова иеромонах Иосиф не ранее 1677 г. В 1758 г. он стал резиденцией тамбовских епископов. В 1791–1792 гг. при епископе Феофиле здесь строится летняя церковь Казанской Божьей Матери, а в 1794 г. закладывается церковь Иоанна Предтечи. В дневной записи паломника Г. Скопина от 1787 г. отмечалось: «Храм Казанского монастыря был деревянным и ветхим, но богато устроен. Деревянная колокольня уже заменена каменной, высокой, на которой колокол весил 700 пудов» [6]. А. Т. Болотов, проезжавший через Тамбов в 1764 г., в своих мемуарах отмечал, что в городе «лучшее здание составлял дом архиерейский, построенный на самом берегу реки Цны и довольно великолепно и замысловато» [7, с. 561–566, 724–725]. Этот дом на берегу р. Цны украшал панораму Тамбова с восточной стороны и органично вписывался в монастырский ансамбль.

Другой, Вознесенский женский монастырь, был основан в устье рек Студенца и Гаврюшки в 1690 г. епископом Питиримом. Первые постройки монастыря сгорели при пожаре 1724 г. В течение 20 лет были восстановлены кельи и хозяйственные службы, построены небольшая церковь (10 сажен в длину, 4 — в ширину), деревянная стена с тремя воротами, а над главным ходом восьмистенная шатровая колокольня с зеленой чешуйчатой главой. Г. Р. Державин лично занимался проблемами развития Вознесенского монастыря. Сохранилось письмо Г. Р. Державина Я. Н. Нестерову о «починке» Тамбовского Вознесенского монастыря от 8 мая 1787 г.: «...Покорно вас прошу послать одного ведомства вашего землемера в здешний Вознесенский девичий монастырь для разбития мест к перестройке одного монастыря по плану, который прикажите на сей случай взять у губернского архитектора» [8, с. 81]. По новым чертежам игуменья обвела ограду из соснового леса, выстроила при Святых воротах два каменных, флигеля (богадельные), перестроила игуменские кельи, а кельи монахинь перенесла на «отведенные» места.

Строительство первой Вознесенской церкви осуществлялось по проекту архитектора И. Р. Кругликова под непосредственным контролем епископа Феофила и его помощника Нафанаила в 1794–1798 гг. Два других монастырских храма — Скорбященский и домовая церковь были возведены уже в XIX в.

В городе уже во времена Г. Р. Державина размещалось много приходских храмов. Троицы Живоначальная церковь, или Троицкая (Никольская) церковь, была заложена в 1642 г. в Пушкарской слободе города, поэтому иногда называлась Троицко-Пушкарской. В 1771 г. обветшавшее здание деревянной церкви было заменено каменным сооружением. Строительство церкви Знамения пресвятой Богородицы происходило в 1636–1637 гг. В 1775 г. во время пожара в Стрелецкой слободе церковь сгорела. В 1791 г. на средства прихожан на прежнем месте было возведено каменное здание Знаменской церкви. В 1686 г. за пределами тамбовской крепости была построена небольшая деревянная часовня во имя апостолов Петра и Павла. В 1770 г. обветшавшую часовню перенесли на Петропавловское кладбище, а на ее месте в 1771 г. заложили каменную церковь. Она строилась в благодарность за избавление от эпидемии чумы, охватившей Тамбовский край. После завершения строительства в 1778 г. церковь была названа во имя архидьякона Стефана. Ее также называли еще Уткинской в память о местном купце Ф. Уткине, жертвовавшем средства на строительство.

В документах середины XVII в. отмечалось, что в Покровской слободе находились две церкви: Покрова Богородицы и великомученицы Прасковьи, которые, вероятно, располагались в одном деревянном здании. Во время пожара в Тамбове в начале 1760-х гг. церковь сгорела. На ее месте в 1763 г. было начато строительство новой каменной церкви. Церковный историк Г. В. Хитров в середине XIX в. писал, что эта церковь была 2-этажной и соединялась папертью с колокольной. Он отмечал: «Ясный, лаконичный силуэт здания с его высоким центральным объемом — четвериком, несущим восьмигранную башню с легкой главкой на невысоком «барабане», олицетворял подлинный пример национального русского зодчества» [9, с. 275–276].

В Стрелецкой слободе г. Тамбова была построена деревянная церковь во имя Петра и Павла. В 1784 г. мастерами В. Федоровым и И. Григорьевым ее перенесли на территорию вновь образованного за пределами города Петропавловского кладбища. С тех пор она является кладбищенской церковью.

Церковь Успения пресвятой Богородицы во времена Державина являлась кладбищенской, каменное здание церкви считалось запустевшим. Вокруг нее образовалось Успенское кладбище. Церковь Воздвижения животворящего креста была основана в XVII в. в Полковой слободе. Во времена Державина была вынесена за пределы Тамбова и также стала кладбищенской.

Важной заботой Г. Р. Державина оставалось просвещение народа. Он считал себя проводником идей императрицы по развитию образования в России в духе просветительства. Первая солдатская школа в Тамбове появилась еще в начале XVIII в., а школа при местном гарнизонном батальоне была основана около 1780 г. В таких школах учились солдатские дети 7–15 лет и даже — ввиду отсутствия других учебных заведений — дети неимущих дворян. Во времена Г. Р. Державина в Тамбовской гарнизонной школе состояло 54 ученика, которые изучали русский язык, арифметику, «артиллерийскую и инженерную науку», военные упражнения, пение. Некоторым воспитанникам полученные знания в сочетании с волевыми качествами позволили выбиться в офицеры. Тамбовское 4-классное Главное народное училище было открыто стараниями Г. Р. Державина во исполнение решения Екатерины II в 1786 г. для первоначального обучения детей дворян. Первый набор учеников составил около 70 человек. Оно находилось в Покровской слободе в доме купца Бородина, занимая верхний этаж каменного строения, состоящий из четырех больших комнат для классов и одной малой для библиотеки. На нижнем этаже располагались комнаты учителей и служителей. При Г. Р. Державине здание не было полностью отстроено. При открытии училища яркую речь, вероятно написанную или основательно отредактированную Г.

Р. Державиным, произнес козловский однодворец Петр Михайлович Захарьин, занимавшийся литературным трудом.

Восстановление в 1758 г. Тамбовской епархии привело к быстрому росту новых приходов и развитию духовной жизни. Новой епархии потребовалось большое количество священнослужителей. Поэтому было принято решение о создании в губернии учебного заведения для подготовки священников. Духовная семинария с духовным училищем были основаны в 1779 г. по указу Екатерины II в Нижнеомовском монастыре. В Тамбов семинарию перевели в 1788 г., и вся подготовительная работа по ее открытию находилась в поле зрения наместника. В 1784 г. для постройки семинарского корпуса в Тамбове был отведен квартал между архиерейским домом и Покровской церковью. Главный корпус с лицевым фасадом по ул. Набережной строился в 1785–1796 гг. В нем находились начальные классы для 10–12-летних мальчиков и старшие классы, уже в 1796 г. здесь обучалось 30 семинаристов. В дальнейшем корпус неоднократно достраивался и перестраивался.

Особое внимание Державин уделял лечебным учреждениям, потребность в которых для города была велика. Главным лечебным заведением Тамбова стала открытая в 1783 г. больница Тамбовского приказа общественного призрения. Занимала два небольших здания и имела одного врача. В дальнейшем она послужила основой для комплекса зданий Губернской земской больницы (современной Областной больницы).

В 1785 г., накануне приезда Г. Р. Державина, в Тамбове был построен «каменный почтовый двор с принадлежащими к тому каменными службами, покрыт железом со употреблением на ту постройку кирпича восьмисот тридцати двух тысяч» [8, с. 45]. После его строительства почтовая служба в Тамбове получила новый стимул своего развития и могла быстро и бесперебойно доставлять почтовую корреспонденцию по всей России.

Новый управитель наместничества предпринял попытки по благоустройству транспортных путей в главном городе наместничества и губернии. Для благоустройства Тамбова был завезен бутовый камень, использовать который по назначению так и не удалось. В 1784 г. через Студенец построили деревянный мост. При Г. Р. Державине в 1786–1787 гг. вместо него возводится каменный мост. По замыслу Державина он был необходим для удобного прохода по реке легких судов и плотов. Наместник живо интересовался водными путями сообщений. По его рекомендации разрабатывался план реконструкции шлюзовых сооружений по Цне от г. Тамбова.

Державин написал в конце 1786 г. «Мнение о судоходстве Тамбовской губернии», где обратил внимание на помехи речным судам не только из-за природных мелей, но и из-за неразводных мостов, старых вбитых в дно свай, груд мусора, мельничных плотин. Державин пытался добиться сооружения новых паромных переправ, гатей и мостов, шлюзов в плотинах водяных мельниц. Он обеспокоился сохранностью корабельных лесов в крае и требовал поощрять владельцев многоразовых речных судов. Однако начавшаяся русско-турецкая война не позволила реализовать эти идеи на практике.

Г. Р. Державин осознавал важную роль торговли в жизни края и всеми мерами способствовал ее развитию. Гостиные дворы появились в некоторых российских городах еще в XVII в. Они представляли собой крупные деревянные сооружения, в которых размещались торговые лавки, амбары для хранения товаров и ледники. Все это огораживалось высоким забором с въездными воротами. В середине XVIII в. в Тамбове по ул. Большой Астраханской (напротив нынешнего стадиона «Спартак») был выстроен Гостиный двор с лавками и другими торговыми заведениями, лишь в середине XIX в. появился каменный гостиный двор на месте нынешнего здания тамбовского универсального магазина. В XVIII в. в русских городах торговые ряды (хлебные, мясные, рыбные, мелочные) располагались на специальных площадях или перед церквями. В Тамбове времен Г. Р. Державина существовали Хлебная и Сенная площади, торговые ряды у Варваринской церкви.

В силу исторических причин конфликты Г. Р. Державина с местным дворянством, чиновничеством и купечеством носили не только личностный или должностной оттенок. Ему довелось управлять краем как раз в эпоху перемен. К этому добавлялись неизбежно разные взгляды и вкусы столичного вельможи, признанного поэта и провинциальной публики. Дер-

жавин был носителем идей эпохи Просвещения о верховенстве законов над людьми, но законы его эпохи еще не прописали все детали взаимоотношений разных ветвей власти и управления между собой и населением. Обращаясь с просьбой прислать из Петербурга печатные экземпляры указов и прочих узаконений, Державин отмечал отсутствие в губернии сборников законов. Его служебное рвение имело и обратную сторону медали. Он не искал компромиссов, а их отсутствие было чревато социальной нестабильностью. Угроза очередного бунта в относительно недавно усмиренном после пугачевщины крае была серьезной опасностью.

Почувствовав перемены в отношениях И. В. Гудовича с Г. Р. Державиным, местные чиновники стали писать на последнего доносы. Конфликт с подчиненными перешел и на личную почву, коснувшись жены Гавриила Романовича Екатерины Яковлевны. Когда Державин выявил злоупотребления при закупке провианта для действующей армии, вице-губернатор М. И. Ушаков и его сторонники обвинили, в свою очередь, Державина в злоупотреблении властью и были поддержаны генерал-губернатором.

3 января 1789 г. был подписан указ об отрешении Г. Р. Державина от должности. Он воспринял его как тяжелый удар, возлагая вину на И. В. Гудовича, его окружение и чиновников. Наместник вынужден был покинуть Тамбов и уехать в столицу для дачи показаний о своей деятельности. Сенат оправдал Державина, он получил новое назначение на должность, но уже не в провинции. Занимал посты статс-секретаря императрицы, сенатора (с 1793), президента коммерц-коллегии (1794–1796 и 1797–1800 гг.), государственного казначея, министра юстиции. С 1803 г. в отставке. Умер 8 июля 1816 г. в селе Званка Новгородской губернии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XX. № 14917.

История административно-территориального деления Тамбовского края. XVII — начало XXI вв. Тамбов, 2011.

И пыль веков от хартии отряхнув...: хрестоматия по истории Тамбовского края. Тамбов, 1993.

Российский государственный архив древних актов. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 5829.

Дубасов И. И. Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов, 1993.

Тамбовская губерния в дневниках и воспоминаниях XVIII — начала XIX вв. / сост. В. Д. Филатьева. М., 2003.

Болотов А. Т. Записки. Т. 2. Ч. VIII–XIV. СПб., 1871.

Мещеряков Ю. В. Гавриил Романович Державин. Тамбовский период. Тамбов, 2006.

Хитров Г. Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1861.

ФЕОДОСИЙ (ВАСНЕВ), МИТРОПОЛИТ ТАМБОВСКИЙ И РАССКАЗОВСКИЙ

ТАМБОВСКАЯ ЕПАРХИЯ В ГОДЫ НАМЕСТНИЧЕСТВА Г. Р. ДЕРЖАВИНА В ТАМБОВЕ

Тамбовская епархия, основанная в 1682 г., имеет насыщенную событиями историю. Епархию возглавляли весьма образованные и просвещенные архипастыри, оставившие после себя яркий след в ее истории и в жизни края. Вторая половина XVIII в. была украшена служением в Тамбове выдающихся церковных деятелей своего времени — епископов Феодосия (Голосницкого) и Феофила (Раева). На время их пребывания на кафедре пришелся непродолжительный период управления Тамбовским наместничеством Гавриилом Романовичем Державиным.

Епископ Феодосий (Голосницкий) был назначен на Тамбовскую кафедру 9 ноября 1766 г. Начало его служения в Тамбове было нелегким. Как свидетельствует биография, владыка был неординарным человеком, обладал ясным умом, твердой волей и, вместе с тем, был сердечным и добрым. Однако с первых дней своего служения архипастырь встретил в Тамбове настороженность и даже враждебность. В городе оказалось множество недовольных переводом прежнего епископа Пахомия (Симанского) на другое место служения. Эти люди составили прошение в Синод о возвращении прежнего владыки, которое подписали 106 человек. Естественно, что в просьбе им было отказано. Более того, инициаторов подачи петиции в Синод наказали. Обиженные поспешили возложить вину на епископа Феодосия. Они озлобились и решили приложить еще больше усилий для удаления его из епархии. Удобный случай не заставил себя долго ждать. В 1769 г. вышел указ, по которому все заштатные церковнослужители подлежали зачислению на военную службу. Противники епископа задумали сложную интригу. К участию в ней был привлечен воронежский губернатор Маслов. Для производства разбирательства он направил двух чиновников, которые, явившись в Тамбов, обвинили владыку в сокрытии причетников. Между тем епископ заранее уже выслал 70 человек, не состоящих на службе в церквях, которых чиновники забраковали как негодных и потребовали прислать штатных церковнослужителей. Епископ отказал, не желая оставить храмы без необходимых помощников, после чего недовольные направили жалобу в Синод. Вторую жалобу подали причетники, отданные на военную службу за какие-либо провинности. И, наконец, пожаловался сам губернатор Маслов, избрав поводом рукоположение епископом Феодосием в сан диакона Василия Алексева, сына священника, что избавляло его от военной службы. Действия епископа толковались как неподчинение распоряжению властей. В 1770 г. владыку отстранили от управления епархией без запрещения в священнослужении и назначили следствие. Недруги святителя радовались унижению архипастыря. Городское духовенство отказалось ему подчиняться. Епископ Феодосий вынужден был переехать в Воронеж, где прожил два с половиной года до окончания следствия. При разбирательстве могли пострадать консисторские служащие, также привлеченные к ответу, но святитель, стараясь спасти своих подчиненных от несправедного приговора, взял всю вину на себя. Принимая близко к сердцу

тяготы простых людей, владыка действительно помогал заштатным церковнослужителям. Это и вменили ему как «преступление». Следственная комиссия, состоявшая из епископа Воронежского Тихона, настоятеля Рязанского Спасского монастыря архимандрита Антония и премьер-майора Куприанова, представила материалы расследования Императрице Екатерине Алексеевне. Ознакомившись с делом, государыня в 1773 г. оправдала епископа Феодосия и возвратила его в Тамбов на кафедру [1, с. 86–108].

Подобные истории вызывали нестроения в епархиальной жизни. После стольких тревог владыке Феодосию пришлось вновь налаживать церковную жизнь. 70–80-е гг. XVIII в. в епархии отмечены повсеместным строительством каменных храмов, устройением монастырей, в том числе Тамбовской Казанской обители. Для надзора за тем, чтобы храмы украшали искусные мастера, а иконы для них писали сведущие в иконописании художники, тамбовский архипастырь создал специальную комиссию.

Одной из главных забот преосвященного Феодосия по возвращении к управлению епархией стало укомплектование приходских церквей, так как после пугачевского восстания и моровой язвы 1771 г. по всей епархии недоставало 292 человека духовного чина, а у имевшегося духовенства не было должного духовного образования. Во всей Тамбовской епархии был только один человек, обладавший «книжным знанием» — это епархиальный проповедник-священник. Трудно было епископу искоренять накопившиеся недостатки [2]. Устранению безграмотности среди духовенства содействовало открытие семинарии в Тамбове 22 сентября 1779 г. Как писал историк И. И. Дубасов, «совершилось весьма скромное по видимому и весьма важное по существу дело. Это — открытие духовной семинарии» [3, с. 81]. Императрица Екатерина II распорядилась на содержание нового духовного учебного заведения выделять 2000 рублей ежегодно. Первоначально семинария располагалась в Нижнеломовском монастыре, а затем, после строительства семинарского корпуса, она переместилась в Тамбов.

Просветительским трудам епископа Феодосия содействовало открытие 15 декабря 1779 г. в городе Тамбове вместо воеводства — наместничества. В декабре 1785 г. тамбовским наместником был назначен, а 4 марта 1786 г. прибыл в Тамбов Гавриил Романович Державин, бывший Олонецкий губернатор. Тамбов поразил нового наместника своей неустроенностью. В городе прилично выглядела только одна улица — Большая Астраханская, на которой располагались казенные здания губернского магистрата, суда, казначейства, торговые здания и частные дома купцов и чиновников. Большую часть строений составляли простые деревянные избы, крытые преимущественно соломой, которые были возведены на улице беспорядочно. Не меньшей неустроенностью отличалась административная и общественная жизнь края. Державин с усердием занялся благоустройством губернского центра, налаживанием административной, просветительской и культурной жизни губернии. В своих разносторонних трудах он тесно взаимодействовал с преосвященными епископами, возглавлявшими епархию в период его пребывания в Тамбове.

Острой в Тамбове была проблема безграмотности местного населения. Подобно владыке Феодосию, Гавриил Романович главную надежду в просвещении народа и обучении его грамоте возлагал на создание учебного заведения. Воспользовавшись появлением указа об учреждении в российских городах народных училищ, он решил открыть училище и в Тамбове. О том, что его идея встретила одобрение епископа Феодосия, свидетельствует тот факт, что в день открытия данного учебного заведения он в Казанской церкви совершил Божественную литургию и молебен. Владыка всячески поддерживал училище и жертвовал личные средства на его содержание, а после кончины завещал училищу 1000 рублей.

Соработничество епископа Феодосия и Гавриила Романовича Державина продолжалось недолго. Перенесенные архипастырем неприятности сильно подорвали здоровье и сократили его жизнь [4, с. 26–33]. Владыка Феодосий скончался 23 декабря 1786 г. в возрасте 63 лет, оставив о себе добрые воспоминания и самое скромное монашеское имущество. В похоронах деятельное участие принял тамбовский наместник Г. Р. Державин. Чин отпевания святителя совершил епископ Рязанский Симон. Преосвященный Феодосий был погребен в Спасо-Преображенском кафедральном соборе г. Тамбова у северной стены.

После его смерти епархия временно управлялась рязанским владыкой Симоном. 6 мая 1788 г. был назначен новый управляющий Тамбовской епархией. Им стал епископ Старорусский Феофил (Раев). Его административному таланту суждено было проявиться именно на Тамбовской кафедре. 14 сентября 1788 г. Тамбов впервые увидел своего архипастыря. Среди участников торжественной встречи был и губернатор Г. Р. Державин. Время управления Тамбовской кафедрой владыкой Феофилом лишь на короткий период совпало с пребыванием в Тамбове Державина. За это время они успели сблизиться и найти понимание, о чем свидетельствует их общее попечение о народном просвещении. Решению этой задачи могла помочь созданная в Тамбове типография. Еще тремя годами ранее приезда Державина в Тамбов было дано указание создавать типографии в губерниях. Типография нужна была Державину не только для «канцелярского производства», но и для печатания книг. В 1788 г. начала издаваться первая в Российской империи провинциальная газета «Губернские ведомости» [5, с. 325]. Нашла отражение на страницах газеты, выходящей в Тамбове в течение 1788 г., и православная тематика. Имеются сведения о том, что в приложении к одному из номеров газеты было опубликовано «Поучительное слово...» епископа Феофила. Можно предположить, что это была не единственная публикация его работ, если вспомнить известные строки из стихотворения Г. Р. Державина, посвященного епископу Феофилу в память о посещении им типографии:

На память твоего, Феофил, к нам прихода,
Бессмертью здесь твое мы имя предадим.
И должно ли молчать учителю народа?
Рассыпь твой бисер нам: мы свет обогатим.

В целом, в характере и деятельности владыки Феофила было много схожего с Г. Р. Державиным. Они оба были активными сторонниками народного просвещения, искренними радателями о пользе Отечества.

Епископ Феофил обладал духовной силой и несокрушимой энергией творчества. Не было такой стороны в местной церковной жизни, на какую бы он не обратил внимания и куда бы не внес улучшения. Прежде всего, он усовершенствовал церковное делопроизводство и положил конец злоупотреблениям консисторских чиновников. Размах строительных работ, проводимых при владыке Феофиле, поражал современников. Особой его заботой стали монастыри. Тамбовский Казанский монастырь своим благоустройством обязан исключительно владыке Феофилу. В нем епископ построил архиерейский дом с домовою церковью, корпус для монашеских келий, консисторию, величественную колокольню и два храма. Сам монастырь обнесли высокой каменной стеной и восемью красивыми каменными башнями. Украшение монастыря — Казанский собор — построен по образцу храма Саровской обители. Не меньшее усердие проявил святитель и при устройении внешней и внутренней жизни Иоанно-Предтеченского Трегуляевского мужского монастыря: за три года его привели в прекрасное состояние. Строительные работы проводились и в Вознесенском женском монастыре в Тамбове: в конце XVIII в. в нем был воздвигнут главный храм обители — Вознесенский собор.

Время духовного подъема переживала при епископе Феофиле Саровская пустынь. Письма святителя, долгое время сохранявшиеся в монастыре, свидетельствовали о теплоте и доверительности его отношения к известному монастырю. Владыка вникал в подробности монастырской жизни, пользовался советами саровских старцев в хозяйственных делах, отстаивал интересы обители перед Синодом и светскими учреждениями. В Сарове он открыл больницу и богадельню. Именно святитель Феофил 2 сентября 1793 г. в Тамбове рукоположил во иеромонаха преподобного Серафима. «По присланным просьбам от Вас все устроено и отец Серафим — иеромонах, да будет Бог с ним», — сообщал он настоятелю пустыни. Неизменной любовью отвечали ему и насельники обители.

Гавриил Романович Державин по просьбе владыки Феофила также содействовал благоустройству Саровской обители. Даже покинув Тамбов в ноябре 1788 г. и находясь в Петербурге на посту министра юстиции России, Державин продолжал помогать епископу Феофилу. Об этом

свидетельствует письмо, адресованное Гавриилу Романовичу епископом Тамбовским: «Ваше превосходительство, Гаврила Романович. Милостивый государь и покровитель. Печатлея вечно чувствительную мне вашу милость и благодетельный респект в сердце моем, приемлю смелость утрудить многотрудную особу вашу... моими нуждами... Епархии моей Саровская пустынь имеет дело свое по сенату межевое, и ходящий по оному делу иеромонах Киприан уведомил меня, что тое их дело представлено рассмотрению вашего высокопревосходительства; чего ради нижайше прошу учинить в етом деле сим вашим богомольцам благодетельную помощь и милостивое покровительство». На копии письма, хранящейся в Тамбовском областном архиве, нет даты, но, несомненно, письмо относится к 1802–1803 гг., когда Державин был министром юстиции.

Роднили тамбовского владыку и тамбовского наместника и проекты в деле образования. Любимым детищем епископа Феофила стала Тамбовская духовная семинария, окончательно переведенная при нем в губернский центр из Нижнеломовского монастыря. При материальной поддержке и участливом наблюдении тамбовского архипастыря было завершено строительство семинарских зданий. Много усилий предпринял он для устройства учебно-воспитательного дела, стараясь воздействовать на жизнь духовной школы путем общения с учителями и учащимися, внимательным отношением к мелочам повседневного быта воспитанников. Значительны заслуги епископа Феофила и в улучшении приходской жизни. В его годы было построено более 300 храмов. Немало сделал он и для повышения дисциплины и грамотности духовенства и церковнослужителей.

Двадцать три года продолжалось архипастырское служение преосвященного Феофила в Тамбовском крае. Многогранная деятельность его снискала благосклонность начальства: в 1800 г. он был награжден орденом святой Анны, а шестью годами позже ему была пожалована панагия с бриллиантами. Епископ Феофил полюбил тамбовскую паству. Даже когда ему было сделано предложение занять иную кафедру, он остался верен своим пасомым. Кончина святителя последовала 22 декабря 1811 г. Казанский храм мужского монастыря принял останки своего строителя, где он покоится до настоящего времени [6, с. 163–165]. Ежегодно в день его кончины совершалось торжественное служение панихиды. Многие поколения жителей Тамбова хранили память о святителе Феофиле, подтверждая слова, помещенные некогда под одним из портретов преосвященного, который находился в братской трапезной Саровской мужской пустыни:

Ученьем, верою и жизнью твоей
Любезен твой, Феофил, образ пастве всей.
Доколе град Тамбов на тверди сей пребудет,
Трудов, подъятых в нем тобою, не забудет.

Конец XVIII в., который оказался в российской истории особенно плодотворным на выдающихся государственных и церковных деятелей, запечатлелся таковым и в истории Тамбовского края. Почти одновременно во главе Тамбовской епархии и Тамбовского наместничества оказались сразу трое видных исторических деятелей своей эпохи. Ревностное исполнение ими своих обязанностей, высокая ответственность и безусловная честность стали главными чертами их деятельности. И хотя период их совместных трудов был непродолжительным — епископ Феодосий неполных десять месяцев управлял епархией при Гаврииле Романовиче Державине, а епископ Феофил взаимодействовал с тамбовским наместником около трех месяцев — он оказался весьма плодотворным и значимым. Предпринятые преосвященными архипастырями и наместником начинания в области просвещения, градостроительства, по устройству государственной, церковной и общественной жизни, в создании архитектурных и культурных шедевров продолжают свидетельствовать об их незаурядности и мудрости и заставляют современников восхищаться их подвижническим трудом на поприще преобразования Тамбовского края.

Полагаю, что одна из задач современного бытия нашего региона состоит в том, чтобы восстановить порушенные храмы и памятники культуры, историческое наследие, созданное пред-

шественниками, и достойно продолжить на новом качественном уровне их труды по духовно-нравственному просвещению народа, стать их деятельными сподвижниками в деле служения Богу и людям, Церкви и Отечеству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Историко-статистическое описание Тамбовской епархии / сост. Г. В. Хитров. Тамбов, 1861.
Нечаев А. Очерки из истории Тамбовской церкви // Русская старина. 1908, июль, август.
Дубасов И. И. Очерки истории Тамбовского края. Тамбов, 2006.
Тамбовские епархиальные вести. Тамбов, 2008. № 1.
Грот Я. Жизнь Державина. М., 1997.
Мануил (Лемешевский), митрополит. Русские православные иерархи. М., 2003. Т. 3.

ГЛАВА 1

«И СЛАВА ВОЗРАСТЕТ МОЯ, НЕ УВЯДАЯ...»

Поэзия Державина в прошлом и настоящем русской провинции

Н. Л. ПОТАНИНА

ПОЭЗИЯ ДЕРЖАВИНА НА СТРАНИЦАХ «СОБЕСЕДНИКА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО СЛОВА» И В ОДНОЙ ИЗ ФАМИЛЬНЫХ БИБЛИОТЕК ТАМБОВА

На столе передо мной — два томика в пожелтевших обложках, заботливо обернутых газетой. Края страниц сильно потрепаны, но текст, напечатанный на плотной бумаге, до сих пор читается хорошо. И не случайно. Ведь речь идет о книжках, изданных, как указано на титулах, «в Санкт-Петербурге, иждивением Императорской Академии Наук». Одним из авторов издания была императрица Екатерина II, а все его дела курировала директор Императорской Академии наук княгиня Е. Р. Дашкова. Такие издания выполнялись с большим старанием и на самом высоком (из доступных тогда) техническом уровне. Речь идет о журнале «Собеседник любителей русского слова» (далее — «Собеседник») [1].

Почти столетие спустя критик «Современника» Н. А. Добролюбов с большой симпатией отметит в «Собеседнике...» общее с Российской академией наук «...просвещенное стремление — распространять просвещение в обществе и возвысить значение отечественной литературы» [2]. В той же статье критик охарактеризует это издание как «собственно литературное, полное жизни, пользовавшееся полным простором в выборе предметов и в способе их изображения» [2]. Одну из причин востребованности такого рода изданий Добролюбов видит в том, что русский читатель находил в них «...отраду по крайней мере в слове — умном, смелом, благородном, выведившем на посмеяние все низкое и пошлое и выражавшем живое стремление к новому, лучшему, разумному порядку вещей. “Собеседник”... защищал русский язык от вторжения ненужных иностранных слов, отличался любовью к историческим изысканиям, пытался рисовать современные нравы, представлять в легкой форме дельные научные истины...» [2].

Знаменательно то, что это выдержавшее всего два года издание читалось и сохранялось, судя по всему, не только в столицах (где оно создавалось и откуда в основном и присылались корреспонденции), но и в провинции. Части VIII и XIII «Собеседника», сохранившиеся в домашней библиотеке моей семьи, — неопровержимое тому свидетельство. Библиотека эта собиралась, как минимум, в течение двух столетий — примерно со второй трети XIX в. Ее владельцы жили в это время преимущественно в черноземных губерниях (областях) центральной России — сначала в Белгороде, потом в Воронеже и Тамбове, лишь на не очень

продолжительные сроки (для учебы в Санкт-Петербургском университете и на Высших женских курсах — тоже в столице) покидая провинцию. В 1930 г. мой дед Константин Алексеевич Димитриу (ставший впоследствии первым заведующим кафедрой иностранных языков местного пединститута) перевез семью в Тамбов. Вместе с ним перекочевала сюда и огромная фамильная библиотека, унаследованная им от своего отца, Алексея Константиновича, директора Белгородского (а позже — Воронежского) учительского института.

Известно, что в начале Великой Отечественной войны, готовясь к возможной эвакуации, дед отобрал из библиотеки все самое ценное и, тщательно упаковав, закопал свои книги в саду около нашего тамбовского дома. Когда опасность эвакуации миновала, книги были извлечены из земли. Однако некоторые из них все-таки оказались частично подпорчены влагой. Последствия этого (разводы, пятна, покоробленные и частично осыпавшиеся края страниц) видны и сегодня. Книжки «Собеседника любителей русского слова», судя по всему, оказались в этой части дедовской библиотеки. Их страницы — особенно 121–182 из книги (части) VIII — значительно уменьшились в размере. Однако это произошло без ущерба для напечатанного на них текста, благодаря широким, в три сантиметра, полям издания.

В какой момент семейной истории попали в библиотеку две книжки «Собеседника», теперь сказать трудно. Все владельцы библиотеки были усердными книголюбителями и страстными библиофилами. Дед, Константин Алексеевич, всю жизнь до смерти (1952 г., Тамбов) пополнял свою библиотеку. Книжки «Собеседника» могли быть приобретены им и в Тамбове, а это значило бы, что до этого тамбовские жители сохраняли их, передавая из поколения в поколение, в течение почти полутора столетий. Это предположение кажется тем более обоснованным, что одним из авторов «Собеседника» был Г. Р. Державин.

Как уже было сказано, «Собеседник» издавался в Петербурге с июня 1783 по сентябрь 1784 г. Его первый номер открывала ода Г. Р. Державина «К Фелице», носившая программный характер. По замыслу учредителей, официальный и программный характер имело и все это издание. «Объединение в “Собеседнике” ведущих русских писателей, приуроченное к исполнившемуся 20-летнему юбилею царствования Екатерины II, должно было установить непосредственный их контакт с верховной властью и стимулировать создание произведений, популяризирующих личные высокие качества императрицы как продолжательницы “дела Петра”» [3].

Для Державина, чья судьба поэта и государственного чиновника диктовала ему необходимость быть крайне внимательным ко всем проявлениям высочайшей активности, книжки «Собеседника» представляли значительную ценность. А потому они вполне могли быть привезены им в Тамбов, куда в качестве наместника поэт был направлен указом Екатерины II спустя совсем непродолжительное время. Указ императрицы о назначении Г. Р. Державина на новую должность был подписан 15 декабря 1785 г. В Тамбов новый управитель наместничества приехал в марте 1786 г., полный намерений привнести культуру и образование в жизнь провинции. В числе прочего он привез с собой и книги. Трудно предположить, что среди них не было «Собеседника». Ведь за два года (1783 и 1784) Державин опубликовал здесь не только знаменитую оду «К Фелице» (1783), которая принесла ему шумный успех — уже одного этого было бы достаточно, чтобы привезти на новое место службы и с гордостью показывать новым знакомым столичное издание. Но это далеко не все. В «Собеседнике» были опубликованы и другие широко известные сегодня произведения: «Ключ» (1779), «Ода к соседу моему Г***» (1780, 1783), «Решемыслу» (1783), «Бог» (1784).

Мало этого. «Собеседник» стал своего рода популяризатором поэзии Державина и «транслятором» его творческих открытий. Едва ли это обстоятельство могло остаться незамеченным Державиным. Едва ли поэтому он мог, собираясь на новое место службы, оставить книжки «Собеседника» пылиться где-то вдали от себя. Вот что в данном случае имеется в виду. VIII книжка «Собеседника» за 1783 г. (именно она — одна из двух, хранящихся в нашей домашней библиотеке) опубликовала знаменательное «Письмо к Татарскому Мурзе, сочинившему «Оду к премудрой Фелице» [4, с. 2–8] (далее — «Письмо»). Это стихотворное послание подписано инициалами О. К. За ними скрывается Осип Петрович Козодавлев (начало 1750-х гг. — 1819 г.) — фигура очень влиятельная, литератор, редактор «Собеседника», совет-

ник при президенте Академии наук княгине Е. Р. Дашковой. Он был близок к Державину. Одним из первых Козодавлев познакомился еще в рукописи с державинской «Фелицей» и показал ее княгине Дашковой. После этого было решено открыть одой Державина первый номер «Собеседника» [5].

Очевидно, что это прямое и публичное обращение О. К. Козодавлева, «правой руки» княгини Дашковой в делах издания «Собеседника», не могло не быть лестно и важно для Державина. Поэт, совсем недавно переживший болезненный конфликт с олонекскими чиновниками, не без влияния которых он был смещен с должности, едва ли мог расстаться с таким весомым знаком официального расположения. Еще и поэтому восьмая книжка «Собеседника» за 1783 г. в числе других его выпусков, скорее всего, должна была прибыть вместе с Державиным в Тамбов. Но дело не только в этом. «Письмо» Козодавлева содержит легко распознаваемые аллюзии на отдельные места из державинской «Фелицы».

В данном случае важно, что это как раз те места, в которых запечатлены творческие открытия Державина, — прежде всего, совершенная им поэтизация обыденной жизни. «Будни, реальный быт властно вторгаются в строфы державинской оды, и это ведет к трансформации установленной Ломоносовым структуры одического жанра, всей его изобразительной и словесной ткани», — пишут по этому поводу К. В. Пигарев и Г. М. Фридлендер в академической «Истории всемирной литературы» [6, с. 389]. В подтверждение этой мысли приводится известная цитата из оды Державина «К Фелице»:

Иль, сидя дома, я прокажу,
Играю в дураки с женой;
То с ней на голубятню лажу,
То в жмурки резвимся порой;
То в свайку с нею веселюся,
То с нею в голове ищуся... [7]

А вот как интерпретируется этот фрагмент в «Письме» О. К. Козодавлева:

Ты нежишься и спишь, валяясь на диване,
То едешь погулять, то моешься ты в бане,
Проказишь то с женой, играя в дураки,
То смотришь удальцов, как бьются в кулаки;
А под вечер сидишь за ломберной игрою
Иль просвещаешься Полканом и Бовою...

[4, с. 4]

Совершенно очевидно, что, ласково упрекая «Мурзу» за недостаточную ретивость в деле прославления все умножающихся деяний «Фелицы», прилежный чиновник (но эпигонствующий стихотворец) Козодавлев невольно воспроизводит — и тем самым распространяет, популяризирует, внедряет в современную ему литературную практику! — державинское «открытие быта».

В тех же VIII и XIII выпусках «Собеседника» обнаруживаем интересные случаи творческого диалога Державина одновременно с культурной традицией и с поэтами-современниками. Так, здесь уже было сказано, что в XIII выпуске (1784) опубликована знаменитая державинская ода «Бог», сегодня составляющая одно из сокровищ русской классической литературы, закладывающая основы философской поэзии. А в выпуске VIII (1783) читаем «Стансы», которым предпослана следующая ремарка: «Мысли некоторой госпожи, данные Автору к изображению того, каким образом человек в простом понятии разумеет Бога». «Стансы» подписаны инициалами Я. К., за которыми скрывается крупнейший драматург русского классицизма и поэт второй половины XVIII в. Я. Б. Княжнин (1740 (1742?) – 1791). «Стансы» Княжнины начинаются следующей четырехстрочной строфой (здесь и далее курсив мой, пунктуация оригинала — *Н. П.*):

Источник жизни! благ податель!
К тебе, о Боже! вопию;
И пред тобою мой Создатель
Мою всю душу пролию.

[8, с. 149]

В оде «Бог» Державина, опубликованной на следующий год в XIII книжке того же журнала, читаем в девятой строфе (пунктуация оригинала — *Н. П.*):

Твое создание я создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ податель,
Душа души моей и Царь!

[9, с. 125]

Совпадение выделенных стихов Княжнина и Державина полное и очевидное. Нет сомнений в том, что Державин был знаком со «Стансами» Княжнина. Тем более, что публикация в «Собеседнике» не была для этого стихотворения первой. Первоначально оно было опубликовано в 1780 г. в другом издании, без подписи, но под другим и очень знаменательным названием: «Стансы Богу». (Заметим, что прокомментировавшая этот факт в Большой серии «Библиотеки поэта» Л. И. Кулакова, к сожалению, допустила неточность в обозначении номера страницы, с которой начинается текст «Стансов» Княжнина в «Собеседнике». В комментарии сказано: «С поправками, под заглавием “Мысли некоторой госпожи, данные автору к изображению того, каким образом человек в простом понятии разумеет бога. Стансы” и с подписью “Я. К.” — СЛРС, ч. 8, 1783, стр. 49» [10]. Тогда как на самом деле это стихотворение размещено в «Собеседнике» на страницах 149–151, о чем неоспоримо свидетельствует имеющийся в нашем распоряжении оригинальный экземпляр журнала.) Итак, уже в названии проявлена тематическая близость стихотворения Княжнина и державинской оды «Бог». Так что не заметить ее поэт, размышлявший в это время над теми же вопросами, не мог. Однако нельзя сказать, что это совпадение обусловлено простым заимствованием. Скорее, оно свидетельствует о принадлежности авторов к единой духовной традиции, в которой вышеуказанные обращения к Создателю обрели характер формулы. Они, по-видимому, восходят к известной православной молитве Святому Духу: «Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, иже везде сый и вся исполняя, *сокровище благих и жизни Подателю*, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша» [11].

В той же XIII части (так в оригинале), или книжке, журнала «Собеседник» помещено еще одно важное для нас стихотворение. Оно называется «Письмо к Ломоносову 1784 года». Едва ли случайно место, которое оно занимает: в самом конце журнала. После него сразу идут слова: «Конец тринадцатой части» [1, XIII, с. 171]. Как известно, начало и финал — сильные позиции любого текста. Потому и размещение этого стихотворения красноречиво. Его автор — снова О. Козодавлев, редактор журнала, посланием которого к Державину («Татарскому Мурзе») открывалась VIII часть «Собеседника». Но это еще не все. Несмотря на апелляцию к Ломоносову, заявленную в названии, стихотворение содержит явную переключку с «Письмом к Татарскому Мурзе...». Причем переключку, чрезвычайно лестную для Державина. Во-первых, автор (Козодавлев) смиренно признается в том, что его дарования недостаточно, чтобы достойно воспеть все умножающиеся дела великой императрицы:

Побед, премудрых дел и свойств души Ея
Достойно, признаюсь, воспеть не в силах я.

[1, XIII, с. 170]

Во-вторых, автор заявляет, что лишь великий Ломоносов мог бы справиться с этой миссией:

Царицу лучшую во всем известном мире,
Удобно славить лишь твоей бессмертной лире.

[1, XIII, с. 170]

В-третьих, он прямо называет Державина новым (современным) последователем Ломоносова, добавляя при этом, что Державин — «нелицемерный друг» автора:

Из новых здесь творцов, последователь твой,
Любимец муз и друг нелицемерный мой...

[1, XIII, с. 170]

В-четвертых, автор отдает должное поэтическому дару Державина, оказавшегося способным «достойно восхвалить» «великие дела» Екатерины:

Российской восхитясь премудрою царицей,
Назвав себя мурзой, ее назвав Фелицей,
На верх Парнаса нам путь новый проложил,
Великие дела достойно восхвалил.

[1, XIII, с. 171]

И, наконец, в-пятых, Козодавлев констатирует проявившееся при этом поэтическое новаторство Державина: «На верх Парнаса нам путь новый проложил...» [1, XIII, с. 171].

Однако далее автор дружески пеняет Державину на леность, помешавшую ему вновь взяться за перо, чтобы прославить «Фелицу»:

Но он, к несчастью, работает лениво.
Я сам к нему писал стихами так учтиво,
Что, кажется, нельзя на то не отвечать,
Но и теперь еще изволит он молчать.

[1, XIII, с. 171]

Этот упрек компенсируется новой похвалой Державину, звучащей в финале стихотворения. Важен и контекст похвалы: автор сетует на то, что в век Екатерины нет «другого Ломоносова». И это несмотря на то, что поэтам предоставлена творческая свобода («Пусть выбирает всяк предмет себе по воле...» [1, XIII, с. 171]). Но «их стихи лишь только звон пустой...» [1, XIII, с. 171], — полагает автор.

А далее следует двустороннее, содержащее новый поклон в сторону Державина:

Им равные писцы хоть ввек бы не писали,
Лишь бы хорошие писать не преставали.

[1, XIII, с. 171]

На наш взгляд, важно не только это очевидное предпочтение (как творческое, так и официальное), отданное придворным литератором Козодавлевым Державину в сравнении с другими современными поэтами. Важно и то, что об этом предпочтении заявлено в заключительных строках стихотворения, обращенного к Ломоносову — признанному классику эпохи. Тем самым, кажется, официально поставлена «жирная точка» в спорах о поэтическом первенстве на российском Парнасе. И Державин, конечно, не мог этого не осознавать и не отдавать этому должное.

Но вернемся к двум книжкам «Собеседника», сохраненным в тамбовской домашней библиотеке и сохранившим для нас неповторимый колорит официальной и творческой жизни

тех лет. Ситуация, в которой литературный журнал выпускался под эгидой Императорской Академии наук, одним из ее авторов была императрица, а поэт, прославившийся своей одой в честь правящей монархини, мог, тем не менее, в течение почти двух лет не отвечать на настойчивые публичные приглашения возобновить свои поэтические опыты в этом жанре, оставаясь при этом на государственной службе (отнюдь не на последних ролях), — заслуживает внимания.

Интересно и то, что в Тамбове сохранились именно эти две книжки журнала — VIII и XIII, объединенные, как теперь совершенно очевидно, именем Державина. Первая из двух этих книжек «Собеседника» открывается «Письмом к Татарскому Мурзе...» О. Козодавлева. Она же содержит «Стансы» Я. Княжнина, демонстрирующие явную тематическую и текстуальную (на уровне цитации) связь с одой Державина «Бог», которая помещена во второй из двух «тамбовских» книжек «Собеседника» — XIII. А эта XIII книжка журнала завершается стихотворением О. Козодавлева «Письмо к Ломоносову 1784 года», тоже, как было показано, содержащим поэтические апелляции к Державину.

Сказанное позволяет сделать предположение, что две рассмотренные части журнала «Собеседник любителей российской словесности» принадлежали кому-то из круга людей, активно интересовавшихся личностью Державина и его поэзией. Такие люди, конечно, могли проживать во многих городах России. Но слишком уж многое сходится: две разрозненные части журнала, объединенные именем Державина, годы издания журнала, непосредственно предшествовавшие переезду Державина в Тамбов, и само местонахождение этих книг — в семейной библиотеке в Тамбове. Именно в Тамбове, так как биографически Державин не был связан ни с Воронежем, ни с Белгородом, где в силу разных причин и в разные годы собиратели нашей семейной библиотеки могли приобретать книги.

Теперь уже невозможно установить, каким образом журналы попали к их первым владельцам — читателям конца XVIII в. Были ли привезены ими самими из Петербурга? Или переданы кем-то из тех, кто бывал в столицах наездами? Или — соблазнительное и рискованное предположение — приехали в Тамбов вместе с другими книгами и вещами нового управителя наместничества, прибывшего сюда ранней весной 1786 г.? А потом, возможно, были оставлены им здесь в спешке и душевной сумятице нового служебного перемещения?

Так или иначе, эти памятники красноречиво свидетельствуют об укорененности книжной культуры в русском национальном сознании как в столицах России, так и в ее провинции. Ведь они бережно хранились (и продолжают храниться!) в частных книжных собраниях без малого 230 лет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Собеседник любителей русского слова. Ч. VIII. СПб., 1783; Ч. XIII. СПб., 1784.

Добролюбов Н. А. «Собеседник любителей русского слова». Издание княгини Дашковой и Екатерины II, 1783–1784 // Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. Статьи, рецензии и заметки (1853–1858). М., 1986. URL: http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_0470.shtml (дата обращения: 15.12.2012)

Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М., 1971. URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke6/ke6-9891.htm> (дата обращения: 15.12.2012)

О. К. (Козодавлев О. К.) Письмо к Татарскому Мурзе, сочинившему «Оду к премудрой Фелице» // Собеседник любителей русского слова. СПб., 1783. Ч. VIII. С. 2–8.

Кочеткова Н. Д. Козодавлев. Письмо к татарскому мурзе, сочинившему «Оду к премудрой Фелице» // Поэты XVIII века: в 2 т. Т. 2. Л., 1972. (Библиотека поэта; Большая серия). URL: <http://www.rvb.ru/18vek/poety18veka/02comm/vol2/212.htm> (дата обращения: 16.12.2012)

История всемирной литературы (ИВЛ): в 9 т. Т. 5. М., 1988.

Державин Г. Р. Полное собрание стихотворений. Л., 1957. (Библиотека поэта; Большая серия). URL: <http://www.rvb.ru/18vek/derzhavin/01text/017.htm> (дата обращения: 18.12.2012)

Я. К. (Княжнин Я. Б.) Стансы // Собеседник любителей русского слова. Ч. VIII. СПб., 1783.

Без подписи (Державин Г. Р.) Бог // Собеседник любителей русского слова. Ч. XIII. СПб., 1784.

Кулакова Л. И. Комментарии. Я. Б. Княжнин. Стансы богу // Княжнин Я. Б. Избранные произведения. Л., 1961. (Библиотека поэта; Большая серия). URL: <http://www.rvb.ru/18vek/knyazhnin/02comm/16.htm> (дата обращения: 17.12.2012)

Закон Божий. URL: http://azbyka.ru/dictionary/08/zakon_bozhiy_026-all.shtml (дата обращения: 18.12.2012)

Л. В. ПОЛЯКОВА

**ТАМБОВСКИЕ НАУЧНЫЕ ИЗДАНИЯ
О ПОЭЗИИ Г. Р. Державина
(1990-е - 2000-е гг.)**

Отечественная наука о Державине всегда развивалась достаточно успешно. Можно сказать, до недавнего времени она оставалась одной из благополучных отраслей литературоведения. И тем не менее, начало XXI в. разворачивает выдающуюся фигуру Державина, скажем так, по-своему, в своих интересах. Сегодня чрезвычайно актуальна сама личность поэта — деятельная, неравнодушная, страстная, жизнелюбивая и глубоко патриотичная, России преданная и Россию созидающая. Например, за неполные три года своего правления в Тамбове (1786–1788) Державиным сделано столько, сколько не смог раскрыть в себе Тамбовский край за все предшествующее столетие. Да и державинская поэзия была и осталась мощной силой созидания России.

Державин начал службу рядовым солдатом и стал одним из ярких государственных служащих России XVIII столетия: чиновник, секретарь-кабинет Екатерины II, сенатор, президент коммерц-коллегии, министр юстиции. По словам Г. А. Гуковского, «сам Державин любил выдвигать на первый план свою деятельность как чиновника и организатора дворянской общественности, а вовсе не свою литературную работу» [1, с. 369; 2], хотя литературное творчество, не только собственное, подчеркнуто считал в первую очередь инструментом государственности. Однако именно поэзия обеспечила Державину бессмертие, именно она сделала его гениальным творцом, крупнейшим национальным художником-новатором. И для этого в современной науке о Державине есть целая система аргументов.

По утверждению специалистов, Державин — «первый русский поэт-реалист», «первым из литераторов России осознал себя поэтом русским, национальным, — русским не только по языку, но, главное, — по мышлению, “философии”, как говорил он сам» [3, с. 3–18]. Развивая оценки В. Г. Белинского, исследователи акцентируют внимание на художественном новаторстве поэта в изображении реального человека в окружении подлинных событий и обстоятельств жизни, быта, природы и вещей, что и сделало Державина способным открыть «тайны национальности» человека, национальную обусловленность характера своего героя. Г. П. Макогоненко, как и В. А. Западов, особенно ценит намерение Белинского раскрыть «русский ум» автора «Фелицы». Он цитирует критика: «Ум Державина был ум русский, положительный, чуждый мистицизма и таинственности... его стихией и торжеством была природа внешняя, а господствующим чувством — патриотизм». В его стихотворных посланиях, сатирических одах «видна практическая философия ума русского; посему главное отличительное их свойство есть народность, народность, состоящая не в подборе мужицких слов или насильственной подделке под лад песен и сказок, но в сгибе ума русского, в русском образе взгляда на вещи». Г. П. Макогоненко заканчивает свою работу о Державине

словами Белинского: «...мы имеем... великого, гениального русского поэта, который был верным эхом жизни русского народа, верным отголоском века Екатерины II» [4, с. 654].

Поэт впервые заговорил «открыто» о «степной формуле крови русского человека», заинтересовал читателя собственным внутренним миром [5, с. 165]. В державинском стихотворении «Ключ» (1779) впервые в русской поэзии «природа выступила как самостоятельный объект изображения, самостоятельная эстетическая ценность и вместе с тем как источник поэтического вдохновения», а ода «Бог» стала первым произведением русской литературы, получившим подлинно всемирную славу. В своем поэтическом творчестве Державин сломал классицистические нормы, привычные жанровые градации в поэзии, буквально ликвидировал строгую жанровую систему, внедрил процесс смешения жанровых критериев. Современник поэта М. Н. Муравьев остроумно определил державинские стихи как «перепутаж», сам же Державин свою оду называл «смешанной одой». «Перепутаж» охватывает не только смешение собственно жанров, но и смешение эмоционально-тематическое, стилевое, образное. Организующим центром поэзии Державина все активнее становился образ автора [3]. Пожалуй, впервые в русской поэзии Державин ввел любовную лирику в художественную концепцию человека и бытийную философию [6]. Даже перед историей русской письменности у Державина есть своя заслуга: по уточненным данным, он первым в 1798 г. в написании русской фамилии, Потёмкин, употребил букву Ё [7]. Это характерные акценты для всего отечественного державиноведения.

Есть крупная победа национальной академической науки, связанная тоже с именем Державина: именно о Державине написан фундаментальный труд академика Я. К. Грота «Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам», первый том которого был новаторским не только по содержанию, поставленным целям и задачам, но и по издательской практике, а в течение двадцати лет издавалось уникальное собрание сочинений поэта, издательский «левиафан» (Г. А. Гуковский) из 9 томов [8; 9]. Примечательно, что и первый выпуск серии «Библиотека поэта», созданной М. Горьким в 1931 г., представлял сборник стихов именно Державина с предисловием самого М. Горького о задачах издания серии [10]. Сборник был оригинален, составлен с учетом новаторских издательских технологий: текстологическая подготовка, тщательно продуманная структура, выверенный аппарат, оформление известного художника М. А. Кирнарского. Как и труды Грота в XIX в., выход книги в «Библиотеке поэта» стал большим событием в культурной жизни России XX в. В 1957 г. вышло второе издание этого труда [10; 11].

«Богатырь поэзии по своему природному таланту», как назвал поэта В. Г. Белинский, Державин был певцом России и делал все, что мог, для ее процветания. Лирический герой поэзии Державина, как и сам поэт, жизнелюбив, наделен чертами молодости, здоровья и силы. Он — непобедимый, «несокрушимый Росс», объединивший все народы России: «Народы света с полукруга, составившие Россов род». Русская история, героическая и трагическая, служит лирическому герою Державина неиссякаемым источником здорового, возвышающего духа и силы:

Где есть народ в краях вселенны,
Кто б столько сил в себе имел:
Без помощи, от всех стесненный,
Ярем с себя низвергнуть смел...
О Росс! твоя лишь добродетель
Таких великих дел содетель...

(«На взятие Измаила», 1791) [11].

Хорошо зная историю своего Отечества, психологию и дух русского человека, повадки иностранца в России, Державин не уставал повторять: «Французить нам престать пора, но Русь любить» («Кружка», 1777).

Тебе, — так Россу только можно
Отечества представить дух;
Услуги верной ждать не должно
От иностранных слабых рук.
И впрямь: огромность исполина
Кто облечет, кроме сына
Его, и телом и душой?
Нам тесен всех других покрой.

(«Оленину», 1804)

В. Г. Белинский, называя Державина «блестящей зарей нашей поэзии», цитировал слова академика, литературного критика, историка литературы и поэта С. П. Шевырева о поэзии Державина, примеряя к ней «платье» самой Отчизны: «Это сама Россия Екатеринина века — с чувством исполинского своего могущества, с своими торжествами и замыслами на Востоке, с нововведениями европейскими и остатками старых предрассудков и поверий — это Россия пышная, роскошная, великолепная, убранная в азиатские жемчуги и камни и еще полудикая, полуварварская, полуграмотная — такова поэзия Державина, во всех ее красотах и недостатках» [12, с. 34]. Здесь можно привести и другие многочисленные примеры из отечественной литературной классики, когда литераторы для выражения отношения к России искали самые яркие сравнения, закладывая в них и свой творческий опыт, считая его составляющей грандиозного опыта жизни своей страны. Веками складывалась эта своеобразная национальная традиция. Например, в 1834 г., уже будучи автором поэмы «Медный всадник», Пушкин скажет о России XVIII в., в ее движении и строительстве, когда она становилась мощным очагом мысли и духа: «...Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, — при стуке топора и громе пушек...» [13]. Сравнивал Россию с кораблем и Е. И. Замятин, он создал свой запоминающийся образ. Писатель, нечасто осмысливавший судьбу России в аспекте мессианских прогнозов, хорошо осознавал российскую специфику и, как сейсмограф, улавливал прежде всего грядущие общемировые катаклизмы, воплотил свои предвидения в сложные и оригинальные художественные формы. И была спасительная уверенность: «Россия движется вперед странным, трудным путем, не похожим на движение других стран, ее путь — неровный, судорожный, она взбирается вверх — и сейчас же проваливается вниз, кругом стоит грохот и треск, она движется, разрушая... Русскому человеку нужны были, должно быть, особенно крепкие ребра, и особенно толстая кожа, чтобы не быть раздавленным тяжестью того небывалого груза, который история бросила на его плечи. И особенно крепкие ребра — «шпангоуты», особенно толстая стальная кожа, двойные борта, двойное дно — нужны ледоколу, чтобы не быть раздавленным сжавшими его в своих тисках ледяными полями. Но одной массивной прочности для этого все же еще было бы мало: нужна особая хитрая увертливость, похожая на русскую «смекалку»... Он переносит такие удары, он целым и только чуть помятым выходит из таких переделок, какие пустили бы ко дну всякий другой, более избалованный, более красиво одетый, более европейский корабль» [14, с. 181]. Видимо, не случайно, что на страницах одного из наиболее сложных произведений Замятина со сложной философией жизни и человека — в «Рассказе о самом главном» с его червем *Rhopalocera* — один критик прочитал реминисценцию именно из Державина, увидел замятинскую полемику с ним. «Если минувший день — вечность, то самое главное в нем — миг счастья. Я — только червь — *Rhopalocera*, ни в коем случае не “бог”», — писал В. Итин [15, с. 547].

Как-то Б. М. Эйхенбаум обмолвился о том, что Державин относится к числу поэтов, перед творчеством которых до сих пор бессильна научная литература [16, с. 24]. Поэтическое наследие Державина хорошо изучено, и все же оно действительно остается «твердым орешком», с учетом общего состояния науки о Державине самых последних лет (сокращение численности специалистов и не столь активное продуцирование новых идей) предполагает активные и целенаправленные коллективные решения. Необходимо сохранить каждую продуктивную научно-исследовательскую мысль.

В анализе державинской поэзии, ее места и роли в истории отечественной и мировой литературы, распознавании ее философско-эстетического кода как феномена национального искусства значительна прогностическая и в какой-то степени коррекционная роль материалов, представленных на страницах тамбовских научных изданий. Целесообразно обратить внимание на наиболее интересные концепции и оценки, сделать их достоянием широкой литературной общественности, прежде всего нового поколения литературоведов. Опубликованные в Тамбове научные идеи уже стали своего рода культурным наследием, и оно должно быть изучено.

Разумеется, не все историко-литературные материалы тамбовских изданий, представляющие широкую исследовательскую географию, равноценны, однако важно в основе с теоретическими предпосылками систематизировать наиболее интересные из них, учесть научную практику представителей разных научных школ и коллективов. Эти оценки создавались на протяжении двадцати лет в период обновления литературоведческой методологии, утверждения новой научной парадигмы, фиксируют новый этап в осмыслении поэтического наследия Державина и в какой-то мере характеризуют это конкретное персоналистическое направление в современной науке о литературе. Среди авторов тамбовских изданий есть известные отечественные и зарубежные исследователи, ими предложены новаторские решения, варианты исследовательской рецепции державинских художественных поисков и открытий, обновлены подходы к отдельным произведениям.

1

Исследователей творчества Державина на страницах тамбовских изданий бесспорно заинтересуют работы, связанные с анализом творческих контактов поэта и литературной преемственности. Именно проблема традиций фиксирует энергию движения художественных открытий творца в истории и вместе с этими открытиями его бессмертие. В связи с личностью и творчеством Г. Р. Державина широко цитируются известные строчки, написанные на кончину поэта его современником В. В. Капнистом:

Державин умер!.. слух идет,
И все молве сей доверяют.
Но здесь и тени правды нет:
Бессмертные не умирают!

(1816)

Именно о бессмертии поэта написан необычайно интересный материал *И. И. Доценко и Н. В. Григорова (Харьков) «Г. Р. Державин и русско-немецкий литературный диалог XVIII в.»* [17], где анализируется диалог, по словам В. Белинского, самого «русского» поэта XVIII в., «верного сколка» века Екатерины с рядом немецких поэтов-современников. В статье подчеркнута актуальность исследования межнациональных литературных связей как одной из форм постижения целостности мировой культуры. Державин и обстоятельствами биографии, и своей поэзией был связан многочисленными и прочными нитями с современной ему европейской литературой. «Диалогический характер этой связи недостаточно исследован в нашей науке, чем и обусловлен выбор темы статьи,— пишут украинские филологи.— В ней сделана попытка проанализировать творческий диалог Державина с рядом немецких поэтов-современников, оставивших наиболее заметный след в его поэзии». Исследователи отмечают саму возможность такого диалога, обусловленность ее космизмом миропонимания поэта и открытостью его поэтического мира для творческого диалога. Диалогу Державина с германскими современниками во многом способствовали жизненные обстоятельства поэта: обучение в школе, организованной немцем Йозефом Розе в Оренбурге, учеба в Казанской гимназии, где он углубил свои познания немецкого языка под руководством Ф. Гельгергофа; к 1762 г., времени службы Державина в Петербурге и Москве, он уже совершенно свободно читал немецкую поэзию в оригинале; пребывание

поэта в немецкой колонии на Волге во время Пугачевского восстания (1773–1775), где перевел четыре оды Фридриха II, в которых русский поэт нашел мотивы, созвучные его собственным переживаниям — о превратностях судьбы, бренности человеческого бытия, о равенстве всех перед смертью.

Переломной вехой в творчестве Державина стал 1779 г., с которого начинается зрелый этап его творчества: написаны знаменитые стихи «Ключ», «На рождение в Севере порфирородного отрока», «На смерть князя Мещерского». И в этот период не ослабевают контакты Державина с немецкой литературой. В оде «На смерть князя Мещерского» авторы статьи не без основания усматривают известное родство с одой Фридриха «Мовтерпию». «Но, — пишут они, — отталкиваясь от Фридриха, Державин идет дальше. Он преодолевает абстрактность фридриховой оды, мастерски сплавляет быт и бытие, достигает исключительной лапидарности и эмоциональной выразительности. Благодаря ярко выраженному личностному характеру, поэтической одушевленности Державин создает одно из самых совершенных произведений в мировой поэзии, сила воздействия которого на читателей так велика, что, по словам Белинского, «кровь стынет в жилах, волосы, по выражению Шекспира, встают на голове встревоженной ратью, когда в ушах ваших раздается вещий бой глагола времен, когда в глазах мерещится ужасный остов смерти с косою в руках».

Харьковские исследователи пишут и о перекличке Державина в стихотворении «Ключ» с немецким поэтом К. В. Рамлером, автором перевода из Горация «Оды к бандузанскому источнику». Совпадения не случайны: у Державина и у Рамлера совпадают не только детали, но и сам принцип поэтического видения, в основе которого лежит аллегория, воспроизведение мифологем. Державин наделяет божественной силой вполне реальный источник, географическое расположение которого хорошо известно и самому поэту, и его читателям. На фоне такого совпадения рельефнее проступают отличия поэтической манеры Державина от Рамлера. У немецкого поэта нет реалистических деталей, стихотворение напыщенно-ходульно и воспринимается с трудом. У Державина же наоборот: бытовая заземленность мифологем служит средством введения их в повседневную жизнь. Образ автора у Рамлера вытеснен на задний план, у Державина же автор — действующее лицо, центр очерченного им поэтического мира.

Авторы статьи анализируют и перекличку Державина с немецкой поэзией в философской оде «Бог». «И это неудивительно, если принять во внимание ведущее положение, которое занимала в конце XVIII — начале XIX в. немецкая философия», — резюмируют И. И. Доценко и Н. В. Григорова. Аналогия появляется прежде всего с религиозными одами Ф. Клопштока, поэму которого «Мессиада» Державин переводил еще в юношеские годы. «Знакомясь с произведениями Клопштока, восприятие которых нелегко дается даже немцам, Державин тщательно изучал не только стилистику и архитектуру его стиха, но и идейное содержание». Идеи Клопштока повлияли на трактовку Державиным характера взаимоотношений между богом, миром и человеком. Украинские исследователи обращают внимание на идентичность самого принципа антитезы у Державина и немецкого поэта. Беспредельное величие бога у Клопштока раскрывается через пространственную беспредельность и запредельность. Постичь же такое величие можно лишь опосредованно: сравнив себя с небесными телами, звездами, которые огромны по сравнению с человеком, но малы перед величием бога. В «Мессиаде» Клопштока бог восседает на небе, окруженный кольцом из сияющих звезд и солнц, земля же — далеко под ним, маленькая песчинка под ногами путника. Примерно такая же картина космической беспредельности и в оде Державина «Бог», где речь идет о творце солнц и звезд, миллионов светящихся тел, миллионов миров в воздушном океане, устремленных в беспредельное пространство. Но все эти светящиеся миры меркнут перед величием творца. Ничтожество человеческой сущности и у Державина, и у Клопштока передается сравнением с пылью, прахом, уподоблением червю. Однако, в отличие от Клопштока, Державин выдвигает содержательно более усложненную антитезу:

Я царь — я раб — я червь — я Бог!

В отличие от немецкого поэта, Державин создал по сути гимн человеку, величию и бессмертию его разума. Державинский «Бог» отзовется и в философском трактате А. Радищева «О человеке, о его смертности и бессмертии», и в стихотворении И. Пнина «Человек», и в «Вакхической песне» А. С. Пушкина, и в горьковском стихотворении в прозе «Человек». Так закладывалась своя, русская традиция онтологических и гуманистических решений.

Авторы статьи интересно пишут о переключке поэзии Державина и других немецких поэтов XVIII в.: С. Гюнтера, С. Геснера, И. Гердера. Державин переводил на русский язык анакреонтическую лирику Гете, в частности, его стихотворение «Цепочка», ряд стихотворений Шиллера («Дева за арфою», «Надежда»). Сообщают харьковские исследователи и об отражении света державинской поэзии в немецкой духовной культуре XVIII в. Немалая заслуга в этом известного немецкого писателя А. Коцебу. В 1793 г. в Лейпциге на немецком языке вышел сборник переводов поэзии Державина, куда вошли такие шедевры, как «На смерть князя Мещерского», «Ключ», «Бог», «К первому соседу». Значение этого сборника для вхождения Державина в мировую литературу велико. Ведь многие европейские народы (поляки, чехи и другие) знакомы с творчеством великого русского поэта преимущественно по его немецким переводам и лишь впоследствии получили доступ к оригиналу.

Рассмотренный в статье материал дал авторам основание для следующих выводов: «Державин был одним из зачинателей широких международных связей русской литературы, вводя ее в русло мирового историко-литературного процесса. Применительно к Державину нельзя говорить об одностороннем влиянии на него немецкой литературы. Немецко-русские литературные связи вылились у Державина в творческий диалог, ставший мощным стимулом формирования индивидуальности поэта, обретения им “необщего выражения” своего творчества. Последующее развитие русской литературы богато примерами подобного диалога. Но не будем забывать, что у его истоков стоял Державин».

Бесспорным продолжателем традиций Г. Р. Державина в русской литературе был А. С. Пушкин. Неформальный, фундаментальный материал на эту тему содержится в исследовании С. Б. Прокудина (Тамбов) «**“О, сколько храбрости Российской примеров видел уже свет!” (Державин и Пушкин)**» [18], где автор немало полемизирует со специалистами в области русской классической поэзии. Интереснейшие наблюдения и выводы исследователя имеют, как и требует того обозначенная тема, не только историко-литературный, но и исторический характер. Прежде всего в статье исходной остается мысль Белинского о чувстве патриотизма как господствующем в личности и творчестве Державина. Примечательно, что патриотизм трактуется тамбовским исследователем вполне конкретно как смысл всей деятельности Державина, желание выразить живое чувство нации и своим пером участвовать в устройении державы. Самодержавное государственное величие России слышится у него везде. Не случайно Гоголь склонен был считать Державина «певцом величия» по преимуществу. В этом смысле поэзия Державина была эхом русского народа, боевые подвиги которого поэт прославлял в течение всей жизни. «Чья Россия тверже добродетель? Где больше духа высоты?» — лейтмотив поэзии Державина. С. Б. Прокудин своевременно подчеркивает, что «истоки духовной силы россиян Державин видит в их истории». «Теперь опять остро поставлен историей вопрос о государстве российском, — акцентирует наше внимание С. Б. Прокудин, — и поэзия Державина оказалась созвучной новым исканиям России. Пушкину суждено было совершить качественно новый рывок в самовыражении русской нации. Но Пушкин придет не на пустое место. Уже был Державин».

«Алмазна сыплется гора» — так начинает Державин одно из лучших своих стихотворений. Согласимся с автором статьи: можно без преувеличения сказать, что державинские поэтические алмазы насытили, украсили русскую поэзию, стали достоянием русской литературы. Привычные со школы представления о связи тех или иных образов, мотивов и т. д. с именем того или иного поэта вдруг оказываются ложными. Не Баратынский первый сказал: «Век шествует своим путем железным...», а Державин: «Век шествует своим путем». Знакомая с детства картина, нарисованная Тютчевым в последней строфе стихотворения «Весенняя гроза», уже живет в державинском стихотворении «Геба». В статье приведены буквальные

переключки с Державиным Некрасова и Блока. Но особенно сильно повлияла державинская муза, конечно, на Пушкина. С. Б. Прокудин демонстрирует буквальное совпадение пушкинской лирики с державинской. Даже пушкинское стихотворение «Заклинание» (1830), обращенное к умершей женщине, во многом опирается на стихотворение Державина «Призвание и явление Пленеры» — умершей его жены.

«Пушкин рассеял в своем творчестве драгоценные поэтические перлы Державина в виде отдельных тем, картин, замечаний и т. д. Державинские алмазы, очищенные от штампов тогдашней поэтической культуры, от словесных «красивостей», преобразятся у Пушкина в строгие, классически ясные поэтические создания», — заключает автор статьи.

В работе С. Б. Прокудина ценной представляется и полемика, в том числе и о литературных влияниях на Пушкина, с известнейшими знатоками поэзии Пушкина Б. В. Томашевским и Д. Д. Благим, в частности, о «Воспоминаниях в Царском селе» (1814). Poleмика ведется по поводу истории написания «Воспоминаний...». Не принимает автор статьи и укрепившуюся в литературоведении тенденцию преуменьшить влияние Державина на их автора именно в «Воспоминаниях в Царском селе». Как писал Б. В. Томашевский, «имя Державина, с которым биографически связаны “Воспоминания...”», заслонило имена Батюшкова и Жуковского, которым в действительности обязан Пушкин литературными уроками, необходимыми для создания первого крупного стихотворения». С. Б. Прокудин, вовсе не отрицая влияния двух русских поэтов, вместе с тем слышит «державинское» в пушкинском образе Расса в стихах «Когда под скипетром великия жены...», в «Евгении Онегине» и особенно в стихотворении под совсем державинским названием «Ответ на вызов написать стихи в честь ее императорского величества государыни императрицы Елисаветы Алексеевны», хотя в нем есть и полемика Пушкина с Державиным.

Летом 1825 г., по словам С. Б. Прокудина, Пушкин еще раз перечитал всего Державина. Он помнил его стихи из «Видения Мурзы»: «Но пусть им здесь докажет муза, Что я не из числа льстецов; Что сердца моего товаров За деньги я не продаю». Он помнит державинские стихи: «Я любил чистосердечье, Думал нравиться лишь им, Ум и сердце человецье Были гением моим». И Пушкин снимет свой несправедливый упрек Державину. В стихотворении «Друзьям» (1828) он завершит первую строфу державинским стихом: «Языком сердца говорю». Этими словами, хорошо известными русскому читателю, Пушкин-поэт-патриот поставит себя рядом с Державиным, другим «верным и прямым» сыном России.

Чрезвычайно интересно исследование С. Ю. Николаевой (*Тверь*) «Державинская традиция и художественная антропология А. П. Чехова» [19]. По утверждению автора, «сам Чехов любил цитировать “Хор” на взятие Измаила (“Звон победы раздавайся, веселися, храбрый Росс!”)»¹ — письмо А. С. Суворину 18 декабря 1888 г.), оду «На смерть князя Мещерского» («глагол времен» — письмо к Ал. Чехову 4 апреля 1893 г.). Стихи Державина (наряду со стихами Жуковского, Пушкина, Некрасова и других поэтов), несомненно, входили в поэтический и бытовой словарь Чехова, формировали его творческое сознание, картину мира, представление о человеке. Художественная антропология, развернутая в чеховском творчестве, при всем своем новаторстве, испытала на себе влияние различных литературных, философских, эстетических традиций, и державинское начало в ней, безусловно, присутствует.

Автор статьи, несколько все же выпрямляя позицию известного державиноведа, полемизирует с А. В. Западным в трактовке оды «Бог». В литературоведческих штудиях действительно державинская поэтическая антропология обычно понимается как двуединство: сочетание мыслей о бренности всего сущего, о быстротечности времени и краткости человеческой жизни с гедонистическими мотивами, роскошным бытописанием, восхищением «умом и сердцем человеческим». В центре внимания комментаторов оказывается человек и природа, при этом исключается третье звено, необходимое для поэта с религиозным мировоззрением, — Бог. И это несмотря на то, что ключевым произведением на тему о месте и значении человека в мире справедливо считается ода «Бог». В ней принято видеть «логическое рассуждение... о происхождении мира и человека»: «изобразив ту ничтожно малую величину, которую пред-

1 У Державина «Гром победы, раздавайся!». — Л. П.

ставляет собой человек по сравнению со вселенной, Державин с гордостью говорит о его возможностях, о силе человеческой мысли, стремящейся к постижению мира». «Между тем не “логическое рассуждение”, а высокая поэзия здесь захватывает воображение читателя, — пишет автор статьи. — В своих записках Державин свидетельствует о том, что замысел этого стихотворения впервые возник у него во время всеобщей в Светлое воскресенье 1780 г., а завершена была ода в 1784 г. под впечатлением сна: ему приснилось, что “блещет свет в глазах его”. О символике света и цвета в державинской поэзии писали С. С. Аверинцев, Н. В. Банников, В. П. Друзин, И. И. Подольская, но “пасхальный свет” остался за пределами их научных концепций». Очень интересное наблюдение. Державин воплощает христианскую антропологию в своем творчестве и именно в этом отношении становится близок Чехову.

С. Ю. Николаева пишет о «едином, сквозном сюжете — истории становления и самовоспитания Человека» в творчестве автора «Вишневого сада». Этот сюжет сформулирован в письме к А. С. Суворину (7 января 1889 г.) и многократно приводится в работах чеховедов: «Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, лицемеривший и Богу, и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества, — напишите, как этот молодой человек выдавливая из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая». Обычно в этом эпистолярном фрагменте видят автобиографический смысл (воспоминание Чехова о детстве и юности), но его, по убеждению тверского исследователя, скорее следует считать творческим кредо художника, философской декларацией, перекликающейся с державинской антитезой: «Я царь — я раб, я червь — я Бог!». Николаева в подкрепление своей мысли приводит убедительные примеры из чеховских писем.

В письмах Чехова 1880-х гг. есть множество суждений, развивающих эту мысль. Например, обращаясь к брату Михаилу (апрель 1879 г.), он говорит: «Ничтожество свое сознавай, знаешь где? Перед Богом, пожалуй, пред умом, красотой, природой, но не пред людьми. Среди людей нужно сознавать свое достоинство <...>. Не смешивай «смиряться» с «сознавать свое ничтожество». Напрашивается параллель с Державиным:

...А я перед тобой — ничто.
Ничто! — Но ты во мне сияешь
Величием твоих доброт,
Во мне себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод.
Ничто! — Но жизнь я ощущаю...
Тебя душа моя быть чаёт,
Вникает, мыслит, рассуждает:
Я есмь — конечно есь и ты!

(«Бог», 1784)

Еще более знаменательно объяснение А. П. Чеховым имени Владимир в письме к М. Е. Чехову (18 января 1887 г.): «...из чувства благодарности, из благоговения или из восторга перед достоинствами лучших людей, теми достоинствами, которые делают человека необыкновенным и приближают его к Божеству, народы и история имеют право величать своих избранных как угодно, не боясь оскорбить величие Божие и возвысить человека до Бога. Дело в том, что в человеке величаем мы не человека, а его достоинства, именно то Божеское начало, которое он сумел развить в себе до высокой степени».

«Все эти суждения Чехова, — заключает Николаева, — выглядят как свободное прозаическое переложение основных мотивов оды “Бог”». С. Ю. Николаева добавляет, что близкие к державинским философские взгляды высказывал и Н. И. Новиков в статьях «О высоком человеческом достоянии», «О достоинстве человека в отношениях к Богу и миру», «Нравочение как практическое наставление».

По словам автора статьи, «державинская традиция и художественная антропология А. П. Чехова», тяжеловесные риторические конструкции из трактатов Новикова уступают ярким поэтическим образам Державина по силе воздействия на читателя, но все-таки общность использованной ими топики очевидна и заставляет предположить наличие единого источника. Таким источником тверскому исследователю представляется «Шестоднев» Иоанна Экзарха, который, будучи переводным, вполне «обрусел», сформировал целую литературную традицию на русской почве и использовался Владимиром Мономахом для обоснования своей политической концепции централизованной власти и феодального землевладения, автором «Слова о погибели Русской земли» — для характеристики Руси дотатарской эпохи и в связи с Батыевым нашествием. Важнейшей ступенью в освоении философии и топики этого памятника стали сочинения Новикова и Державина. «Картина мира, существующая в сознании чеховских героев, восходит так или иначе к натурфилософии «Шестоднева» и других памятников, испытавших на себе влияние «Шестоднева» и развивавшим его идеи о красоте и мудрости божественного мироустройства, многообразии человеческих лиц и единстве человечества, об особом и предопределенном положении каждой песчинки, растения, животного, человека в мире. Возможно, Чехов воспринял эти идеи через посредство сочинений Владимира Мономаха, ссылки на которые с пометой «Мировоззрение» не раз встречаются в материалах к «Врачебному делу». Не вызывает сомнений и опосредующая роль поэзии Державина и трактатов Новикова». В этом аспекте исследователь анализирует чеховские «Агафью» (1886), «Свирель» (1887), «Дядю Ваню» (1896), «Святою ночью» (1886).

В результате сопоставительного анализа этих чеховских произведений, с одной стороны, с державинской поэзией и программными статьями Новикова, с другой — с «Шестодневом», С. Ю. Николаева приходит к выводу о том, что одной из главных коллизий всего чеховского творчества является разлад между человеком и природой, человеком и миром, человеком и Богом, утрата, по словам Астрова, «непосредственного, чистого, свободного отношения к природе и к людям». Если идеалом и философией самого Чехова был христианский персонализм, т. е. опора на отдельную, конкретную личность, стремящуюся к добру и ищущую Бога, то в его творчестве оказались воплощены страдания человека нового времени — человека, осознавшего свою индивидуальность, выделившегося из единого человечества, «искусившегося на грамоте» и неизбежно вступившего в конфликт с миром. Если средневековый человек, обладающий христианским самосознанием, отличался «чувством полноты бытия, еще не разъятого... опытом и рефлексией на составные компоненты и не превращенного в отвлеченные категории», а мыслители и поэты XVIII в. — Державин и Новиков — пытались увидеть и сохранить божеское начало в человеке, то на рубеже XIX–XX вв. человечество оказалось накануне таких фундаментальных научных открытий и переворотов, которые Чехов сравнивал с Мамаевым нашествием и которые поставили под угрозу саму целостность природы, мироздания.

«Думается, — заключает автор статьи, — что философию Новикова и Чехова можно определить как христианский универсализм, утверждающий всеобщую связь явлений в мире, сотворенном Богом. Несмотря на разные стадии развития просветительских идей, каковыми являются конец XVIII в. и конец XIX в., Чехов обнаруживает несомненное родство с Державиным и Новиковым в сфере нравственной философии и художественной антропологии».

Современного читателя и специалиста бесспорно заинтересует яркая публикация И. С. Урюпина (*Елец*), анализирующего одно из самых не просто актуальных, а болезненных направлений современной интеллектуальной жизни, — **«Ордынские мотивы и образы в творчестве Г. Р. Державина и в рассказе М. А. Булгакова “Ханский огонь”»** [5]. Ордынские мотивы и образы, вошедшие в русскую словесность с древнейших времен, начиная от «Слова о полку Игореве» и «Сказания о Мамаевом побоище» до бесчисленных летописей о разорении Руси половецкими и монголо-татарскими ханами, неизменно сопутствуют историософским размышлениям писателей о судьбе России, ее пути и призвании, об особом национальном характере, вобравшем в себя и органически переплавившем Восток и Запад, Азию и Европу, татарщину и славянство. По словам И. С. Урюпина, первым,

кто открыто заговорил о «степной» формуле крови русского человека, кто, преодолев догмы классицизма с его официальным морализмом и превознесением славяно-росской государственности, дерзнул воспеть и прославить великую Орду-Россию, был Г. Р. Державин, вдохнувший в отечественную литературу «преромантический» дух экзотического Востока.

О своем ордынском происхождении, о суровом, мятежном, «кочевом» характере, доставшемся в наследство от влиятельного мурзы, поэт не раз будет упоминать как в лирических миниатюрах, так и в собственном жизнеописании — «Записках из известных всем происшествий и подлинных дел, заключающих в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина», где содержатся размышления автора «Фелицы» обо всех самых значительных событиях, выпавших на его долю. Среди прочего Г. Р. Державин вспоминает одно поручение, данное ему в пору учебы в гимназии «главным куратором» Иваном Ивановичем Шуваловым, которое оказало заметное влияние на его национально-культурное самосознание. Речь идет о «повелении» «описать развалины древнего татарского или Золотой Орды города, называемого Болгары», чтобы «сыскать там каких только можно древностей, то есть монет, посуды и прочих вещей».

Чувствуя свое высокое призвание — исполнить духовный завет отцов, сохранить память об их героическом прошлом, екатерининский вельможа, настойчиво именующий себя «мурзою», обращаясь к царице, так определяет свою главную творческую (и человеческую) задачу: «Твои дела суть красоты. / Я пел, пою и петь их буду / И в шутках правду возведу; / Татарски песни из-под спуду, / Как луч, потомству сообщу».

Образ мурзы, восточная орнаментика стиля, культурные архетипы органично входят в художественный мир поэта. Не случайно в стихотворениях Г. Р. Державина возникают аллегорические картины, на которых символически представлено торжество христианства над религиями Востока, а России — над варварской Ордой. Таков апофеоз Фелицы, повергшей ниц всех своих многочисленных врагов: «Орел царевнин бы ногою / Вверху рога луны сгибал, / Тогда ж бы на земле другою / У гладна льва он зев сжимал». Двуглавый российский орел, попирающий турецкий полумесяц и шведского льва, объединяет в себе Азию и Европу, Восток и Запад. В русском национальном характере, по убеждению Г. Р. Державина, исторически сочетается и переплавляется татарско-ордынская страсть, необузданная степная стихия и славянско-византийская добродетель с ее смиренномудрием и святостью.

Двойственная природа «русской души», ее загадка, взволновавшая в XVIII в. екатерининского вельможу, «татарского мурзу» Г. Р. Державина, станет самой главной темой раздумий всей русской литературы на протяжении столетий. Пожалуй, нет ни одного писателя, кто бы в своем творчестве обошел стороной проблему национальной идентичности русского человека, кто бы не подчеркнул «ордынский» след в его характере и судьбе. Большинство самых известных дворянских родов, верой и правдой служивших России, вели свою историю от какого-нибудь татарского хана, присягнувшего русскому царю или великому князю. В упоминавшейся Г. Р. Державиным Бархатной книге (1687), содержащей древние родословия русской аристократии, почти каждый четвертый род «укоренен» в ордынской степи. Типичный российский «помещик», выведенный в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», подчеркивая свое знатное происхождение («Я роду именитого»), вспоминает «предка Оболдуя», который «впервые поминается / В старинных русских грамотах / Два века с половиною / Назад тому. Гласит / Та грамота: «Татарину / Оболту-Оболдуеву / Дано суконце доброе, / Ценою в два рубля...». Сатирические коннотации, присутствующие в некрасовском образе, лишь укрупняют и обостряют наиболее характерные черты русского дворянства, его необузданную татарскую страсть и своенравие, азиатскую спесь и варварскую дикость.

На рубеже XIX–XX вв. В. С. Соловьев попытался обнаружить «ордынскую» природу не только в русском аристократе, но и в русском смерде, доказав генетическое и духовное «всеединство» русского народа, призванного в своей метафизической истории преодолеть внешний и внутренний «панмонголизм». Философ провидчески указал на идущий из азиатской степи разрушительный вихрь, который в начале XX столетия охватит Россию и разразится революционными потрясениями. В их разгар в отечественную литературу

настойчиво входит «ордынская» тема, которая в равной мере найдет воплощение как в изображении революционных «множеств» (А. Г. Малышкин), новых «варваров» (М. Горький), «скифов» (А. А. Блок) и «гуннов» (Е. И. Замятин), так и в образе «последних» защитников «русского ковчега», в жилах которых течет все та же татарская кровь (каковы, например, князя Ордынины из романа Б. А. Пильняка «Голый год» или князя Тугай-Бег-Ордынские из рассказа М. А. Булгакова «Ханский огонь»). Очень жаль, что елецкий исследователь не обратился в этом контексте к нашумевшей в свое время статье М. Горького «Две души» (1915). Она значительно обогатила бы материал исследования.

В контексте восточной темы Урюпин анализирует рассказ «Ханский огонь» Булгакова, автора, «имевшего татарские корни», рассказ с мощным культурно-ассоциативным полем, в которое вовлекаются и державинские аллюзии.

Бесславно завершилась «история ханской ставки», сгоревшая в пламени пожара вместе со всем, что когда-то составляло Россию, пережившую в начале XX в. новое «ордынское» нашествие. И белые, и красные были охвачены одной и той же разрушительной страстью, одним и тем же «огнем», который еще в конце XVIII в. предостерегал не разжигать в русской душе Г. Р. Державин. Так заключает свое исследование И. С. Урюпин.

Особой, можно сказать, фундаментальной разработкой проблемы преемственности отличается достаточно полемическая работа «Г. Р. Державин и современная поэзия» В. А. Редькина (Тверь) [20]. Типологическое сходство, по утверждению автора статьи, возникает на основе общих национальных и онтологических корней, близости аксиологии, сходных черт эпохи, тенденций и закономерностей литературного процесса. Новое в поэзии Державина было связано с индивидуальностью лирического Я, вплоть до самоиронии. Выстраивая концепцию возрастания с середины 50-х гг. XX в. личностного начала в поэзии, В. А. Редькин обращается к стихам А. Т. Твардовского из его сборника «Из лирики этих лет». Оставаясь поэтом, сформированным советской эпохой, Твардовский так и не решился прямо выразить благодарность Творцу, назвать мир природы Божьим миром, как это было у Г. Р. Державина. Позже это сделали Н. Рубцов и В. Соколов, Ю. Кузнецов и Н. Дмитриев, Н. Карташова и М. Аввакумова, но подспудно, в глубине строки у А. Твардовского последних лет жизни ощущается духовная природа мира. По сути, масштабность видения мира и его философского осмысления, сочетание эпического и лирического начал у А. Твардовского близко державинскому.

По утверждению В. Редькина, в современной поэзии следует выделить несколько потоков. Можно говорить о реализме, в основе которого лежит антропоморфизм, о романтическом стилевом течении. Существует искусство поэзии, продолжающее линию русского авангарда и воплощающее кризис общественного сознания конца XX в., которое современное литературоведение чаще всего именует постмодернизмом. Державин не был приверженцем норм классицизма, не стал романтиком или реалистом в том понимании, которое сложилось в XIX в. «Какое же стилевое течение ближе к поэзии Державина? — задается вопросом В. А. Редькин и отвечает. — Конечно, реалистическое». И эту декларацию он разворачивает на анализе стихов В. Соколова, Н. Тряпкина, В. Бокова, С. Викулова, Г. Горбовского, А. Жигулина, И. Ляпина, В. Кострова, Ст. Куняева и др.

По наблюдению В. Редькина, существует еще один мощный поток современной поэзии — это духовный реализм, к которому принадлежат поэты, утверждающие ценности православия. При этом вера и церковные догматы не только не сковывают художника, а, напротив, дают ему необыкновенные творческие возможности. Поэзия духовного реализма наиболее близка творчеству Державина. Ссылаясь на И. З. Сермана, Редькин констатирует: «Державин создает свои переложения псалмов в полемике с атеистами и материалистами и с собственными сомнениями». «В советской критике всячески пытались принизить значение веры для Державина, извратить истинный смысл лучших его произведений, — пишет В. А. Редькин. — Подобная тенденция существует и в наше время». Исследователь убедительно полемизирует с профессором Ю. М. Никишовым.

Как утверждает В. Редькин, по большому счету, Державина можно считать предшественником духовного реализма в современной поэзии. Обращение ряда авторов к истокам,

к национальной духовности, ментальности исторического православия — это знамение нашего времени. Христианское мировосприятие воплощается в творчество Н. Карташовой, О. Гречко, М. Аввакумовой, М. Струковой, В. Скифа (Смирнова), Л. Патраковой, Н. Никишина и многих других современных авторов. Особое значение имеет поэзия священнослужителей, например, Владимира Нежданова, Дмитрия Дудко, протоиерея Андрея Логвинова, иеромонаха о. Романа и др. Особенно интересно в этом отношении, по оценке тверского исследователя, творчество Юрия Кузнецова, значительное место в стихах и поэмах которого занимают враждебные России силы, денационализированные, темные, сатанинские, человеконенавистнические. В последние годы от ощущения присутствия в мире сатаны Ю. Кузнецов пришел к чувству Божьего промысла и явного существования в мире Христа. При этом религиозное чувство, несущее в себе светлое, доброе, Божественное начало, неразрывно связано у Ю. Кузнецова с понятием «Святая Русь». Поэтическая тетралогия Ю. Кузнецова о Христе «Детство Христа», «Юность Христа», «Путь Христа», «Сошествие в ад», без всякого сомнения, одно из самых значительных явлений русской литературы на стыке XX и XXI вв. Это итоговое поэтическое произведение русской литературы XX столетия. Ю. Кузнецов блестяще воплотил свой замысел показать в образе Христа Бога и человека, больше того — духовный путь человека к осознанию себя Сыном Божиим во всей его силе и безмерной ответственности за судьбы человечества. У него, как и у других поэтов христианской ориентации, понятие о будущем связано с представлениями о жизни «вечной, нескончаемой». В. А. Редькин приводит многочисленные примеры из сходства поэтической образности Ю. Кузнецова с державинской.

2

Научные публикации на страницах тамбовских изданий, посвященные творческому наследию Г. Р. Державина, дают возможность проследить не только российскую географию научного интереса к поэту и охарактеризовать исследовательские приоритеты, но и увидеть, какие сферы художественного мира русского поэта пользуются особым вниманием зарубежных русистов. В 1993 г. в Тамбове опубликованы два исследования болгарских ученых, свидетельствующих об их исследовательских предпочтениях в области державинской философии и поэтики.

Известный болгарский русист-медиевист из Софийского университета, автор фундаментальной монографии «Проблемы русской литературы XI–XVIII веков» (София, 1985) Л. Боева в статье «Художественное время и пространство в оде Г. Р. Державина “Бог”» [21] исходит из постулата: «проблема художественного времени и пространства в литературе тесно связана с вопросами жанровой определенности и знаковыми определителями методов и направлений». Болгарский литературовед солидарен с нашими отечественными специалистами, кто считает поэзию Державина, с одной стороны, «вершиной классицизма», с другой — его преодолением, вслед за В. А. Западным обращает внимание на разрушительную миссию державинской лиры в области четкой жанровой системы классицизма и созидательную роль ее в смешении жанров и стилей, в движении русской поэзии в направлении к предромантизму и реализму. Л. Боева приводит свою формулу классицизма с учетом специфики его хронотопа: «Нормативность классицизма, рационалистическая обобщенность, сглаженность его стиля отразились в том, что его авторы в предпочитаемом и ими жанре высокой оды используют эпический, условно-хроникальный, абстрактный хронотоп, соблюдая единство времени, пространства, действия, отграничивая свое произведение и от авторского вмешательства, и от низкого, непозитичного в реальной жизни». О Державине Л. Боева пишет следующее: «Все оды Державина характеризуются творческими поисками нестандартной модели мира, нового хронотопа, новых связей между автором и читателем, между человеком и Богом», «главным знаком новаторства Державина было выдвигание на передний план в его одах авторского времени, а также введение незамкнутого, стремящегося к бесконечному, открытого времени и пространства. Личные переживания поэта, его мысли о сущности вселенной, о месте в ней Бога и человека, о роли поэта, о жизни и смерти составляют содержание многих его од. В оде «Бог» Державин ставит

в центр оппозицию: земля и небо, верх и низ, там и здесь, человек и Бог. Бог воплощает в себе все сущее, наполняет собой всю землю и небо, Вселенную, Космос. Эти оппозиции переливаются в противостояние «я» и «ты», человека, поэта и Бога. Так же противопоставлены и парадигмы вечного, божественного и авторского, поэтического времени в оде. Авторское время выражено через грамматическое настоящее время, что дает возможность поэту сблизить авторское и читательское время, приблизить к читателю собственные мысли и тревоги».

На примере державинской оды «Бог» болгарский ученый анализирует коммуникативную триаду: автор, герой, читатель, естественную и единую у Державина. Чрезвычайно интересна ее трактовка державинского: «Я царь — я раб, я червь — я Бог!». Время открыто, оно бесконечно. Художественное время Державина, по оценке Л. Боевой, имеет те же характерные знаки, что и художественное время классицистических авторов. Оно эпически спокойно, размеренно, нет ни сжатия времени, ни его беспокойного бега, нет ретроспекций, перемещений временных пластов. То же относится и к художественному пространству. Его главная характеристика — бесконечность, отсутствуют ограничительные рамки, из аристотелевой мифологемы «концов» и «начал» берется начало, но принципиально отбрасывается какой-либо «конец».

Ода «Бог» не имеет сюжета, ее композиционное построение отражает путь поисков, желание открыть, постигнуть существо Бога. Поэтому время и пространство не являются в оде структурными элементами, не организуют действие, скорее, это факторы, определяющие глубинный, философский смысл оды. Образ Бога, по Л. Боевой, соткан именно из категорий времени и пространства. Державин постигает сущность божества через «бесконечное» пространство, через «превечное» время. Он «все собою наполняет» и в то же время ему «нет места и причины», он «всюду сущий и единый», «живый в движении вещества». Основной художественный колорит оды придает вечное время, примерно со второй половины оды его начинает дополнять авторское время, связанное с появлением «я» поэта, с его стремлением разрешить и проблему отношений, связи поэта и Бога, человека и всемирного духа. И человек, и Бог оказываются одинаково сотканы из пространственно-временных связей.

Болгарский исследователь, опираясь на приложенные к державинским сочинениям «Объяснения на сочинения Державина», считает, что постоянным знаковым определителем Бога у русского поэта является и свет, сияние; хаос, бездна, вечная тьма противостоят ему. Свет может быть ограничителем в пространственных ориентирах, а также сакральным знаком, началом начал. Поэт определяет существо Бога как «свет, откуда свет истек». Именно божественный свет рождает и «духи просвещенны». Божество и вечность материализуются в свете. И толкование божественных постулатов, например священной Троицы, дается Державиным через пространственно-временной континуум. «Дух всюду сущий и единый», наполняющий собою все пространство, видится поэтому «без лиц, в трех лицах божества!».

Завершает свое исследование Л. Боева информацией об изучении творческого наследия Державина в болгарской литературе эпохи национального Возрождения, пишет о том, что его ода «Бог» вдохновила известную поэтессу Елену Мутеву (1825–1854), долгое время жившую в Одессе, воспитанную на русской литературе, на создание одноименного стихотворения. Еще одно стихотворение, обращенное к Богу, напечатанное в журнале «Читалище» в 1874 г., близкое к оде Державина, принадлежит болгарскому поэту-возрожденцу Франгя. Исследователь-медиевист приводит краткую характеристику поэзии своих соотечественников [21].

Еще один болгарский исследователь творчества русского поэта *А. Вачева (София)* на страницах тамбовского издания представлена статьей «**Натюрморт в поэзии Державина**» [22]. Надо сразу сказать об оригинальности и нераспространенности в русском литературоведении (впрочем, как и в самой поэзии) этого аспекта державиноведения. А. Вачева ссылается лишь на одну статью более чем семидесятилетней давности [23]. Исследователь из Софийского университета говорит о Г. Р. Державине как поэте-новаторе, нашедшем новые пути в русской поэзии, порушившем классицистские каноны изображения. «Особая роль в этом отношении принадлежит “открытию” реального пейзажа, обращению к чертам повседневной жизни, внесению “бытового” материала в текст оды. Державин открывает для русской литера-

туры и натюрморт, нагружает его особой функцией в оде, наконец, делает его самостоятельным поэтическим жанром», — пишет А. Вачева. Она говорит о сочетании в таланте Державина поэта и живописца, об интересе поэта к изобразительному искусству. В существующей научной литературе в связи с изобразительным мастерством автора «Фелицы», как правило, анализировалось мастерство поэта-пейзажиста и портретиста, о существовании натюрморта в державинских одах говорилось лишь кратко и в связи с широко известными «вкусными» отрывками из «Фелицы», «Приглашения к обеду», «Евгению. Жизнь Званская». А между тем, как убеждена Вачева, обращение Державина к натюрмарту вообще весьма показательно для его творческих исканий и его поэтической самобытности.

Живописная поэзия Державина вписана болгарским русистом в культуру XVIII в., который известен как «век портрета», живописного, графического, скульптурного, написанного по всем академическим правилам. И русский портрет этого времени имеет свои особенности. Что касается русской поэзии до Державина, то в одической ломоносовской традиции русские поэты создавали «иконописные» портреты просвещенных правителей, в лирике почти отсутствовали автобиографические (на живописном языке — «автопортретные») мотивы. Пейзаж, если он и был, — условен и часто аллегоричен. Необходимо и еще одно уточнение: эстетика классицизма не признавала жанра «мертвой природы». Натюрморт — плод эпохи барокко. «Недаром, — уточняет А. Вачева, — для поэзии эпохи барокко так характерен мотив многоцветного (мысленного) сада (в русской поэзии — «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого). Интерес к натюрмарту в европейской культуре возрождается в эпоху Просвещения под влиянием знаменитого тезиса просветительской философии о возвращении к природе. Но на смену аллегорическим и пышным барочным натюрмортам приходят более реальные сюжеты. Простота и естественность, отказ от декоративности как принципы просветительской эстетики проявляются и в выборе натуры. Такой знаменитый мастер натюрморта, как Шарден (1699–1779), чье творчество становится популярным и в России, предпочитал писать обыкновенные предметы обихода, акцентируя внимание на богатстве оттенков и цветов.

Исследователь из Софии кратко излагает историю пейзажа и натюрморта в русской живописи: они оформляются как жанры несколько позже, в XIX в. Детально исполненные натюрморты, но не как самостоятельный живописный жанр, а как красноречивая часть интерьера, фона, оттеняющего характер персонажа, появятся лишь на полотнах П. Федотова в середине XIX в. В эпоху Державина интерес к изобразительному искусству выражался и в собирательской деятельности русских вельмож. В этот период в Россию проникают и коллекции нидерландской живописи, славившейся своими натюрмортами.

Таким образом, резюмирует А. Вачева, возникновение литературного натюрморта в поэзии Г. Р. Державина было подготовлено развитием русской культуры XVIII в., а также влиянием просветительской философии и намечающимися уже эстетическими тенденциями преромантической эпохи. Поэт «открывает» жанр натюрморта не только для литературы, но и для русского искусства вообще. Позиция Державина и в этом отношении довольно своеобразна. Он стал посредником между европейской художественной традицией и русской культурой.

В статье болгарского исследователя детально анализируется стихотворный натюрморт Державина не только как бытовая деталь или изошренное использование поэтического языка, но, прежде всего, как носитель философского послания автора к своим читателям. Поэтому, наряду с пейзажем и портретом, натюрморт присутствует и в похвальной, и в философской, и в анакреонтической одах. Изображение снеди, обыденных ежедневных предметов, яркие цвета, их нюансы, переливы, отблески — все это повод для поэта поделиться своими рассуждениями. В державинских натюрмортах сказывается и характерное для преромантической эпохи стремление уловить национальное и индивидуальное в изображаемом персонаже и объяснить их окружающей предметной средой.

А. Вачева особенности использования Державиным натюрморта связывает с характером поэтического жанра: ода, песня, лирическое стихотворение и т. д. Особенно впечатляет ее анализ державинского натюрморта в «Фелице» (1782), «Разных винах» (1782), «Приглашении к обеду» (1795), «Павлине» (1795), «Урне» (1797), «Похвале сельской жизни» (1798), «Каше златой...» (1804), «Евгению. Жизнь Званская» (1805), «Альбауме» (1808).

По наблюдению болгарского исследователя, натюрморт в поэзии Державина обладает особой философичностью. В нем очень часто можно найти подчеркнутый эпикурейский смысл: истина в эмоции, в приятном времяпрепровождении в кругу друзей и красивых женщин. Показательно то, что такие настроения характерны более для поздней лирики поэта, для его анакреонтики и пасторалей («Евгению. Жизнь Званская», «Похвала сельской жизни»), хотя подобные мотивы можно встретить и в более ранних произведениях.

В заключение А. Вачева пишет: «Натюрморт в одах Державина, наряду с пейзажем и портретом в его творчестве, был настоящим открытием для русской поэзии конца XVIII в. Исключительная одаренность поэта (и художника) давала ему шанс увидеть глазами живописца то, чего нельзя было “выразить словами”, меткость наблюдения мастера кисти позволяла ему создать оригинальную и экспрессивную словесную палитру необыкновенных цветов, оттенков, которые трудно передать на полотне. Поэзия Державина действительно превращалась в “говорящую живопись”. Это давало редкую творческую возможность, которой и воспользовался могучий талант поэта-новатора. Он сумел, как никто другой из русских писателей XVIII в., выразить в своих текстах необыкновенность своей эпохи, улавливая в ней все, что было новым, исключительным, нетрадиционным».

Внимание специалистов обязательно привлечет и статья известного украинского исследователя *М. А. Алексеенко (Львов) «Свет и цвет в поэтическом тексте Г. Державина»* [24]. Он тоже рассматривает вклад Державина не только в русскую, но и в мировую поэзию как поэта-новатора, языковое новаторство связывает с тем, что именно Державин положил начало поэтическому воплощению ломоносовской программы лексической нормализации русского литературного языка посредством органического слияния генетически и стилистически разнородной лексики в одно целое. И оригинальным Державин оказался не в следовании положениям ломоносовской концепции, а в принципиально новом отношении к поэтическому языку вообще. Принципиальная новизна художественного мышления Державина заключалась в функциональном подходе к языковому материалу как средству выражения своего, индивидуального взгляда на реальную действительность и, таким образом, выражения себя, конкретного человека, осознающего свое величие, противоречивость, человека как высшей ценности мира, понимающего свою божественную природу.

По утверждению М. Алексеенко, новое, просветительское представление Державина о внесловной ценности человека неразрывно связано с лирическим «я» поэта. Изображаемое в державинском тексте слито с субъективным внутренним миром поэта. Это был новый подход к поэтическому слову и его творцу, позволивший поэту сформулировать свое творческое кредо — поэзия есть «истинная картина натуры». Новаторство художественной системы Державина, по Алексеенко, состоит не в отказе от ломоносовских «штилей» или смешении их, а в принципиально новом подходе к языковому материалу. Русская объективная действительность начала свое вторжение в русскую поэзию.

М. Алексеенко называет Державина «ярко колористичным» и «цветным» поэтом, при этом интенсивность света и цветовая гамма значительно преобладают над звукописью его стиха. Украинский исследователь анализирует специфику державинской цветосимволики, которая заключается в чрезвычайном богатстве и разнообразии красок, тонов, полутонов, оттенков, цветовых смешений — в ней представлено все многообразие спектра, отмечает влияние на нее древнерусской иконописи с ее классической трехцветной гаммой. «Смешанные» цветообозначения свидетельствуют о том, что цвет и свет несут в державинском поэтическом тексте огромную эмоциональную конкретизирующую силу. В каждом отдельном случае поэт брал свет и цвет «с натуры», основываясь не на эстетических принципах поэтики классицизма, предписывающей изображать предмет с определенной стороны, в определенном свете, в наилучшем виде, а на своих собственных зрительных впечатлениях. «Иными словами, — резюмирует филолог-лингвист, — цвет и свет были средством освобождения поэта от абстракций, условностей и ограничений классицизма». Державин ввел новые для поэтической речи XVIII в. цветообозначения: коричный, лиловый, чернотинтовый, тьмозвездный, а автор статьи ввел исследование цвета и света

в державинской поэзии в план психологического восприятия приоритета того или иного цвета и света.

Отмечая «поразительную динамичность» колористики Державина, львовский ученый поставил колористические описания Державина в контекст классических полотен живописи: фламандских натюрмортов, портретной живописи Ф. Рокотова, И. Никитина, В. Боровиковского, Д. Левицкого.

Отдельные статьи на страницах тамбовских изданий не претендуют на фундаментальную разработку заявленных проблем, а лишь тезисно излагают пути их решения. Однако и среди этих работ есть весьма интересные. Л. А. Сапченко (*Ульяновск*) обратилась к эмблематике державинской поэзии и попыталась выяснить один из ее источников. В опубликованном материале «**Об одном возможном источнике державинской эмблематики**» [25] автор пишет о том, что в литературоведческих исследованиях принято говорить в основном об изобразительной части державинского образа, оставляя без комментариев эмблематический характер образной структуры. Однако некоторые авторские обобщения демонстрируют власть эмблематического мышления над поэтом и выявляют его установку на постижение глубинных взаимосвязей явлений.

По оценке автора статьи, в своем творчестве Державин опирался на традиционные эмблематические истолкования и главным образом на вышедшие во второй половине XVIII — начале XIX в. книги: «Иконологический лексикон...» (Спб., 1763), «Емвлемы и символы» (Спб., 1788), «Иконология, объясненная лицами» (М., 1803), «Избранные емвлемы и символы» (Спб., 1811) и др. Четырежды (1773, 1789, 1805, 1817) переиздававшийся эмблематический сборник «Свет, зримый в лицах, или Величие и многообразие зиждителей намерений, открывающиеся в природе и во нравах, объясненные физическими и нравственными изображениями, украшенными достойным сих предметов словом в пользу всякого состояния людям, а наипаче молодым витиям, стихотворцам, живописцам и другим художникам» (перевод с немецкого Ивана Хмельницкого) строился по принципу: 1) наименование явления природы; 2) принятая его трактовка, кратко сформулированная; 3) графическое его изображение; 4) подробное словесное описание того же явления и пространно прокомментированный его традиционный философско-нравственный смысл. Л. А. Сапченко предполагает, что «Свет, зримый в лицах...» был хорошо знаком Державину: совпадают многие объекты изображения («долина», «холм», «водопад», «радуга», «облако», «осень», «море» и др.). На страницах тезисов анализируются стихотворения «Водопад» (1792), «Осень» (1805), «Гром» (1806), в которых не только повторяется трактовка этих природных явлений «Светом, зримым в лицах...», но и по композиции они сходны с комментариями этого эмблематического сборника.

Г. Е. Борисов (*Тамбов*) в своем научном докладе «**“Плавает дух в удовольствии” (Архитектурные эскизы в поэтике Г. Р. Державина)**» [26] привлек внимание своих слушателей постановкой интереснейшей проблемы об образах архитектуры в творчестве русского поэта и попыткой обозначить некоторые пути ее решения. По аналогии с анализом А. Вачевой изобразительного мастерства Державина в контексте русской и европейской живописи XVIII в., автор доклада осуществил попытку сопоставления содержания державинского творчества с деятельностью крупнейших зодчих России: В. И. Баженова, М. Ф. Казакова, Е. С. Старова, А. Н. Воронихина. Поэт дружил или общался с Н. А. Львовым, видными сановниками, опекавшими искусство, — Г. А. Потемкиным, И. И. Шуваловым, И. И. Бецким, А. С. Строгановым.

Нередко архитектурный антураж произведений Державина, замечает тамбовский исследователь, лишь намечен, концентрируясь в одном слове-образе. Чаще же архитектурные формы и детали приобретают полнокровную звучность цвета: Фелица выходит «из теремов своих янтарных и серебро-розовых светлиц», — точный живописный образ, побудивший Я. Грота сделать уместное пояснение: «В царскосельском дворце находится донныне одна комната, вся убранная янтарем, другая была из розовой фольги с серебряной резьбой».

По представлениям Г. Е. Борисова, в «Описании Потемкинского праздника в Таврическом дворце» Державин восхищается высокими эстетическими достоинствами дворцового ансам-

бля. Не сухой геометризм плана, а пространственно-объемная образность, гармония частей, сочетание искусственных и природных форм поражают воображение поэта. Поистине «плавает дух в удовольствии»! Глубина и разнообразие впечатлений, стихия восторженного чувства, волнами накатывающаяся на потрясенного праздничной феерией зрителя, требовала новой, адекватной формы выражения, и Державин нашел ее в синтезе торжественно-величавых хором и лирико-повествовательного описания обстановки и течения праздника.

Архитектурные мотивы в литературном творчестве Г. Р. Державина — действительно, свидетельство не только широты поэтических исканий, но и подлинных художественных открытий, обогативших его наследие. И они бесспорно представляют огромный интерес для специалистов.

3

Несколько любопытных тамбовских публикаций связаны с оценкой анакреонтической лирики Г. Р. Державина. Наиболее интересные из них представляют собой своеобразную научно-исследовательскую трилогию. В статье **«Поэтика “Анакреонтических песен” Г. Р. Державина»** Я. И. Гудошников (Тамбов) [27] констатирует безусловное признание Державина современниками как первого русского поэта, стоящего выше всякой критики. А типичным заявлением критиков о книгах Державина было вот это: «все, что мы о них скажем, хуже этих бесценных книг». «Ни один из русских поэтов и писателей такой славы не знал и не переживал», — констатирует Я. И. Гудошников. Он считает этот сборник «песен» «своеобразной декларацией независимости и свободы личности поэта», ставит проблемный вопрос следующим образом: «Анакреонтические песни» большинство современных исследователей величает обычно анакреонтическими стихами, это и верно и неверно. Верно, ибо подавляющее большинство произведений из этой книги «песнями» не являются. Неверно, т. к. основная часть стихотворений к Анакреонту практически никакого отношения не имеет. Следовательно, вероятно, необходимо сохранить заголовок сборника, данный Державиным, но заслуживает особого разговора вопрос о жанровом своеобразии «Анакреонтических песен» и их поэтике. Подавляющее большинство стихотворений этой книги можно отнести к «легкой поэзии». С последней их роднит шутливость, игривость, динамичность, многообразие стихотворных форм». В отличие от своих современников, поэт не склонен был называть образцы русской «легкой поэзии» безделками, и Я. И. Гудошников излагает историю ее создания и функционирования, приводит анализ содержания «Кружки», «Пчелки», «Заздравного орла», «Русских девушек», «Любушки», «К лире», «Боя», «Купидона», «Рождения красоты», «Венчания Леля», «Соломона и Суламиты», «Цыганской пляски». Сравнивая «песни» Державина с сумароковскими песнями, автор статьи пишет о «ярко выраженном в них национальном колорите», о продолжении традиций фольклорно-песенного стиха, влиянии Анакреонта, античной мифологии, языческих образов.

Я. И. Гудошников сопоставляет отношение к литературному языку Державина и Карамзина: Карамзин реформировал русский литературный язык на разговорной основе, ориентируясь при этом на речь в дворянско-салонном духе, считая даже такие слова, как «парень», грубыми и неуместными в книжном языке. Державина едва ли можно считать реформатором литературного языка, но именно он, прежде всего в своих «Анакреонтических песнях», широко употребляет разговорную речь на общенародной основе, избегая всякого салонного жеманства. По наблюдению Гудошникова, «Анакреонтические песни» сохраняют такую общую черту державинской поэзии, как автобиографичность. В них есть несколько искренних обращений к себе и к его второй жене, но, пожалуй, наиболее ярко выражает общий дух его поэзии «Шуточное желание» — обращение шестидесятилетнего поэта к «милым девицам».

«Анакреонтическим песням» посвящена и работа А. А. Смирнова (Москва) **«Г. Р. Державин и А. С. Пушкин: два этапа русской анакреонтики»** [28]. Автор рассматривает этот поэтический сборник в контексте всех художественных открытий Державина и приходит к выводу: «Анакреонтика борется в Державине с пафосом государственной поэ-

зии, но победы нет ни на одной из сторон, т. к. Державин никогда не порывал с просветительством, сохраняя суровый стоицизм, свойственный классицизму. Державинская любовь к сельскому быту, деревенскому уюту не только биографична, но и социальна — это его форма оппозиции по отношению к высшей знати, “супостатам”, “вельможам в случае”... Анакреонтику Державин ставит выше героической оды:

Так не надо звучных строев,
Переладим струны вновь;
Петь откажемся героев,
А начнем мы петь любовь».

Выделим основные акценты в оценке А. Смирновым «Анакреонтических песен»:

— обращение Державина к анакреонтике было средством отрицания жизненной практики придворного общества;

— новаторство Державина заключалось в том, что он обратился к изображению человека, взятого в его отношении не только к государственному долгу, но и к самому себе;

— анакреонтическая поэзия была для Державина знаком поэтической раскрепощенности от жестких принципов жанровой системы классицизма, однако такой герой лирики Державина лишен внутренней сложности и подвижности внутреннего мира, основной его интерес сосредоточен на предметном мире материальных объектов, окружающих лирического персонажа;

— державинская анакреонтическая традиция усиливается в лирике Ю. Нелединского-Мелецкого, И. Дмитриева, линию же Карамзина продолжили В. Л. Пушкин, А. Аргамаков, отчасти В. Капнист, И. Крылов. Помимо Державина, никто не достиг столь ярких сочетаний античных и русских образов, хотя М. Муравьев, Н. Львов, И. Дмитриев насыщают свои тексты даже фольклорными образами;

— наиболее последовательным продолжателем Державина стал К. Батюшков, но именно он сделал решительный шаг от предромантизма к последовательному романтизму. Идеал Державина всецело выводится из действительности, и национально, и предметно, и биографически определенной, — батюшковский же идеал вырастает из противопоставления условно: мечты и реальности по принципу антитезы;

— синтез большинства из указанных традиций державинской анакреонтики достиг в лицейской лирике Пушкин, хотя поначалу в его ранних посланиях преобладала традиция державинского биографизма.

Достаточно подробно А. А. Смирнов говорит об анакреонтическом идеале романтиков.

Т. А. Гавриленко (Уссурийск) в статье «“Анакреонтические песни” Г. Р. Державина. К вопросу о творческом итоге и его перспективах» [29], как и ее предшественники, называет лирический сборник Державина явлением «подлинно новаторским» и рассматривает «Анакреонтические песни» в качестве одного из знаменательных итогов его труда. Она продемонстрировала необычный подход к державинским стихам: обратила внимание на двойственный характер державинского творчества и творческих задач поэта (не совсем просто представить себе Державина в новой роли: много лет писавший торжественно-хвалебные оды, важный государственный чиновник, и вдруг он обратился к любовной лирике, «хотя поэт был уже и немолод»). «Налицо загадка, требующая разрешения». И исследователь обращается к авторскому предисловию к сборнику — «К читателям», обнаружившему любопытное противоборство двух начал в авторской самооценке. С одной стороны, публикуемое Державиным — пустяк и безделица, написано «для забавы», «достойно забвения по неважности своей, волею случая выпускаемые в свет «издевательские сочинения». С другой — поэтические творения, выполняющие почти великую по своему значению задачу: «По любви к отечественному слову желал я показать его изобилие, гибкость, легкость и вообще способность к выражению самых нежнейших чувствований, каковые в других языках едва ли находятся». «Здесь, — пишет уссурийский исследователь, — важно и обращение к авторитетам, и необходимость восстановления истины, ибо попавшие в печать, помимо авторской воли, стихи оказались искаженными,

и, наконец, — то самое упоминание о выборе, поступке, без которого сборник мог не состояться. К тому же подозрение в тщеславном соперничестве как с древними, так и с их переводчиками и подражателями снимается Державиным в первую очередь, и это также для автора весьма существенно — “истинно”. Стоило ли усложнять предисловие к несерьезным стихам подобными оговорками, если не придавалось особого значения тому, что готовилось к изданию отдельной книгой?»

Чрезвычайно интересны дальнейшие размышления Т. А. Гавриленко. Их логика сводится к следующему. В полном соответствии с осуществляемыми творческими планами, искусно сочетаясь с полемичностью названия и предисловия, функционирует в «Анакреонтических песнях» образ автора — поэта, певца. Державин порой откровенно подчеркивает имеющееся между ним и Анакреонтом сходство. Но эта легкость узнавания — кажущаяся. Самопереоцениваясь в Анакреонта и часто себя с ним сравнивая, Державин наслаждается процессом застенчивой им литературной игры. На самом же деле Державин предстает русским поэтом, остро ощутившим несправедливость властителей и неразрешимый драматизм бытия. На закате дней он ликует на свободе, творя и очаровываясь красотой. За узнаваемой анакреонтической смешной (старческой) условностью мироощущения — многоголосая и яркая гамма чувств мудрого, много изведавшего человека, по природе своей — творца, переживающего пору заката и оттого столь остро и как бы заново воспринимающего приметы всего живущего вокруг. Иными словами, у Анакреонта свои приметы старческого жизнелюбия, но они условны, видоизменены и трансформированы многовековым опытом человеческого постижения, а у Державина они свои и вполне конкретно очеловечены (старческие, но удивительно молодые, подражательные, но свои).

Еще один аспект кажущегося «легким» анакреонтического эффекта, по Гавриленко, заключается в следующем. Присутствие Анакреонта постоянно напоминает о некоем авторитете, устремления которого составляли и составляют часть человеческой жизни, а возможности быть почитаемым отнюдь не исчерпаны. Отсюда анакреонтическое — это нечто важное для человека, т. е. вечное. Не мимолетное, но зрелое, выверенное собственным опытом, то, что уже не будет опровергнуто, Державину-поэту близкое в Анакреонте, как бы окруженное этим авторитетом «вечного», но спроецированное на индивидуальную природу державинского ума, мироощущения, представлений о человеке, пропущенное через таинство державинского поэтического вдохновения. По зрелости своей и очевидной серьезности решаемых творческих задач «Анакреонтические песни» Державина, конечно же, предшествуют «Сумеркам» Баратынского, «Вечным вопросам» Майкова, «Вечерним огням» Фета, ибо они не менее философичны и глубоки, несут в себе отчетливые признаки «родовых примет» авторского почерка и особое откровение итога, подвести который было необходимо.

В разделе обзора о державинской философии и поэтике целесообразно сказать и еще об одной публикации. На страницах «Вестника Тамбовского университета» в 2008 г. опубликована статья **«Г. Р. Державин: к концепции современного прочтения поэтического творчества»** [6], где предложено авторское понимание любовной лирики поэта, произведений, написанных под воздействием трепетного чувства Державина к Екатерине Яковлевне Бастидон и многое раскрывающих не только в личности поэта. Ей посвящен целый стихотворный цикл: «Невесте» (1778), «Препятствие к свиданию с супругою» (1778), «Видение Мурзы» (1784), «Ласточка» (1792, 1794), «Скромность» (1791, 1798), «На смерть Катерины Яковлевны...» (1794), «Сафе...» (1794), «Призывание и явление Пленеры» (1794) и др. Автор статьи считает эту лирику Державина «яркой, оригинальной страницей в истории русской поэзии о любви, страницей, пока недооцененной исследователями». Это, кстати, в свое время сподвигло научный коллектив под руководством автора статьи на отдельное издание, посвященное державинской «Пленере» [30].

Может быть, именно образ милой Пленеры вдохновил Державина на создание своей собственной философии жизни и творчества, в которой отразилась русская сущность мироотношения поэта. В 1780 г., спустя два года после женитьбы, Державин задумал свой поэтический манифест, знаменитую оду «Бог». Завершена она, как известно, в марте 1784 г. Поэт был религиозным человеком, и в оде выразился его взгляд на миростроительные приоритеты,

вера в бога-творца. Однако именно в этой же оде утверждалась и «дерзновенная» (Г. П. Макогоненко) мысль — человек величием своим равен богу.

Философия человека в творчестве Державина складывалась из противоречий. С одной стороны, тема конечности, бренности всего сущего («Водопад», «Евгению. Жизнь Званская», «Река времен в своем стремленьи...» и др.):

Исчезла и моя уж младость;
Не сильно нежит красота,
Не столько восхищает радость,
Не столько легкомыслен ум,
Не столько я благополучен...

(«На смерть князя Мещерского», 1779)

С другой стороны, Державин вступал в диалог с богом и утверждал приоритет человека, его близость к богу, человекобожие. В оде «Бог» это ведущая мысль:

Я связь миров, повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб — я червь — я Бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколе произошел? — безвестен;
А сам собой я быть не мог...

Ода Державина имела программный и полемический характер.

Очевидно, влияние Е. Я. Бастидон на Державина, подчеркнутое в статье «Г. Р. Державин: к концепции современного прочтения поэтического творчества», было столь велико, что можно говорить и о стихотворных натюрмортах, создающих особый домашний уют, как о закодированности художественного зрения поэта комфортом и негой его домашнего, семейного быта, образом любимой Катерины [6, 31].

Ценные сведения о Державине специалисты могут получить и в литературно-краеведческих изданиях обозначенного периода. В Тамбове они представлены целой библиотечкой работ, написанных в разных жанрах и связанных с оценкой в основном административной деятельности тамбовского наместника [32]. Пожалуй, наиболее обширную, выверенную и актуальную информацию содержит объемная монография Ю. В. Мещерякова «Гавриил Романович Державин. Тамбовский период деятельности (1786–1788)» [33]. Как сообщается в издательской аннотации, «используя неизвестные ранее архивные материалы и редкие печатные издания, автор показывает те стороны деятельности Державина-администратора, которые ранее не раскрывались в посвященной ему литературе...» Автор подробно останавливается на работах Я. К. Грота и Е. А. Салиаса, которые в большой степени и сориентировали своих последователей в оценке служебных занятий Державина главным образом с культурно-просветительской точки зрения. «Столь односторонний подход, — уточняет автор монографии, — нисколько, впрочем, не умаляет важности и значимости трудов его биографов. Именно они впервые подробно осветили “провинциальный период” службы поэта, именно ими впервые было подчеркнуто, что это “краткое время” оказалось благоприятным для развития тамбовского края» [33, с. 5].

Ю. Мещеряков отдает должное «первому из исследователей, кто не только изучил “тамбовский отрезок” жизни Гавриила Романовича, но и посвятил этому периоду отдельную работу», знаменитому писателю, автору многочисленных романов и повестей на исторические темы Е. А. Салиасу де Турнемиру (1840–1908), более известному как граф Салиас. По сведениям Ю. Мещерякова, «служивший на рубеже 1860–1870-х гг. в Тамбове,

он, опираясь на найденные им архивные документы и на воспоминания самого поэта, подготовил обширный очерк, посвященный державинскому “правлению”. Впервые он увидел свет там же, в Тамбове, в 1871 г., а спустя пять лет перепечатан в журнале “Русский вестник” и вновь опубликован в 1885 г. в Петербурге под названием “Поэт-наместник”» [2].

На страницах монографии Ю. В. Мещерякова подробно освещаются исследования о Державине-администраторе на всем протяжении не только XIX, но и XX вв., при этом особо выделяются исторические изыскания И. И. Дубасова (1843–1913) «Очерки из истории Тамбовского края» [34] и П. Н. Черменского (1884–1973) «Культурно-исторический очерк Тамбовской губернии» [35]. При этом современный тамбовский историк отмечает особенность историко-культурных работ о Державине. Называя имена Е. А. Салиаса и Я. К. Грота, считая их работы «наиболее полными и подробными и по своей значимости не превзойденными до сих пор», Мещеряков вместе с тем настоятельно акцентирует: «...мы, вновь повторяясь, вынуждены сказать, что образ чиновника-администратора в их изложении оказался недостаточно полным и разносторонним. Исходя из того, что Державин — прежде всего поэт, авторы вольно или невольно заставили читателя думать, что во всей его деятельности постоянно присутствовало некое “культуртрегерское” начало. Это видно по тому, как академик и писатель, каждый самостоятельно, “втиснули” большую часть державинских нововведений либо в “образовательные”, либо в “культурно-развлекательные” рамки. Оба исследователя ставили Гавриилу Романовичу в особую заслугу учреждение в Тамбове и уездных городах народных училищ, а также отмечали его вклад в устройство театра и типографии. И хотя тот же Салиас писал, что Державин “был ревностный чиновник и даже ставил свою государственную службу выше своих литературных занятий”, ни ему, ни Гроту не удалось сосредоточить внимание читателя на тех моментах деятельности правителя, которые не касались образования и культуры» [33, с. 7].

Ю. В. Мещеряков ставит вопрос: почему исследователи XX в. не занимались поисками новых архивных документов 2 (если и занимались, то недостаточно продуктивно), не пытались расширить рамки темы «Державин-администратор» [33, с. 10]? Он сообщает, что ему «удалось выявить порядка 700 документов, так или иначе относящихся к Державину и к его времени, из них более 200 либо написаны поэтом собственноручно, либо продиктованы и подписаны им». Этот факт, с учетом свободной манеры изложения, лишенной необходимых для типичной исторической монографии рамок и условностей, дает основание автору книги свое обширное исследование (около 30 п. л.) назвать «документальным очерком».

Свое исследование «Литературное наследство Г. Р. Державина», помещенное в том «Литературного наследства» с материалами о русской литературе XVIII в., Г. А. Гуковский завершил словами: «Конечно, весьма возможно, что в других архивах и в других городах имеются Державинские материалы. Следует пожелать, чтобы исследователи, знакомые с такими материалами, напомнили о них хотя бы столь же кратко, как это сделано в настоящем обзоре» [1, с. 396]. В год 270-летия со дня рождения Державина со времени публикации этого исследования Гуковского прошло 80 лет, но оно сохранило актуальность основных, программных положений классика науки о поэте. Реагируя на пожелание автора фундаментального труда, мы констатируем, что в изданиях Тамбова, где служил наместник Г. Р. Державин, не только имеются некоторые новые сведения о его государственной службе, но и опубликованы яркие научные труды, которые могут заинтересовать специалистов.

Разумеется, прав был тамбовский медиовист Я. И. Гудошников, когда писал: «Типичным заявлением критиков о книгах Державина было: “Все, что мы о них скажем, хуже этих бесценных книг”. Ни один из русских поэтов и писателей такой славы не знал и не переживал» [27, с. 43]. И тем не менее, сегодня не столь широк круг специалистов в области изучения творчества Г. Р. Державина, чтобы быть расточительными на новые сформулированные идеи. Одна из работ В. А. Западова называется «Текстология

2 Этот упрек краеведа никак нельзя отнести к специалистам в области литературоведческой науки о Державине.

и идеология. (Борьба вокруг литературного наследия Г. Р. Державина)» [36]. Борьба. Для нее необходимо сохранить и сделать достоянием литературной общественности каждую научно-исследовательскую догадку, каждую гипотезу. Это понимали классики литературоведения и завещали мудрое отношение к национальному культурному достоянию новым поколениям историков русской литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гуковский Г. А. Литературное наследство Г. Р. Державина // Литературное наследство. М., 1933. Т. 9–10.

Салиас Е. А. Державин — правитель Тамбовского наместничества. Тамбов, 1871.

Западов В. А. Поэтический путь Державина // *Державин Г. Р.* Стихотворения. М., 1981.

Макогоненко Г. П. Державин // История русской литературы: в 4 т. Л., 1980. Т. 1.

Урюпин И. С. Ордынские мотивы и образы в творчестве Г. Р. Державина и в рассказе М. А. Булгакова «Ханский огонь» // Духовные традиции русской культуры: история и современность (к 265-летию со дня рождения Г. Р. Державина): коллективная монография / науч. ред. Н. Л. Потанина. Тамбов, 2008.

Полякова Л. В. Г. Р. Державин: к концепции современного прочтения поэтического творчества // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2008. Вып. 7 (63). С. 16–24.

Русский портал. URL: <http://www.оросси.ком> (дата обращения: 20.04.2013).

Грот Я. К. Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам. СПб., 1880–1883. Т. 1–2.

Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Издание Императорской Академии Наук: в 9 т. СПб., 1864–1883.

Державин Г. Р. Стихотворения / ред. и примеч. Г. А. Гуковского; вступ. ст. И. А. Виноградова. Л., 1933. («Библиотека поэта. Большая серия»).

Державин Г. Р. Полное собрание стихотворений / вступ. ст. и общ. ред. Д. Д. Благого, примеч. В. А. Западова. Л., 1957. («Библиотека поэта. Большая серия»). Далее цит. преимущественно это издание.

Белинский В. Г. Эстетика и литературная критика: в 2 т. М., 1959. Т. 2.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 307–308.

Замятин Е. И. Я боюсь. Литературная критика. Публицистика. Воспоминания / сост. и коммент. А. Ю. Галушкина; подгот. текста А. Ю. Галушкина, М. Ю. Любимовой. М., 1999.

Замятин Е. И. Сочинения. М., 1988.

Эйхенбаум Б. М. О прозе. О поэзии. Л., 1986.

Доценко И. И., Григорова Н. В. Г. Р. Державин и русско-немецкий литературный диалог XVIII в. // Творчество Г. Р. Державина. Специфика. Традиции. Научные статьи, доклады, очерки, заметки / под общ. ред. Л. В. Поляковой. Тамбов, 1993. С. 238–244.

Прокудин С. Б. «О, сколько храбрости Российской примеров видел уже свет!» (Державин и Пушкин) // Кредо. Тамбов, 1993. № 7–8. С. 3–17.

Николаева С. Ю. Державинская традиция и художественная антропология А. П. Чехова // Духовные традиции русской культуры: история и современность. Тамбов, 2008. С. 111–123.

Редькин В. А. Г. Р. Державин и современная поэзия // Духовные традиции русской культуры: история и современность. Тамбов, 2008. С. 173–183.

Боева Л. Художественное время и пространство в оде Г. Р. Державина «Бог» // Творчество Г. Р. Державина. Специфика. Традиции. Тамбов, 1993. С. 6–14.

Вачева А. Натюрморт в поэзии Державина // Творчество Г. Р. Державина. Специфика. Традиции. Тамбов, 1993. С. 33–34.

Данько Е. Я. Изобразительное искусство в поэзии Державина // Сборник: XVIII в. Л., 1940. № 2.

Алексеевко М. А. Свет и цвет в поэтическом тексте Г. Державина // Кредо. Тамбов, 1993. № 7–8. С. 66–72.

Сапченко Л. А. Об одном возможном источнике державинской эмблематики // Творчество Г. Р. Державина: проблемы изучения и преподавания: материалы юбилейной Международной научной конференции 14–16 сентября 1993 года / отв. ред. Л. В. Полякова. Тамбов, 1993.

Борисов Г. Е. «Плавает дух в удовольствии» (Архитектурные эскизы в поэтике Г. Р. Державина) // Творчество Г. Р. Державина: проблемы изучения и преподавания: материалы юбилейной Международной научной конференции 14–16 сентября 1993 года / отв. ред. Л. В. Полякова. Тамбов, 1993.

Гудошников Я. И. Поэтика «Анакреонтических песен» Г. Р. Державина // Творчество Г. Р. Державина. Специфика. Традиции. Тамбов, 1993. С. 43–47.

Смирнов А. А. Г. Р. Державин и А. С. Пушкин: два этапа русской анакреонтики // Творчество Г. Р. Державина. Специфика. Традиции. Тамбов, 1993. С. 48–54.

Гавриленко Т. А. «Анакреонтические песни» Г. Р. Державина. К вопросу о творческом итоге и его перспективах // Творчество Г. Р. Державина. Специфика. Традиции. Тамбов, 1993. С. 55–63.

Пленира. Литературное приложение к журналу «Кредо» / под ред. Л. В. Поляковой. Тамбов, 1993. № 7–8.

Подробнее о теме любви в поэзии Державина см.: *Полякова Л. В.* Волшебный кристалл поэзии Г. Р. Державина // *Державин Г. Р.* Избранное / общ. ред., сост., дизайн обложки В. Т. Дорожкиной; вступ. ст. Л. В. Поляковой. Тамбов, 2013.

См., например: *Авдошенко Е. В.* Тамбовская муза Державина // Проблемы изучения литературного наследия Тамбовского края: межвузовский сборник научных трудов. Вып. I / отв. ред. Я. И. Гудошников; вступ. ст. Л. В. Поляковой. Тамбов, 1990. С. 72–82; Пленира. Литературное приложение к журналу «Кредо» / лит. приложение подготовлено кафедрой литературы Тамбовского государственного пед. ин-та под рук. Л. В. Поляковой к 250-летию Г. Р. Державина. Тамбов, 1993. № 7–8; *Авдошенко Е. В.* Державин и первое народное училище в Тамбове (краеведческий очерк) // Культура русской провинции. Проблемы изучения литературного наследия Тамбовского края: межвузовский сборник научных трудов / под общей ред. Л. В. Поляковой. Тамбов, 1993. Вып. II. С. 4–8; *Кученкова В. А.* Неизвестный Тамбов. Тамбов, 1993; 250-летию Гаврилы Романовича Державина посвящается // Кредо. 1993. № 7–8. Специальный выпуск / материалы номера подготовлены коллективом кафедры литературы Тамб. гос. пед. ин-та под рук. Л. В. Поляковой; *Ротань Е. Н.* Поэтический стиль сатирических стихотворений Г. Р. Державина (на материале сатиры «На Счастье») // Культура русской провинции. Проблемы изучения литературного наследия Тамбовского края / под общ. ред. Л. В. Поляковой. Тамбов, 1999. Вып. III. С. 4–11; *Алтабаева Е. В.* Поэтика философской лирики Г. Р. Державина // Там же. С. 11–16; *Аршинова Т. А.* Державин и российская музыкальная культура // Там же. С. 16–23; *Полякова Л. В.* Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков. Тамбов, 2004; Державин Гаврила Романович // Литературное краеведение. Хрестоматия. 8-й класс / сост. Л. В. Полякова, В. Т. Дорожкина. Тамбов, 2006. С. 5–14; Родной мой край литературный. Введение в справочник // *Дорожкина В. Т., Полякова Л. В.* Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков: справочник / науч. ред. Л. В. Полякова. Тамбов, 2006. С. 7–11, 74; *Мещеряков Ю. В.* Гавриил Романович Державин. Тамбовский период деятельности (1786–1788). Тамбов, 2006; *Селиверстов В. И.* Державин — правитель тамбовский. Историческое повествование: в 2 ч. Тамбов, 2006, 2011; *Белкин А. М.* Тамбовский край навеки в сердце: краеведческие очерки. Тамбов, 2007. С. 7–14; Державин Гаврила Романович // Литературное краеведение: учебное пособие для учащихся 8–9 классов / Полякова Л. В., Дорожкина В. Т., Гаранина Е. А., Федотова С. В., науч. ред. Л. В. Полякова. Тамбов, 2007. С. 9–18; *Полякова Л. В., Дорожкина В. Т.* Литературное краеведение: пособие для учителя: в 2 ч. Ч. I / под науч. ред. Л. В. Поляковой. Тамбов, 2007. С. 6–80; *Елегечев И. З.* Что есть истина. (Приснопамятный рассказ о России) / предисл. Ю. Э. Михеева. Тамбов, 2008; Державинский вестник. Специальный выпуск к 265-летию Г. Р. Державина / сост. и вступ. ст. Н. Ю. Желтовой. Тамбов, 2008. Май и др. издания.

Из изданий других десятилетий: *Дальний Б., Богданов Д.* Державин в Тамбове (1786–1788). Тамбов, 1947; *Авдошенко Е. В.* Поэт Г. Р. Державин в Тамбове. Тамбов, 1962; *Илешин Б. И.* Литературные тропинки отчего края. М., 1986. С. 7–23; *Чернов А. С., Головашин А. Г.* Тамбовское печатное слово. Изд. 2-е, перераб. и доп. Воронеж, 1986.

Мещеряков Ю. В. Гавриил Романович Державин. Тамбовский период деятельности (1786–1788). Тамбов, 2006.

Дубасов И. И. Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов, 1887–1897. Вып. 3–6.

Черменский П. Н. Культурно-исторический очерк Тамбовской губернии. Тамбов, 1926. Вып. 1.

Западов В. А. Текстология и идеология (Борьба вокруг литературного наследия Г. Р. Державина) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1980. Вып. 4.

ГЛАВА 2

ПРОИЗВЕДЕНИЯ Г. Р. ДЕРЖАВИНА 1786-1788 ГГ.

НА СМЕРТЬ ГРАФИНИ РУМЯНЦЕВОЙ

Не беспрестанно дождь стремится
На класы с черных облаков,
И море не всегда струится
От прменяемых ветров;
Не круглый год во льду спят воды,
Не всякий день бурь слышен свист,
И с скучной не всегда природы
Падет на землю желтый лист.
Подобно и тебе крушиться
Не должно, Дашкова, всегда,
Готово ль солнце в бездну скрыться,
Иль паки утру быть чреда;
Ты жизнь свою в тоске проводишь,
По англинским твоим коврам,
Уединясь, в смущеньи ходишь
И волю течь даешь слезам.
Престань! и равнодушным оком
Возри на оный кипарис,
Который на берегу высоком
На невские струи навис
И мрачной тени под покровом,
Во дремлющих своих ветвах,
Сокрыл недавно в гробе новом
Румянцевой почтенный прах.
Румянцевой! — Она блистала
Умом, породой, красотой,
И в старости любовь снискала
У всех любезною душой;
Она со твердостью смежила
Супружний взор, друзей, детей;
Монархам осмерым служила,
Носила знаки их честей.
И зрела в торжестве и славе

И в лаврах сына своего;
Не изменялась в сердце, нраве
Ни для кого, ни для чего;
А доброе и злое купно
Собою испытала всё,
И как вертится всеминутно
Людской фортуны колесо.
Возри на памятник сей вечный
Ты современницы твоей,
В отраду горести сердечной,
К спокойствию души своей,
Прочти: «Сия гробница скрыла
Затмившего мать лунный свет;
Смерть добродетели щадила,
Она жила почти сто лет».
Как солнце тускло ниспускает
Последние свои лучи,
По небу, по водам блистает
Румяною зарей в ночи,—
Так с тихим вздохом, взором ясным
Она оставила сей свет;
Но именем своим прекрасным
Еще, еще она живет.
И ты, коль победила страсти,
Которы трудно победить;
Когда не ищешь вышней власти
И первую в вельможах быть;
Когда не мстишь, и совесть права,
Не алчешь злата и серебра,—
Какого же, коль телом здрава,
Еще желаешь ты добра?
Одно лишь в нас добро прямое,
А прочее всё в свете тлен;
Почует чья душа в покое,
Поистине тот есть блажен.
Престань же ты умом крылатым
По треволнению летать;
С убогим грузом иль богатым,
Всяк должен к вечности пристать.
Пожди,— и сын твой с страшна бою
Иль на щите, иль со щитом,
С победой, с славою, с женою,
С трофеями приедет в дом;
И если знатности и злата
Невестка в дар не принесет,
Благими нравами богата,
Прекрасных внучат приведет.
Утешься, и в объятьи нежном
Облобызай своих ты чад;
В семействе тихом, безмятежном,
Фессальский насаждая сад,
Живи и распложай науки;
Живи и обессмерть себя,

Да громогласной лиры звуки
И музы воспоют тебя.
Седый собор Ареопага,
На истину смотря в очки,
Насчет общественного блага
Нередко ей давал щелчки;
Но в век тот Аристиды жили,
Сносили ссылки, казни, смерть;
Когда судьбы благоволили,
Не должно ли и нам терпеть?
Терпи! — Самсон сотрет льву зубы,
А Навин потемнит луну;
Румянцев молнии дхнет сугубы,
Екатерина тишину.
Меня ж ничто вредить не может,
Я злобу твердостью сотру;
Врагов моих червь кости сгложет,
А я пиит — и не умру.

(1788)

КОММЕНТАРИИ

Стихотворение «На смерть графини Румянцевой» написано в трудное для Державина время. Шел 1788 год — третий год пребывания поэта в должности главы Тамбовского наместничества. Несмотря на то, что за это время им было сделано много полезного для края, отношение к наместнику тамбовской публички и, в особенности, чиновничества, было далеко не благожелательным. Честный и пылкий Державин, поэт в мундире государственного чиновника, был чужд компромиссов, и потому ему трудно было устанавливать контакты с подчиненными. Стремясь неукоснительно соблюдать законы, он не всегда отдавал себе отчет в том, насколько возможно реализовать это стремление в России его времени. Положение Державина усугублялось и тем, что им был недоволен генерал-губернатор И. В. Гудович, опасавшийся любых осложнений обстановки в крае. Основания для опасений были: Гудович не раз получал из Тамбова доносы, в которых Державина обвиняли в злоупотреблении властью. Тучи над наместником сгущались. И Державин, уже имевший опыт административных неудач, наделенный к тому же повышенной впечатлительностью поэта, не мог этого не чувствовать. Худшие опасения вскоре оправдаются. 3 января 1789 г. выйдет указ об отрешении Г. Р. Державина от должности. Державин будет тяжело переживать свою отставку, тем более, что ею дело не ограничится. Покинув Тамбов, Державин должен будет предстать перед судом Сената, чтобы дать показания о своей деятельности на посту тамбовского наместника. Суд окончится благополучно. Державин будет оправдан и еще не раз назначен на важные административные должности в столице.

Однако в 1788 г. это было еще делом будущего. Надо было собрать все силы, чтобы выстоять. Считая себя правым той высокой правотой, которая основывается на искреннем желании честно делать свое дело и мужественно противостоять невзгодам, встречающимся на этом пути, поэт ищет и находит для себя примеры жизненной стойкости. Один из таких примеров — графиня Румянцева.

Но, как это часто бывает, непосредственный импульс к созданию стихотворения дал житейский случай. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова, директор Императорской Академии наук (Державин был близок к ее кругу), пребывала в это время в большом огорчении из-за неравного брака своего сына, женившегося на небогатой провинциальной дворянке и лишь через два месяца после венчания испросившего на это материнского согласия. Дашкова совсем иначе представляла себе судьбу сына, с которым, по-видимому, связывала и свои честолюбивые планы,

выходящие далеко за пределы частной жизни. Теперь планам не суждено было осуществиться, и Дашковой казалось, что она обманута в лучших чувствах. Это было тем более болезненно, что быстро стало известно всем. Дашкова считала себя униженной в глазах света и никак не могла успокоиться.

Державин начинает стихотворение, используя известный еще с античных времен прием параллелизма, призванный убедить читателя в том, что горести преходящи. Как указал В. А. Западов, «первые стихи оды являются подражанием первым стихам девятой оды Горация (II книга)» [1]. Не вечна осенняя непогода, как не вечен и шторм на море. А потому не стоит долго печалиться, убеждает поэт своего сиятельного адресата, имя которого при первой публикации («Московский журнал». 1791. № 3. С. 269) скрыто под обозначением «Н***». «Во всех изданиях до Грота печаталось: “Не должно, Н. ... всегда”. Этот стих восстановлен Державиным...» [1]. В современных изданиях имя адресата печатается полностью:

Подобно и тебе крушиться
Не должно, Дашкова, всегда... [2]

Державин, по-видимому, находит в охарактеризованном положении Дашковой нечто общее со своим собственным положением. Во всяком случае, он тоже чувствует необходимость укрепить свой дух, чтобы достойно противостоять соперникам. Не случайно, обратившись к княгине во второй строфе стихотворения, финальную строфу поэт строит как самоутверждение:

Меня ж ничто вредить не может,
Я злобу твердостью сотру;
Врагов моих червь кости сгложет,
А я пиит — и не умру. [2]

Предшествующая строфа косвенно свидетельствует о психологическом состоянии человека, который чувствует, что против него поднялись могущественные силы. Они изображены в традиционных для русской классицистической поэзии этого времени аллегориях — «льва» и «луны». Аллегория, как правило, предполагает одно истолкование. Но в этом случае истолкования указанных образов раздваиваются. Обращаясь к княгине Дашковой, поэт убеждает ее:

Терпи! — Самсон сотрет льву зубы,
А Навин потемнит луну;
Румянцев молнии дхнет сугубы,
Екатерина тишину. [2]

«Лев» в данном случае — это аллегория Швеции, а «луна» — Турции, с которыми в это время (в 1788 г.) Россия находилась в состоянии войны [1].

Однако, если рассматривать эти образы в связи с описанием душевного состояния поэта на исходе тамбовского периода его жизни, то их можно интерпретировать несколько иначе, в более общем виде: «лев» и «луна» — это аллегории сильного врага, над которым, тем не менее, возможно (и необходимо!) одержать победу. В данном случае большое значение обретают и другие использованные здесь мифологемы: «Самсон» и «Навин». Они содержат имплицитное обращение автора к самому себе: нужно не только «терпеть», но и духовно уподобиться библейскому герою Самсону (поборовшему льва голыми руками) или библейскому пророку Навину (на время остановившему ход солнца), чтобы выдержать все испытания, посылаемые судьбой.

Что же касается имени, вынесенного в название этой оды, то оно принадлежит графине Румянцевой (1698(?) – 1788).

Ее сын — знаменитый полководец П. А. Румянцев-Задунайский, именем которого была названа первоначально Румянцевская библиотека (позднее — Всесоюзная государственная библиотека имени В. И. Ленина, ныне — Российская государственная библиотека). В одном

из зданий библиотеки, известном еще как «дом Пашкова», до сих пор на почетном месте сохраняется барельеф, изображающий П. А. Румянцева-Задунайского.

Мать полководца прожила длинную, наполненную событиями и тревожными жизнями, была светской львицей, фрейлиной, впоследствии — статс-дамой и обер-гофмейстериней (с 1776 г.) русских императриц, но до конца своих дней сохраняла бодрость и душевное спокойствие, что и позволило ей, по мнению Державина, прожить «почти сто лет» [1, с. 120].

Н. Л. Потанина

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Западов В. А. Комментарий. Державин. Стихотворения. На смерть графини Румянцевой // Державин Г. Р. Полное собрание стихотворений. Л., 1957. (Библиотека поэта; Большая серия.) URL: <http://www.rvb.ru/18vek/derzhavin/02comm/023.htm>

Державин Г. Р. Полное собрание стихотворений. Л., 1957. (Библиотека поэта; Большая серия.) URL: <http://www.rvb.ru/18vek/derzhavin/02comm/023.htm>

ИЗ КОММЕНТАРИЕВ В. А. ЗАПАДОВА

Печатается по: Западов В. А. Комментарий. Державин. Стихотворения. На смерть графини Румянцевой // Державин Г. Р. Полное собрание стихотворений. Л., 1957. (Библиотека поэта; Большая серия). С. 381–382. URL: <http://www.rvb.ru/18vek/derzhavin/02comm/023.htm>

«На смерть графини Румянцевой». Впервые — «Московский журнал», 1791, № 3, стр. 269, под заглавием «Ода на смерть графини Румянцевой к Н***». Печ. по Изд. 1808 г., т. 1, стр. 142.

По английским твоим коврам. Е. Р. Дашкова, как и ее братья А. Р. и С. Р. Воронцовы (оба были посланцами в Англии), «привержена быв к английскому народу, имела у себя в доме английские украшения, ковры и проч.» (Об. Д., 621).

Кипарис. В древней Греции и Риме кипарисы сажали на могилах, кипарисовыми ветвями украшали дома в знак траура и т. д.

Порода — знатность, род.

Монархам осмерым служила. М. А. Румянцева начала служить при Петре I. «С него начиная до Екатерины было восемь монархов, коим она служила в придворных домах» (Об. Д., 621).

Затмившего мать лунный свет. «Мать того, который победил турок» (Об. Д., 621). Луна (полумесяц) — герб и символ Турции.

Румяная заря. Слово «румяная» намеренно перекликается с фамилией Румянцева — прием, неоднократно применявшийся Державиным (см. «Вельможа», «Водопад»).

Когда не ищешь вышней власти (в Об. Д., 621: «Когда не ищешь царской власти»). «Княгиня Дашкова была честолюбивая женщина, добивалась первого места при государыне, даже желала заседать в Сенате».

Пожди; и сын твой с страшна бою. П. М. Дашков во время второй турецкой войны находился в действующей армии.

Фессальский насаждая сад. «То есть российский Парнас, или академию» (Об. Д., 622). Державин имеет в виду Российскую Академию, которая была учреждена по проекту кн. Дашковой для разработки русского языка и «словесности» (литературы) и директором которой (так же, как и Академии наук) она была. По-видимому, Державин ошибочно предполагал, что гора Парнас находится в Фессалии, тогда как она находится в Фокиде.

Ареопаг — верховное судилище в древних Афинах. «Под сим разумеется Сенат, который по делам делал ей (Дашковой.— В. З.) некоторые неприятности или, лучше сказать, князь Вя-

земский, с которым они были неприятели» (Объяснение Державина, 622).

Аристид (VI–V вв. до н. э.) — афинский государственный деятель и полководец. В результате интриг был изгнан, но по окончании срока изгнания способствовал победам над персидским войском; впоследствии снова стал видным государственным деятелем Афин. В литературе классицизма его именем называли честного, стойкого человека.

Румянцев молнии дхнет сугубы. Румянцев, прославленный победитель турок в первой турецкой войне, во время второй был командующим одной из армий, но вскоре (уже после написания стихотворения) был заменен кн. Репниным (в 1789 г.).

Екатерина тишину — т. е. Екатерина в результате побед Румянцева заключит выгодный для России мир.

Гр. М. А. Румянцева (1698(?) — 1788) — мать знаменитого русского полководца П. А. Румянцева-Задунайского, фрейлина, впоследствии статс-дама и обер-гофмейстерина (с 1776 г.) русских императриц. По некоторым данным (Дневник Храповицкого. М., 1902, стр. 46), умерла на 96-м году жизни (в данном стихотворении: «Она жила почти сто лет»).

ЖЕЛАНИЕ ЗИМЫ

ЕГО МИЛОСТИ
РАЗЖАЛОВАННОМУ ОТСТАВНОМУ СЕРЖАНТУ,
ДВОРЯНСКОЙ ДУМЫ КОПИИСТУ,
АРХИВАРИУСУ БЕЗ АРХИВА,
УПРАВИТЕЛЮ БЕЗ ИМЕНИЯ
И СТИХОТВОРЦУ БЕЗ ВКУСА

На кабаке Борей
Эол ударил в нюни;
От вяхи той бледнея,
Бог хлада слякоть, слюни,
Из глотки источил,
Всю землю замочил.

Узря ту Осень шутку,
Их вправду драться нудит,
Подняв пред нами юбку,
Дожди, как реки, прудит,
Плеща им в рожи грязь,
Как дуракам смеясь.

В убранстве козырбацком,
Со ямщиком-нахалом,
На иноходце хватском,
Под белым покрывалом —
Бореева кума,
Катит в санях Зима.

Кати, кума драгая,
В шубеночке атласной,
Чтоб Осень, баба злая,
На астраханский красный
Не шлендела кабак
И не кутила драк.

Кати к нам, белолика,
Кати, Зима молодая,
И, льясь седого трыка
И страсть к нему являя,
Эола умири,
С Бореем помири.

Спеши, и нашу музу,
Кабачкую певицу,
Наполнь хмельного грузу,
Наладь ее скрипицу!
Строй пунш твоей рукой,
Захарьин! пей и пой.

Пой, только не стихеры,
И будь лишь в стойке дивен,
На разные манеры
Ори *ширень да вирень*,
Да *лист, братцы, трава...*
О, пьяна голова!

(1787)

ИЗ КОММЕНТАРИЕВ Н. П. ПОЛОВЦОВА

Печатается по: Большая биографическая энциклопедия. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/135596/%D0%97%D0%B0%D1%85%D0%B0%D1%80%D1%8C%D0%B8%D0%BD (дата обращения: 16.04.2013).

Захарьин Петр Михайлович 3

Писатель, однодворец, родился в селе Никольском Козловского уезда, Тамбовской губернии. Отец его, по показанию самого Захарьина (Арфаксад, халдейская повесть. М., 1793 г. М., т. I, стр. XVII), происходил из татар, был взят в плен русскими и, приняв православие, остался жить в России. Занявшись торговлею, он довольно скоро приобрел значительное состояние, доходившее до 100 000 рублей, которое по смерти перешло к его сыну. В помянутом сочинении Захарьин говорит, что «российской грамоте он обучался у сельского дьячка», между тем как из письма поэта Державина к Гудовичу видно, что Захарьин «в детстве своем воспитывался в доме статского советника Луки Никифоровича Волкова в Саратове вместе с сыном его, Петром Лукичом, что ныне генерал-майором, учился немецкому языку, арифметике и правописанию и, имея натуральную способность к словесным наукам, упражнялся в оных с самой своей молодости». Во всяком случае, Захарьин образовал себя скорее чтением книг, к которым с детства питал страсть, чем учением; об этом он, впрочем, сам говорил своим знакомым, что все сведения, какие он имел, почерпнул из книг. В молодости Захарьин служил на военной службе и даже участвовал в Турецком походе, «но, — читаем дальше в том же письме Державина к Гудовичу, — получив развращение в своем поведении и сильное пристрастие к пьянству, не сделал в оной своего счастья». Неизвестно, был ли он исключен из службы или же по истечении срока, установленного для однодворцев, возвратился на родину, но бесспорно то, что он, предавшись необузданному пьянству, вскоре промотал весь капитал своего покойного отца. Впрочем, по словам самого Захарьина, имение отца его было расхищено, а самому наследнику достался только дубовый ящик, «заклучавший в недрах своих разные ни к чему ненадобные и без разбору набросанные бумаги». Как бы то ни было, Захарьин вынужден был «препроводить жизнь свою на прежнем своем жилище в крайней бедности, обучая, между прочим... детей у бедных дворян российской грамоте и немецкому языку». Захарьин еще в молодости усердно упражнялся в писании всякого рода стихов. Узнав, что вновь назна-

3 Сведения о П. М. Захарьине см. также в разделе, посвященном «Речи, говоренной при открытии народного училища в Тамбове» (с. 157–162).

ченный в Тамбов гражданский губернатор Державин тоже занимается стихотворством, он завел с ним знакомство и начал часто хаживать к нему пешком из Козлова. Ознакомившись с некоторыми сочинениями Захарьина в стихах и прозе, полученными от Н. А. Ахлебинина, и видя крайнюю нужду Захарьина, Державин предложил ему место канцелярского служителя, но Захарьин так пьянствовал, что не мог нести этой службы. Однако знакомство с Державиным принесло ему большую пользу, сделав имя его известным даже императрице, и вот по какому случаю. 22 сентября 1786 г. предполагалось открытие народного училища в Тамбове. Неизвестно, по каким побуждениям Державин предложил Захарьину произнести речь при торжественном открытии училища. Захарьин согласился, но написал такую речь, «где не было ни складу, ни ладу». Три раза Державин заставлял его переделывать эту речь, но без успеха. Тогда Державин на рассвете самого дня торжества пригласил к себе в кабинет Захарьина и продиктовал ему речь собственного сочинения, которую Захарьин должен был произнести, как свое произведение. Так как Захарьин не мог говорить ни в церкви, ни в училище, будучи не из духовных и не из учителей, то решено было, что он скажет ее на улице, остановив всех у дверей училища. Так и было сделано. «Когда мы с собранием, — говорит Державин, — после отправления церемонии выходили из училища, он остановил нас и начал говорить, и как сим неожиданным своим явлением, так и силою своих выражений, а особенно, когда он показал на жену и сына своего, принесенного на руках ее, и когда он стал возбуждать усопших государей, то так всех поразил, что никто из очевидцев не мог от слез воздержаться. Столь приятно было сие позорище!». Присутствующие щедро наградили козловского Цицерона деньгами, и герой дня тотчас же после торжества запил с радости и целых два месяца «обращался по деревням у дворян, его пригласивших».

Речь Захарьина была послана Державиным тамбовскому наместнику графу Гудовичу, который, признав ее замечательною, отправил ее в Петроград к председателю комиссии об училищах Завадовскому и в то же время в письме к Державину выразил готовность оказать содействие Захарьину. Державин же в ответном письме графу Гудовичу высказывался против какого бы то ни было «устроения» Захарьина, ввиду его беспутной жизни, но признавал желательным исходатайствовать сыну его 500 руб., с тем, чтобы они положены были в приказ общественного призрения до его совершеннолетия. Завадовский пришел в восторг от речи Захарьина и говорил, что подобной нет на русском языке. Херасков признавал, что речь Захарьина «и в устах самого правителя (т. е. Державина) заслужила бы похвалу и уважение. В ней видны знания, дар слова и достойные человека чувствования». Императрица же, читая ее, не могла удержаться от слез, немало хвалила ее и приказала из Петрограда отправить в Тамбов курьера, который должен был доставить красноречивого однодворца ко двору, но Захарьин продолжал «обращаться» у гостеприимных помещиков, и курьер возвратился назад один, без Захарьина, не пожелавшего следовать за ним в столицу. Тем не менее Захарьину назначена была пенсия в 300 рублей в год. Вскоре речь его, будучи напечатана в «Зеркале Света», журнале Туманского, и в «Новых ежемесячных сочинениях», издававшихся княгиней Дашковой, сделалась известною как Петрограду, так и Москве, а затем была переведена и на иностранные языки.

Но мало-помалу похвалы и восхищения сменились критическим отношением к речи однодворца, и некоторые стали сомневаться, действительно ли автор ее Захарьин. В письме Д. Свистунова к Державину мы читаем: «Но недолго речь сия была в такой похвале: не более, как через два дни родилось на нее премножество критик, не в том, чтобы она нехороша была, а в том, что соображения, сделанные в оной, черни с орангутангами и прочими близкими к человеку животными и соравнение усопших государей с великою Екатериною обширными сведениями своими вышли из сферы однодворца, упражняющегося в земледелии, и потому начали разыскивать истинного творца оной, причем Тутолмин не пропустил испустить своей желчи против Вас, — во многих домах уверял, что он точно знает, что Вы ее сочинили».

Действительно, недоброжелатели Державина открыто называли его автором речи и всячески старались найти в ней недостатки. Кто-то даже пустил слух, что императрица, прочитав речь, сказала: «Речь прекрасная, каковую я еще не читывала. Я уверена

в достоинствах и благородных чувствованиях господина Державина». Но слух, что речь написана Державиным, не нашел себе такой поддержки, как пущенное княгиней Дашковой словцо, что автор речи — Завадовский. «Везде наконец заговорили, — читаем мы далее в том же письме Свистунова к Державину, — что будто речь сочинена здесь в Петербурге и отослана к вам в Тамбов тем самым творцом, который сочинял манифест о новом заемном банке. Но почему же суд публики остановился на сем заключении? Потому только, что нашли как в речи сей, так и в манифесте одинакия изречения о правиле адской политики, внушающей не обогащать народ и содержать в недостатке или бедности».

Вскоре Захарьину пришлось расстаться с Державиным, который, будучи отрешен от должности губернатора, покидал Тамбов. На прощание со своим собратом по перу певец Фелицы написал шуточное стихотворение, переполненное местными степными выражениями, под заглавием: «Желание зимы»; посвящение же гласит: «Его милости разжалованному отставному сержанту, дворянской думы копиисту, архивариусу без архива, управителю без имения и стихотворцу без вкуса». По отъезде его многие из тамбовцев, знавшие, что автор наделавшей столько шуму речи был не кто иной, как Державин, стали поговаривать об этом смелее, а когда Захарьин пришел за получением пенсии, его осмеяли в глаза. Это огорчило Захарьина, и он решается доказать, что он не чужд литературных дарований, и сочиняет книгу в 6-ти томах под заглавием: «Арфаксад, халдейская повесть» (М., 1793–96 гг.), в которой описывает древние нравы Востока, соединение людей в гражданском обществе, потрясение городов, судьбу царств, дела и славу войны и благоденствие мира. «Арфаксад» имел успех и доставил некоторую известность автору, обеспечив в то же время его и материально. О нем отозвался хорошо и Державин. Такой успех окрылил Захарьина, и он принялся с большим рвением за продолжение своих литературных занятий. В 1796 г. он выпускает в Москве другое свое произведение, имевшее также успех: «Путь ко благонравию, или сокращенное наставление обучающемуся юношеству, содержащее в себе полезные и нравоучительные правила для всякого звания и состояния людей». Пробыв в Москве с 1790 по 1797 г., Захарьин, по приглашению начальника Черноморского флота адмирала Н. С. Мордвинова, увлекшегося его романом «Арфаксад», переехал в Николаев, где получил место школьного учителя, хорошее жалованье, а впоследствии и офицерский чин. В Николаеве Захарьин издал в 1798 г. вторично быстро разошедшиеся свои сочинения: «Арфаксада», под несколько измененным заглавием: «Арфаксад, халдейская вымышленная повесть, содержащая в себе образ жизни и нравов древних восточных народов» и «Путь ко благонравию», а также и знаменитую речь, вышедшую первым изданием еще в 1786 г. в Тамбове. В 1798 же году он издал новые свои сочинения: «Приключения Клеандра, храброго царевича лакедемонского, и Ниотильды, королевы Фракийской» (Ник. 1798 г), поэму (стихами) «Пожарский», в 12-ти песнях, и «Новый синопсис, или краткие описания о происхождении славяно-российского народа; владычествование всероссийских государей в Новгороде, Киеве, Владимире и Москве, с подробным повествованием полководца Мамаю, от Дмитрия Иоанновича, великого князя московского, и о последующих по нем великих князьях и царях до вступления на престол государя императора Петра Великого». Любимою мечтою Захарьина было представить китайского мудреца Конфуция путешествующим по разным государствам, но мечту эту ему не удалось осуществить, и он скончался в Николаеве. Год смерти его определяется разно: одни относят к 1798, другие к 1800 и третьи к 1810 г.

«Друг Просвещения» 1806 г., № 10, стр. 61.— «Отечествен. Записки» 1823 г., ч. XIII, стр. 80–98.— «Московские Вед.» 1869 г., №№ 190, 192, 194, 195.— «Русская Беседа» 1869 г., № 3, стр. 263.— *Е. Салиас*, «Поэт Державин и правитель наместничества» («Русский Вестник» 1876 г., № 10, стр. 571–578).— *А. Никольский*, «Козловский однодворец П. М. Захарьин» («Русская Стар.» 1896 г., № 4, стр. 183–190).— *Г. Р. Державин*, Сочинения (академич. изд., по указателю).— *Геннади*, Словарь, т. II, стр. 26.

КОММЕНТАРИИ

Копиист — 1. *Устар.* Писец, снимающий копии с документов, рукописей; переписчик. *Описки копииста. Должность копииста в канцелярии.* 2. Художник, копирующий оригинальные произведения других художников. *Умелый к.* (Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт С. А. Кузнецов, 1998). См. также стихотворение русского поэта П. Семьинина:

Каждое стихотворение —
Это изобретение.
Если изобретение не случается —
Стихотворения не получается.

И поэтому *копиист*
Даже с божественным почерком
В графе, где слово «артист»,
Всегда остается с прочерком

(Семьи́нин Петр.
*Избранное: стихотворения,
поэмы, переводы.*
М., 1983. С. 14).

Борей — (Βορέας) — северный ветер, дующий с северных гор в Элладу, является в греч. мифологии сыном Астрея и Эос, т. е. звездного неба и утренней зари, и братом Нота, Зефира и Геспера, живущих в пещере во Фракийских или Ринейских горах. Туда-то он увел дочь афинского царя Эрехтея, Орейтию, родившую ему Цета, Калаиса, Клеопатру, супругу Финея, и Хиону. По Гомеру, Б. прижил с кобылами Эрихтония 12 быстроногих жеребят. Афиняне, которым оракул посоветовал в войне с персами призвать на помощь «зятя», выстроили Б. как супругу Орейтии храм. В искусстве, которое часто пользовалось для воспроизведений сюжетом похищения Оретейи, Б. представлен как мужчина дикого вида с громадными крыльями (Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона).

Эол — (Aeolus, Αἰόλος) — счастливый царь Эолийских островов; Зевс даровал ему власть над ветрами, которые он заключил на своем острове, окруженном медными стенами и высокими скалами. Здесь счастливо живет Эол, любимец богов, с женой, 6 сыновьями и 6 дочерьми, которых он переженил между собой. Эол дал Одиссею все противные ветры, заключенные в кожаном мешке, но спутники его, уже в виду родного острова Итаки, развязали мешок, и вырвавшиеся ветры снова пригнали корабль к Эолову острову. 2) Старший сын Эллина, внук Девкалиона, брат Дора и Ксифа, родоначальник эолийского племени, а следовательно, один из прародителей эллинов. Эолу приписывалось множество детей, основателей различных поселений, поэтому эолийское племя занимало наибольшее пространство из всех греческих племен (Корш М. Краткий словарь мифологии и древностей. СПб., 1894).

Нюни — губы.

Вяха — удар, затрещина, тумак; чудо, нежданное (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка).

С самого начала «пьесы», как называл стихотворение сам Державин, присутствует не только античный, но и дьявольский мотив: «Бог хлада слякоть, слюни / Из глотки источил, / Всю землю замочил». В апокрифе о сотворении мира «Как Бог создал Адама» именно дьяволу принадлежит особенность мазать соплями (См.: Гудзий Н. К. История древней русской литературы: учебник для высших учебных заведений. М., 1938. С. 42–43.)

Козырбацкий — возможно, молодецкий; может быть, Державин произвел это прилагательное от слова «kozyрь», которое в старину значило «высокий стоячий воротник» (Даль), т. е. «зимний», «теплый» (Западов В. А. Примечания к стихотворению «Желание Зимы» //

Державин Г. Р. Стихотворения / вступ. ст., подг. и общ. ред. Д. Д. Благого, примеч. В. А. Западова. Л., 1957. С. 381.— здесь и далее комментарии В. А. Западова к этому стихотворению цит. по указанному изданию).

Астраханский красный кабак — вероятно, название одного из тамбовских кабаков, помещавшегося на дороге Тамбов — Астрахань (Западов).

Шлендать — бродить, таскаться, шататься (Западов).

Трык — ветреник, модник (Западов).

Пой, только не стихеры — стихира (греч. *ta stichera*, мн. ч. от *sticheron* — стих), церковное песнопение, написанное стихотворным размером и, как правило, присоединяемое к стихам псалма в определенные моменты богослужения. «Покушался было он сочинять стихеры и перелагать в стихи псалмы; но Гавриил, митрополит санктпетербургский и новгородский не опробовал оные» (т. е. не «апробовал», не утвердил, не одобрил) (Грот Я.: в 9 т. СПб., 1864–1883. Т. 3. С. 343).

И будь лишь в стойке дивен — т. е. только у кабацкой стойки (Западов).

Ори ширень да вирень, Да лист, братцы, трава. Возможно, это переделанный припев из «Хора ко гордости» Сумарокова (напечатан в книге «Торжествующая Минерва». СПб, 1763): «Шерин да берин Лис тра фа». Не исключен и обратный ход, т. е. что Сумароков заумно спародировал ходившую песню (Западов).

В. В. Колчанов

НА ПОСЕЩЕНИЕ ТИПОГРАФИИ В ТАМБОВЕ ЕПИСКОПОМ ФЕОФИЛОМ

На память твоего, Феофил, к нам прихода,
Бессмертью здесь твое мы имя предадим.
И должно ли молчать учителю народа?
Рассыпь твой бисер нам: мы свет обогатим.

(1788)

КОММЕНТАРИИ

Епископ Феофил (Раев) (1737–1811)

Епископ Феофил — один из выдающихся церковных деятелей второй половины XVIII столетия. Его служение было тесно связано с Новгородом, а последние двадцать два года жизни он стоял во главе Тамбовской епархии, в летописи которой его имя занесено золотыми буквами. В Великом Новгороде он сформировался как талантливый педагог, администратор и проповедник.

Мирское имя Феофила неизвестно. Он родился на Черниговской земле, в Глуховском повете в дворянской семье и рано остался без родителей. Предполагают, что фамилия «Раев» была дана ему в духовной школе. Он закончил Черниговскую семинарию, затем — Киевскую академию, был учителем низшего отделения Новгородской семинарии (класс фары). С разрешения митрополита Новгородского и Великолуцкого Димитрия иеродиакон Феофил преподавал также немецкий язык и географию «способнейшим ученикам». В Санкт-Петербурге был рукоположен во иеромонаха. 29 сентября 1770 г. о. Феофил стал префектом Новгородской семинарии; в июле 1774 г. — ее ректором и архимандритом Антониева монастыря (возведен 18 июля 1774 г.). Как рукоположение в иерейский сан, так и последующие его назначения (префектом и ректором семинарии) произошли в тот период, когда архиерей в Новгороде отсутствовал. 1 января 1775 г. по распоряжению императрицы Екатерины II архиепископ Санкт-Петербургский и Ревельский Гавриил (Петров) стал «совокупно и Архиепископом в Новгородской Епархии». Через некоторое время он познакомился с монархиней. На посту ректора оставался 8 лет — по тем временам это был долгий срок. Он славился своей ученостью далеко за пределами Новгородской земли.

К его приезду в Тамбов епархия полтора года вдовствовала и временно управлялась выпускником Новгородской семинарии первого (1754 г.) выпуска епископом Рязанским Симоном (Лаговым). Епископ Феофил правил Тамбовской епархией до самой смерти.

Как все и всегда, Феофил делал добросовестно, с искрой Божьей благодати. В частности, он с исключительной теплотой относился к Тамбовской семинарии. Он ускорил ее строительство, уже в 1790 г. осуществил перевод в нее учащихся из Нижнеломовского монастыря. Большое внимание уделял монастырям епархии (в частности, при Феофиле построены собор Казанского монастыря в Тамбове, а в Троицком монастыре в Козлове (ныне г. Мичуринск) один из приделов освящен во имя прп. Варлаама Хутынского).

В 1800 г. Феофил был награжден орденом св. Анны I ст. В 1808 г. пожертвовал 10 000 руб. в пользу Киевской академии, нескольких монастырей своей епархии и на вдов и сирот служителей Архиерейского дома.

Погребен в Тамбове, в соборе Казанского монастыря. Завещания не оставил; раздел имущества покойного вылился в долгую тяжбу между его дальними родственниками. По Божьей милости уцелел не только храм, где он погребен, но и доска над погребением. Ныне там вновь совершаются богослужения.

Л. Е. Хворова

КОММЕНТАРИЙ Я. ГРОТА

Печатается по: Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб.: Изд. Имп. Академии наук, 1864. Т. 1. Стихотворения. Часть I. С. 213.

Типография в Тамбове была учреждена Державиным, когда он жил там как начальник губернии (об этом см. его *Записки* и биографию). Феофил, уроженец Глухова, был один из замечательнейших архипастырей русских. Назначенный тамбовским епископом из новгородских викариев, 6 мая 1788 г., «он простер заботливое внимание на все, что только может служить предметом архипастырских попечений. Руководствуясь примером митрополита Гавриила, у которого около 18-ти лет находился под непосредственным начальством, Феофил во вверенной ему епархии, по всем частям управления, завел строгий порядок и 22 года с половиною (до самой смерти своей 22 декабря 1811 г.) поддерживал и развивал его с неутомимою деятельностью. По вступлении его на паству тамбовскую, монастыри, архиерейский дом, консистория, духовные правления, училища, духовенство — все приняло вскоре другой вид. Зоркий, бдительный взгляд Феофила проникал всюду, и беспорядки везде быстро исчезали» (*Хитров Г.* Историко-статистическое описание тамбовской епархии, Тамбов, 1861).

Надпись эта была напечатана только раз в *Московском журнале* за сентябрь 1792 г. (ч. VII, стр. 259) под заглавием: Стихи, поднесенные епископу Феофилу, когда он посетил тамбовскую типографию. Под стихами означено в скобках: *Из Петербурга*. В рукописях поэта они встречаются несколько раз и должны были, по его предположению, войти в состав особого тома разных мелких стихотворений его.

ОСЕНЬ ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ ОЧАКОВА

Спустил седой Эол Борея
С цепей чугунных из пещер;
Ужасные криле расширя,
Махнул по свету богатырь;
Погнал стадами воздух синий,
Сгустил туманы в облака,
Давнул — и облака расселись,
Пустился дождь и восшумел.

Уже румяна Осень носит
Снопы златые на гумно,
И роскошь винограду просит
Рукою жадной на вино.
Уже стада толпятся птичьи,
Ковыль сребрится по степям;
Шумящи красно-желты листья
Расстлались всюду по тропам.

В опушке заяц быстроногий,
Как колпик поседев, лежит;
Ловецки раздаются роги,
И выжлиц лай и гул гремит.
Запасшися крестьянин хлебом,
Ест добры щи и пиво пьет;
Обогащенный щедрым небом,
Блаженство дней своих поет.
Борей на Осень хмурит брови
И Зиму с севера зовет,
Идет седая чародейка,
Косматым машет рукавом;

И снег, и мраз, и иней сыплет
И воды претворяет в льды;
От хладного ее дыханья
Природы взор оцепенел.

Наместо радуг испещренных
Висит по небу мгла вокруг,
А на коврах полей зеленых
Лежит рассыпан белый пух.

Пустыни сетуют и доли,
Голодны волки воют в них;
Древа стоят и холмы голы,
И не пасется стад при них.

Ушел олень на тундры мшисты,
И в логовище лег медведь;
По селам нимфы голосисты
Престали в хороводах петь;
Дымятся серым дымом дома,
Поспешно едет путник в путь,
Небесный Марс оставил громы
И лег в туманы отдохнуть.

Российский только Марс, Потемкин,
Не ужасается зимы:
По развевающим знаменам
Полков, водимых им, орел
Над древним царством Митридата
Летает и темнит луну;
Под звучным крил его мельканьем
То черн, то бледн, то рдян Эвксин.

Огонь, в волнах неугасимый,
Очаковские стены жрет,
Пред ними росс непобедимый
И в мраз зелены лавры жнет;
Седые бури презирает,
На льды, на рвы, на гром летит,
В водах и в пламе помышляет:
Или умрет, иль победит.

Мужайся, твердый росс и верный,
Еще победой возблистать!
Ты не наемник, сын усердный;
Твоя Екатерина мать,
Потемкин вождь, бог покровитель;
Твоя геройска грудь твой щит,
Честь мзда твоя, вселенна зритель,
Потомство плесками гремит.

Мужайтесь, росски Ахиллесы,
Богини северной сыны!
Хотя вы в Стикс не погружались,
Но вы бессмертны по делам.
На вас всех мысль, на вас всех взоры,
Дерзайте ваших вслед отцов!
И ты спеша скорей, Голицын!
Принести в твой дом с оливой лавр.

Твоя супруга златовласа,
Пленира сердцем и лицом,
Давно желанного ждет гласа,

Когда ты к ней приедешь в дом;
Когда с горячностью обнимешь
Ты семерых твоих сынов,
На мать нежны взоры вскинешь
И в радости не сыщешь слов.

Когда обильными речами
Потом восторг свой изъявишь,
Бесценными побед венцами
Твою супругу удивишь;
Геройские дела расскажешь
Ее ты дяди и отца,
И дух и ум его докажешь
И как к себе он влек сердца.

Спешу, супруг, к супруге верной,
Обрадуй ты, утешь ее;
Она задумчива, печальна,
В простой одежде, и, влася
Рассыпав по челу нестройно,
Сидит за столиком в софе;
И светло-голубые взоры
Ее всечасно слезы льют.

Она к тебе вседневно пишет:
Твердит то славу, то любовь,
То жалостью, то негой дышит,
То страх ее смущает кровь;
То дяде торжества желает,
То жаждет мужниной любви,
Мятеся, борется, вещает:
Коль долг велит, ты лавры рви!

В чертоге вокруг ее безмолвном
Не смеют нимфы пошептать;
В восторге только музы томном
Осмелились сей стих бряцать.
Румяна Осень! радость мира!
Умножь, умножь еще твой плод!
Приди, желанна весть! — и лира
Любовь и славу воспоет.

(1 ноября 1788)

КОММЕНТАРИИ

Одна из лучших од Г. Р. Державина — «Осень во время осады Очакова» — была «написана в утешение княгини Варвары Васильевны Голицыной (урожденной Энгельгардт), когда она долго не получала известий о своем муже, находившемся под Очаковом в армии» [1, с. 544–545], — указал Я. К. Грот в «Жизни Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам».

В 10–14 строфах оды Г. Р. Державин повествует о князе Сергее Фёдоровиче Голицыне и его супруге, Варваре Васильевне Голицыной, владельцах живописной усадьбы Зубриловка (до 1939 г. — Саратовская губерния, Балашовский уезд, ныне — Пензенская область, Тамалинский район).

Князь Сергей Фёдорович Голицын родился 20 августа 1748 г. в семье действительного статского советника князя Фёдора Сергеевича Голицына и его супруги Анны Григорьевны, урожденной графини Чернышевой. Окончил Шляхетский кадетский корпус — «первое в России военное училище <...> Лучшие дворяне, самые вельможи почитали милостию определение детей в Сухопутный Шляхетный Кадетский корпус» [2, ч. 1, с. 14]. Ф. Вигель вспоминал, что С. Ф. Голицын «учился с успехом математическим наукам», владел немецким и французским языками. «В нем билось истинно русское сердце, — пишет Вигель, — он был наружности приятной, был добр, умен и храбр» [2, ч. 1, с. 128].

Сергей Фёдорович Голицын — участник русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1791 гг. С ноября 1771 г. князь Сергей Фёдорович Голицын — подполковник Смоленского драгунского полка, с 22 сентября 1775 г. — полковник и флигель-адъютант Его Императорского Величества. 22 сентября 1775 г. награжден орденом св. Георгия 4-й степени.

В мае 1779 г. князь получил звание генерал-майора.

Участие князя С. Ф. Голицына в осаде и штурме Очакова было отмечено: императрица Екатерина II наградила князя золотым оружием с бриллиантовой россыпью. Светлейший князь Потёмкин писал Голицыну:

«Ее Императорское Величество, в знак высочайшего своего благоволения к трудам и подвигам вашим во время осады и на штурме Очаковском оказанным, всемилостивейше пожаловать вам соизволила шпагу золотую с бриллиантами, которую сим имею честь препроводить к вашему сиятельству с желанием новых вам в предстоящую кампанию успехов и с уверением об отличном к вам почтении, с коим пребывает

вашего сиятельства,
милостивый государь мой,
покорным слугою князь Потемкин-Таврический.
Санкт-Петербург. 1 мая 1789 года»

[3, с. 130].

30 апреля 1791 г. князь С. Ф. Голицын был награжден орденом святого Георгия 2-го класса. В 1794 г. стал командиром корпуса, в 1797 г. — командиром лейб-гвардии Преображенского полка. С апреля 1797 г. — генерал от инфантерии, в сентябре 1798 г. ушел с военной службы в отставку.

С июля 1801 г. по сентябрь 1804 г. князь С. Ф. Голицын — генерал-губернатор Риги и инспектор Лифляндии по инфантерии. С 1 января 1810 г. — член Государственного Совета. 7 января 1810 г. князь Сергей Фёдорович Голицын скоропостижно скончался в Тарнополе, в Галиции, похоронен в своем имении в селе Зубриловке.

Варвара Васильевна Голицына (урожденная Энгельгардт) родилась 12 марта 1757 г. в семье смоленского помещика Василия Андреевича Энгельгардта и его жены Елены Александровны, родной сестры светлейшего князя Г. А. Потёмкина. Варвара Васильевна отличалась удивительной красотой, была прекрасно образована. С 1777 г. — фрейлина при дворе Екатерины II, с 1801 г. — кавалерственная дама ордена Святой Екатерины. 5 января 1779 г. обвенчалась с С. Ф. Голицыным. Брак был долгим и счастливым: Варвара Васильевна родила 10 сыновей (Григория — в 1779 г., Фёдора — в 1781-м, Сергея — в 1783-м, Михаила — в 1784-м, Захара — в 1785-м, Николая — в 1787-м, Павла — в 1788-м, Александра — в 1789-м, Василия — в 1792-м, Владимира — в 1794 г.).

Варвара Васильевна была гостеприимной хозяйкой, в доме Голицыных часто бывали гости. Ф. Ф. Вигель с теплотой вспоминает о том времени, когда он воспитывался вместе с братьями Голицыными. «Многочисленность семейства и разные учителя» делали «из дома настоящий пансион» [2, ч. 1, с. 118]. Варвара Васильевна отличалась властным нравом, но «любила без

памяти мужа» [2, ч. 1, с. 131], — пишет Вигель. Она «терпеть не могла противоречий», но «в ее управлении не было заметно и тени тиранства», — продолжает мемуарист. Однако «горе тому, кто, возбудив ее гнев, не спешил покорностью смягчать его...» [2, ч. 1, с. 131].

Варвара Голицына увлекалась литературой, перевела на русский язык французский роман Б. Эмбера «Заблуждения от любви, или Письма от Фанелии к Мильфурту». Ее имя занесено в «Словарь русских писательниц XVIII века».

Г. Р. Державин, называвший княгиню Голицыну «Пленирой сердцем и умом», посвятил ей четверостишие «К портрету В. В. Энгельгардт». Когда в Тамбове Державин открыл народное училище, то «...В. В. Голицына пожертвовала в училище собрание кремнистых пород камней, из коих примечания достойны, как редкостью, так и величиною — топазовые, кальцеиновые, сердоликовые...» [4, с. 146].

Г. Р. Державин пользовался посредничеством В. В. Голицыной в своих обращениях к Потёмкину. Голицыны сыграли значительную роль в судьбе Державина, явились для него мощной поддержкой именно в тамбовский и последующие периоды его жизни. Счастливым исходом своего дела (драматический финал тамбовского губернаторства) Державин обязан заступничеству Варвары Васильевны, покровительству Сергея Фёдоровича и благосклонности князя Потёмкина. Именно хозяева Зубриловки после отставки Г. Р. Державина с поста наместника приютили опального поэта и его супругу.

Когда Сергей Фёдорович Голицын скончался, сыновья в прошении на имя государя изъявили желание передать имение в полное распоряжение матери, предоставив Варваре Васильевне право продажи, залога, раздела и выделения дохода с имения тогда, когда она посчитает нужным. Но княгиня в память о муже построила каменную богадельню в стиле позднего классицизма и передала все хозяйство сыну Фёдору. На том месте, где Варвара Васильевна прожила последние годы, ее дети воздвигли мемориальную часовню в форме усеченной пирамиды, сохранившуюся до наших дней. В. В. Голицына намеревалась уйти в монастырь, о чем известно из дневника Марии Николаевны Волконской. Княгини В. В. Голицыной не стало 2 мая 1815 г. Она похоронена в Зубриловке, в церкви Преображения, в приделе воскресения Лазаря 4.

В «Осени...» Г. Р. Державин реализовал свое представление об оде: «Она (ода) не наука — огонь, жар, чувство... Высокость оды есть полет воображения, который возносит поэта выше понятия обыкновенных людей и заставляет его, сильными выражениями своими, то живо чувствовать, чего они не знали и что им прежде в мысль не приходило» [5, с. 188]. Поэт гармонично соединил в оде эпическое и лирическое начала.

Эпическое начало «Осени во время осады Очакова» связано с одним из героических событий, которыми отмечена эпоха царствования Екатерины II, — героическим взятием турецкой крепости Ачи-Кале (русское название — Очаков), которому предшествовала длительная осада, знаменитое очаковское «осадное сидение».

Очаков считался в турецких владениях на Чёрном море главным портовым городом. Крепость представляла собой неправильный, удлинённый четырехугольник. Узкой, восточной стороной она примыкала к лиману, а три другие, обращенные в степь, имели мощные каменные стены с нагорным ретраншементом 5, покрытым камнем и земляным валом, а в самой южной части находилась цитадель, возвышавшаяся перед Кинбурном над высоким откосом лимана.

После отъезда Екатерины II из Крыма русский посланник в Константинополе Яков Иванович Булгаков был заключен в Семибашенный замок, а 7 сентября 1787 г. последовал манифест о разрыве отношений России с Турцией. Послы иностранных держав — английский, французский, прусский, видевшие опасность в возвышении России, — поддерживали задор турецкого правительства в войне с Россией.

В мае 1788 г. Екатеринославская армия генерал-фельдмаршала Григория Александровича

4 При подготовке биографической справки о В. В. Голицыной использованы данные сайта http://ru.wikipedia.org/wiki/Голицына_Варвара_Васильевна

5 Ретраншемент (фр. *retrancher* — отсекать, уничтожать, в других источниках — отделить, укрепить) — фортификационное сооружение, внутренняя оборонительная ограда, расположенная позади позиций обороняющихся.

Потёмкина выступила к крепости Очаков. Еще до прибытия войск Потёмкина русская гребная флотилия под командованием адмирала К. Г. Нассау-Зигена нанесла два тяжелых удара турецкому флоту, прикрывавшему крепость с моря. Потеряв 7 линейных кораблей, 2 фрегата и несколько вспомогательных судов, противник больше не пытался препятствовать действиям русского флота и войск под Очаковом.

Григорию Александровичу Потёмкину были доверены огромные полномочия в отношениях с турками. «Ему предназначалась главная роль как в ведении войны, так и в зачине военных действий», — читаем в биографической библиотеке Ф. Ф. Павленкова «Великие россияне». — Сначала уверенный в своих силах, полководец, когда опасность стала близкой, стал сомневаться в быстрой успешности кампании <...> не хватало ни снарядов, ни провианта, ни годных для флота людей» [6, с. 191].

Из писем Потёмкина периода начала войны видно, какое отчаяние он испытывал и даже намеревался сдать начальство над войсками своему сопернику — графу П. А. Румянцеву-Задунайскому, командовавшему Украинской армией. Известно и предложение Потёмкина вывести все русские войска из недавно завоеванного Крыма, что неизбежно привело бы к захвату его турецкими войсками. Императрица в письмах старалась поддержать бодрость Потёмкина: «Укрепи твой ум и душу против всех затруднений и будь уверен, что ты победишь их с некоторым терпением; но это настоящая слабость, чтоб, как ты пишешь ко мне, низложить свои достоинства и скрыться» [7, с. 244].

Значительный урон русскому флоту в этот момент нанесла страшная буря, разразившаяся на Чёрном море. Один боевой фрегат был поглощен морской пучиной, второй могучим течением увлечен в пролив Босфор, где захвачен турками. Потёмкин писал императрице: «Флот севастопольский разбит бурей, все <...> корабли и большие фрегаты пропали. Бог бьет, а не турки» [7, с. 245]. И вновь императрица ободряет полководца: «На оставление Крыма, воля твоя, согласиться не могу. Об нем идет война и если сие гнездо оставить, тогда и Севастополь и все труды и заведения пропадут и паки восстанутся набегу татарские на внутренние провинции. Кавказский корпус от тебя отрезан будет, и мы в завоевании Тавриды паки упражнены не будем и не будем знать, куда девать военные суда, как ни во Днестре, ни в Азовском море не будем иметь убежища. Ради Бога, не пущайся на сии мысли, кои мне понять трудно, и мне кажутся неудобными, понеже лишают нас многих приобретенных миром и войною выгод и пользы. Когда кто сидит на коне, тогда сойдет ли с оного, чтоб держаться за хвост?» [7, с. 246].

Между тем Украинская армия под руководством Румянцева-Задунайского действовала успешно, возле Хотина, Могилева и Кислицы перешла Днестр. Корпус И. П. Салтыкова был оставлен под Хотинем, а главные силы двинулись через Бельцы к Яссам. Румянцев стремился сковать турецкие силы и не допустить их удара во фланг и тыл Екатеринославской армии, действовавшей под Очаковом. Летом 1788 г. поступили сведения о появлении под Яссами турецких войск численностью в 40–60 тысяч и сосредоточении 100-тысячной армии у Измаила, но это была дезинформация турок. Их силы там были в 2–3 раза меньше. Украинская армия двинулась в наступление к низовьям реки Прут. Турецкие войска сделали попытку прорваться через Яссы для деблокады Хотина, но были отбиты. После этого они в августе 1788 г. сосредоточились в районе Рябой Могилы.

Румянцев принял решение маневром заставить турецкие войска принять бой, и в октябре Украинская армия перешла в наступление у Рябой Могилы. Но турки, не приняв боя, как и предполагал полководец, отошли к Фокшанам. Таким образом, русские войска очистили значительную часть Молдавии от войск противника. Отход турецких войск на юг привел к капитуляции крепости Хотин.

После взятия крепости Хотин графом Румянцевым-Задунайским Потёмкин стал действовать решительнее и осадил Очаков, но взять крепость удалось только через год. Ачи-Кале была перестроена при помощи иностранных инженеров, со стороны суши были возведены многочисленные земляные укрепления полевого типа. На валах и крепостной стене находилось около 300 пушек, в ретраншементе — до 30 полевых орудий. Численность очаковского гарнизона, по данным историков, — около 20 тысяч человек.

К середине мая 1788 г. 50 тысяч человек из Екатеринославской армии, предназначенные для осады Очакова, сосредоточились возле Ольвиополя (сейчас город Первомайск). 25 мая они переправились через реку Буг и медленно продвигались к Очакову, пройдя расстояние в 200 верст за 33 дня. Генерал-аншеф А. В. Суворов предложил взять Очаков штурмом в тесном взаимодействии с Лиманской флотилией. Однако Потёмкин предпочел план «формальной осады» — по всем правилам артиллерийского обстрела. Основная идея его плана заключалась в том, чтобы сначала устроить отдельные батареи обложения в виде редутов для обеспечения флангов осадной армии. Затем овладеть пригородом, передвинуть вперед батареи, соединить их траншеей и начать методический артиллерийский обстрел крепости, вынудив ее сдаться.

12 июля 1788 г. на берегу Чёрного моря построили первую батарею на 10 орудий осадной артиллерии, а 20 июля армия окружила крепость, примыкая правым флангом к построенной батарее, а левым — к Днепровскому лиману. 11 августа для обстрела морского побережья была поставлена мощная четырехорудийная батарея. В течение 8 и 9 августа на удалении 2 верст от крепости для отражения вылазки противника и прикрытия осадных работ соорудили четыре редута, три из которых были вооружены пятнадцатью орудиями, а четвертый — восемью орудиями полевой артиллерии.

Турки организовывали разведывательные вылазки и мешали осадным работам. Об одном из столкновений известно следующее.

27 июля из Очакова вышел конный отряд в 50 человек и атаковал казачий пикет. За конницей двинулось 500 пеших янычар. Турки заставили отступить отряд полковника П. М. Скаржинского, насчитывающий 150 человек. Получив сообщение Скаржинского о столкновении с противником, Суворов сразу же послал к нему подкрепление — стрелков Фанагорийского полка, и турки были отброшены сильным огнем. Вслед за стрелками в бой вступили гренадеры батальона Фишера, которых возглавлял генерал-майор И. А. Загряжский. Турецкое командование постоянно высылало из Очакова подкрепления, и численность неприятельской пехоты увеличилась до трех тысяч человек. Тогда генерал-аншеф А. В. Суворов повел в атаку два гренадерских батальона, построив их в каре. Атака оказалась успешной, турки бежали.

Русские захватили несколько земляных укреплений перед крепостью, и, казалось, победа была совсем близка! Но Потёмкин не только не послал Суворову помощи, но трижды приказывал ему отступить. Австрийский принц де Линь, бывший рядом с Потёмкиным, указывал на необходимость немедленно штурмовать оставшиеся почти без защиты турецкие укрепления, но фельдмаршал был непреклонен. Раненый Суворов сдал командование генерал-поручику Ю. Б. Бибикову, который приказал трубить отбой. В ходе этого боя русские потеряли 154 человека убитыми и 211 ранеными...

Потёмкин сурово выговорил Суворову: «Солдаты не так дешевы, чтобы ими жертвовать по пустякам. Ни за что погублено столько драгоценного народа, что Очаков того не стоит...». Суворов отвечал: «Невинность не требует оправдания. Всякий имеет свою систему, и я по службе имею свою. Мне не переродиться, да и поздно!». Известно, что Суворов и Румянцев язвительно высказывались в адрес Потёмкина: «Я на камушке сижу, на Очаков я гляжу». Или: «Очаков — не Троя, чтоб его десять лет осаждать». Их цитировали и в ставке, и в войсках, и в Царском Селе 6.

В августе началась «формальная осада». Войска отрывали параллели и закладывали батареи. 14 августа на левом фланге заложили батарею на 20 орудий, 15 августа — на 10 орудий. Всего в течение августа оборудовали 14 батарей. Артиллерийские батареи все ближе подводились к крепости и вели огонь по ретраншементу и крепостным укреплениям. 18 августа, отражая вылазку противника и ведя огонь по крепости, русская артиллерия сделала 2959 выстрелов, выпустив 1870 ядер, 865 бомб, 77 гранат, 71 картечь и 76 зажигательных снарядов. В донесении Потёмкин указывал, что «турки, не взирая на выгоду места, везде бежать принуждены... Между тем от жестокого действия батарей город во многих местах зажжен и пожар продолжался

6 При описании очаковского «осадного сидения» использованы данные сайта <http://wars175x.narod.ru/osm03.html#>

до самого утра...» [6, с. 193].

В течение сентября были оборудованы и вооружены еще 10 батарей, а всего с августа по ноябрь осаждающие оборудовали и вооружили 30 артиллерийских батарей, на которых были размещены 317 орудий полевой и осадной артиллерии. Сила огня русских батарей постоянно росла. Так, только 9 октября они произвели 4545 выстрелов по крепости, выпустив 2867 ядер, 1444 бомбы, 115 гранат, 71 зажигательный снаряд, 38 картечей.

В ночь на 11 ноября две тысячи турок сделали вылазку на брешь-батарею левого крыла русской армии. В ходе вылазки погибли генерал-майор С. П. Максимов, три офицера и несколько десятков солдат. Утром нашли 70 турецких трупов, но это мало утешило светлейшего князя — стало ясно, что противник и не думает сдаваться. Светлейший писал императрице о том, что жалеет солдатские жизни для решительного штурма Ачи-Кале, но русская армия все равно несла большие потери — люди погибали от болезней, холода и нужды в самом необходимом.

Медлить больше было нельзя: сама императрица уже высказывала неудовольствие. Зимовать под стенами Очакова — это значило потерять большую часть осадного корпуса от холода и болезней. Полководец писал императрице Екатерине: «...не осталось иного средства по взятию города кроме генерального приступа» [7, с. 246]. Светлейший князь обещал солдатам всю добычу (даже пушки и казну), которая будет взята в крепости. Для штурма сформировали шесть колонн, которым поставили следующие задачи: первая и вторая колонны овладевают замком Гассан-паши, третья колонна атакует ретраншемент с севера, четвертая колонна — с востока и старается не допустить отхода защитников ретраншемента в крепость. Пятая и шестая колонны должны были штурмовать саму крепость — их действиями руководил генерал Ф. И. Миллер 7.

Все приготовления к штурму закончили в ночь с 5 на 6 декабря.

В 7 часов утра 6 декабря при 23-градусном морозе войска пошли на штурм Очакова. Солдаты генерал-майора П. А. Палена захватили турецкие земляные укрепления между Очаковым и замком Гассан-паши. Затем он направил войска полковника Ф. Мекноба к замку Гассан-паши, а казаков полковника Матвея Ивановича Платова — вдоль окопа. Войска Платова стремительным ударом заняли окоп, Мекноб ворвался в замок, и около трехсот оставшихся там турок сложили оружие 8.

Третья колонна атаковала центральные земляные укрепления. В ходе штурма погиб генерал-майор Сергей Авраамович Волконский, но полковник Давыд Николаевич Юргенц принял командование колонной и довел ее до стен крепости. Четвертая колонна под командованием генерал-лейтенанта Василия Васильевича Долгорукова 9 в результате упорного штыкового боя заняла турецкие укрепления и вышла к крепостным воротам.

Пятая и шестая колонны прорвались сквозь земляные укрепления противника и вышли к бастионам крепости. Резерв шестой колонны под командованием подполковника Зубина подошел по льду Лимана к южной стороне крепости, причем гренадеры были вынуждены волочь пушки по льду! Затем под прикрытием артиллерийского огня гренадеры поднялись на крепостную стену и овладели ею. Разгорелся бой в крепости, длившийся около часа. Участниками штурма Очакова были М. И. Кутузов 10 (он был тяжело ранен), М. Б. Барклай-де-Толли 11, П. И. Багратион, М. И. Платов, Л. Л. Беннигсен 12, Н. Н. Раевский, имена которых позже составили героическую летопись Отечественной войны 1812 г.

Данные о потерях турок существенно расходятся в разных источниках. Штурм Очакова продолжался 1 час 45 минут, и результаты его оказались потрясающими: «...было взято 310 пушек

7 За взятие Очакова Ф. И. Миллер был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. (см.: *Волков С. В.* Генералитет Российской империи. Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Том II. Л—Я. М., 2009).

8 За взятие Очакова и Измаила М. И. Платов награжден орденами Св. Георгия 4-й и 3-й ст., произведен в генерал-майоры.

9 В. В. Долгоруков был награжден орденом св. Георгия 2-й ст.

10 М. И. Кутузов в результате русско-турецкой кампании был награжден орденами: св. Анны 1-й ст. и св. Владимира 2-й ст.

11 М. Б. Барклай-де-Толли был награжден орденом св. Владимира 4-й ст.

12 Л. Л. Беннигсен был награжден орденом св. Георгия 3-й ст.

и мортир, более 180 знамен... турки потеряли убитыми 8700 человек, в том числе 283 офицера... В плен сдалось 4000 человек. Потеря эта, говорилось в реляции, равна поголовному истреблению. Трофеями русских стали 310 орудий и 180 знамен.

У русских погибли — 1 генерал-майор, 1 бригадир, 3 штаб-офицера, 25 обер-офицера и 936 солдат» 13. В других источниках потери русских убитыми и ранеными составили, по одним данным, — 147 офицеров и 2720 нижних чинов, по другим — более 4800 человек...

Известие о взятии Очакова произвело в Петербурге настоящий восторг. Императрица Екатерина написала светлейшему князю Потёмкину: «За уши взяв тебя обеими руками, мысленно тебя целую, друг мой сердечный... Всем ты рты закрыл, и сим благополучным случаем доставляется тебе еще способ оказать великодушие слепо и ветрено тебя осуждающим! С величайшим признанием принимаю рвение и усердие предводимых вами войск, от высшего до нижних чинов. Жалею весьма о убитых храбрых мужах; болезни и раны раненых мне чувствительны; жалею и Бога молю о излечении их. Всем прошу сказать от меня признание мое и спасибо...» [6, с. 191–192].

4 февраля 1789 г. в Петербурге в Зимнем дворце состоялось чествование «покорителя Очакова». Потёмкин получил драгоценный жезл генерал-фельдмаршала, орден Георгия 1-й степени, грамоту из Сената с перечнем своих заслуг, золотую медаль, выбитую в его честь, редкостный солитер к ордену Александра Невского, шпагу с алмазами на золотом блюде, сто тысяч рублей на «карманные» расходы. В честь героя Очакова императрица лично сочинила стихи:

О пали, пали — с звуком, с треском —
Пешец и всадник, конь и флот!
И сам со громким верных плеском
Очаков, силы их оплот!
Расторглись крепки днесь зацепны,
Сам Буг и Днепр хвалу рекут;
Струи Днепра великолепны
Шумные в море потекут...

14 апреля 1789 г. именным рескриптом Екатерины II был учрежден золотой крест офицерам, «бывшим на Очаковском штурме». На лицевой стороне креста надпись — «За службу = и = храбрость». На оборотной — «Очаков = взят. 6. = декабря = 1788». Этот новый, впервые введенный знак представляет собой нечто среднее между офицерским орденом и видоизмененной крестообразной медалью для награждения офицеров, не получивших орденов св. Владимира или св. Георгия за участие в штурме Очакова. Эти офицерские знаки размером 47 × 47 мм изготавливались из золота не ниже 950 пробы. Вес — от 26,0 до 34,6 г.

В последний раз об этом знаке сообщалось в аукционном каталоге в 1931 г. Подлинные офицерские золотые кресты сегодня — редчайшая награда, тираж их очень мал — всего было изготовлено 410 экземпляров. Эти награды, согласно указам императоров Павла I, Александра I и Николая I, после смерти награжденного кавалера возвращались в капикул орденов. В случае невозврата золотого креста наследники кавалера обязаны были оплатить казне его стоимость, а это были немалые деньги.

Именным рескриптом Екатерины II от 14 апреля 1789 г. была учреждена серебряная медаль для награждения всех нижних чинов, участвовавших в штурме Очакова. Медаль имеет форму узкого овала, размер 41 × 28 мм.

На лицевой стороне под императорской короной — крупное изображение вензеля имени императрицы Екатерины II, по обе стороны помещены пальмовая и лавровая ветви, перевязанные внизу лентой. На оборотной стороне во все поле медали размещена горизонтальная девятистрочная надпись: «За = храбрость = оказанную = при взятъе Очакова = декабря = 6 дня = 1788».

Ода «Осень во время осады Очакова», согласно классицистической традиции, насыщена образами греческой и римской мифологии, поэтическими пейзажами-иносказаниями:

Спустил седой Эол 14 Борей 15
С цепей чугунных из пещер;
Ужасные криле расширя
Махнул по свету богатырь...

Светлейшего князя Г. А. Потёмкина поэт называет «российским Марсом» 16, поющих в хороводе русских девушек «голосистыми нимфами» 17, упоминает о «древнем царстве Митридата» 18, русских воинов величает «Ахиллесами» 19, снискавшими себе бессмертную славу воинскими подвигами, упоминает Эвксин (древнее название Чёрного моря), оливу и лавр — символы мира и славы в античной культуре.

Десятилетия спустя Пушкин отметит главные достоинства державинской поэзии, среди которых «мысли, картины и движения истинно поэтические» [8, с. 52].

14 *Эол* (греч. *Aiolos*) — в греческой мифологии сын Посейдона и Меланиппы, бог ветров на плавучем острове Эолия, родине туч и туманов. В огромной пещере Эол держал закованные в цепи «междоусобные ветры и громopodobные бури». Возвращаясь из Трои, Одиссей был радушно встречен Эолом. Властелин подарил Одиссею завязанный кожаный мешок с «буреносными ветрами», однако спутники Одиссея в поисках царских подарков развязали мешок и навлекли страшную бурю, которая прибила судно обратно к Эолийскому острову, что вызвало гнев властелина ветров. (*Здесь и далее в пояснениях к мифологическим персонажам использованы данные сайта <http://greekroman.ru/hero/heroes.htm>, также см.: Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М., 1990.*)

15 *Борей* (греч. *Boreas*) — северный ветер в мифах древней Греции, один из шести сыновей Авроры и Эола. Изображается крылатым, длинноволосым, бородатым божеством, закутанным в непроницаемые для солнечных лучей тучи. Борей, холодный и резкий, — отец дождя, снега, града и бурь. Место его обиталища — Фракия, где царят холод и мрак. Борей стремительно налетает на землю. Во время одного из своих налетов он унес с собой в недоступное царство снега и льда прекрасную Орифию, ставшую его женой. Сыновья Борей, Зет и Калаид, вместе с Ясоном участвовали в плавании аргонавтов.

16 *Марс* (греч. *Maris*) — бог войны в римской мифологии, один из самых видных богов, которым когда-либо поклонялись. В ранней римской истории он был богом весны и изобилия в природе. Сын Юпитера и Юноны. Марса, который приносил разруху и гибель людей, в Греции не почитали, но в Риме он был в числе главных божеств. Шум битвы он предпочитал звукам любой музыки, обожал борьбу и кровопролитие. Помощники Марса — воинственные боги: Фобос (бог страха), Эрида (богиня раздора), Демиос (бог опасения), Паллор (бог ужаса) и Метус (бог тревоги).

Римские воины, отправляясь на войну, по традиции приходили в храм Марса, где он был изображен в доспехах, с шлемом в одной руке и с копьем в другой. Дотрагиваясь до копья, воины громко восклицали: «Бодрствуй, Марс!». Они верили, что Марс, шагая впереди, ведет их к победе. Одержав победу, полководцы складывали свои лавровые венки к подножью статуи и приносили в жертву Марсу могучего быка.

17 *Нимфа* (от греч. *nymphe* — дева, невеста) — в греческой мифологии многочисленные божества в образе юных прекрасных дев, олицетворяющих силы и явления природы; считались покровительницами брака. Нимфы — обитательницы лесов и рек, гор, озер и родников. Они живут в горных пещерах (орестиады), на деревьях (дриады и гамадриады) и в родниках (наяды). Культ нимф был широко распространен в Греции и продолжал поддерживаться во времена Рима; первое упоминание о нимфах содержится в «Одиссее» Гомера, когда Одиссей, проснувшись в пещере, увидел окруживших его нимф. Нимф считали дочерьми Зевса, способными передавать людям дар предвидения, исцелять их или, наоборот, насыпать безумие в наказание. Иногда нимфы сами становились жертвами людских и божеских страстей — таковы истории Дафны, Эхо и Эвридики.

18 *Митридат* (лат. *Mithridates*) — царь Понта, правивший в 121–63 гг. до н. э. Митридат Евпатор вел свою родовую по отцу от Ахеменидов, а по матери — от Селевкидов. В нем соединились две древних крови — греческая и персидская. Он подчинил своей власти Колхиду, Боспор, Пафлагонию, Каппадокию, Галатию. Это был энергичный и способный человек, обладавший громадной физической силой. По свидетельству современников, знал 22 языка, был знаком с лучшими представителями эллинистической культуры своего времени, написал ряд сочинений по естественной истории и считался покровителем наук и искусства. Любовь к искусству и образованность сочеталась в нем с восточным коварством и беспощадной жестокостью к своим противникам.

19 *Ахиллес* — один из величайших героев Троянской войны, сын царя мирмидонян Пелея и морской богини Фетиды. Стремясь сделать своего сына неуязвимым и таким образом дать ему бессмертие, Фетида закаляла его в огне, натирала амброзией, купала Ахилла в водах подземной реки Стикс. Только пятка, за которую она его держала, осталась уязвимой (отсюда выражение «ахиллесова пята»). Ахиллес является храбрейшим и сильнейшим из героев исключительно в силу своих личных качеств. Он знал, что ему суждена короткая жизнь, и стремился прожить ее так, чтобы слава о его беспримерной доблести сохранилась навеки у потомков. Поэтому Ахилл и принял участие в Троянской войне, предпочитая героическую долю долгой, но бесславной жизни.

Лирическое начало оды «Осень во время осады Очакова» связано с живописной и гостеприимной усадьбой Голицыных — Зубриловкой.

Ф. Ф. Вигель оставил восторженные воспоминания о Зубриловке. «Зубриловка есть одно из немногих мест в России, подобных палацам и замкам, коими усеяна Польша» [2, ч. 2, с. 77]. Мемуарист называл усадьбу Голицыных «благословенной страной» с «роскошной природой», подчеркивал, что имение «славилось во всех соседних губерниях» [2, ч. 2, с. 78]. «Деревня, — писал он, — построена внизу и отделяется прудом и плотиною от горы, на которой стоит господский дом, каменный, трехэтажный. В соединении с двумя большими каменными же двухэтажными флигелями, посредством двух предлинных оранжерей, и имея подле себя церковь, величиною превосходящую самый большой уездный собор, дом сей, вся эта масса зданий представляется глазу довольно поразительно» [2, ч. 2, с. 78–79]. Местность рядом с господским домом тоже была удивительной красоты: горы с левой стороны «покрыты густым лесом, а в их промежутках долины, ущелья и пригорки чрезвычайно разнообразят местоположение... <...> Горы сии наполнены родниками, которые из боков их вырываются сильно бьющими ключами» [2, ч. 2, с. 79]. Три года устраивали зубриловскую усадьбу Голицыных солдаты Смоленского драгунского полка, начальником которого был С. Ф. Голицын.

В. А. Верещагин, знаток русской старины, писал об этом: «В 80-х гг. XVIII столетия князь Голицын купил в Саратовской губернии громадное живописно расположенное на берегу Хопра имение Зубриловку и три года простоял в нем на бессменных квартирах с двадцатичетырехэскадронным Смоленским драгунским полком, которым он командовал. Когда полк переменял стоянку, Зубриловка славилась по всему околотку роскошным каменным барским домом, с двумя флигелями, великолепной церковью, построенной по старинному обычаю русских помещиков, как раз против дома, чудным парком, цветниками, оранжереями — всем тем, что могла себе позволить ничем не стесненная прихоть богача и знатного русского барина, имевшего в своем распоряжении бесплатные рабочие руки. Пользоваться для своих надобностей солдатским трудом в те времена не считалось зазорным» [9, с. 133].

Об архитектурном облике Зубриловской усадьбы главный хранитель Тамбовского областного краеведческого музея, исследователь феномена русской дворянской усадьбы Л. Е. Городнова сообщает: «Имя архитектора зубриловской усадьбы, к сожалению, неизвестно. В литературе по аналогии с атрибутированными постройками указывается на причастность к проекту Ивана Егоровича Старова, который внес значительный вклад в развитие усадебной архитектуры, разработав тип классического загородного дома» [10].

Коллонада зубриловского дворца с треугольным фронтоном, простота и изысканность фасадов усадебного ансамбля, великолепная парадная лестница, парадная круглая зала с перекрывающим ее куполом, ниши залы с мраморными скульптурами античных героев, богатейшая портретная галерея — все свидетельствовало об изяществе вкуса Голицыных и роскоши.

По традиции в Зубриловской усадьбе была возведена домовая церковь, освященная в честь православного праздника Преображения Господня (его народное название — Яблочный Спас). «Внутри гладкие стены храма отделаны под золотистый мрамор, который в купольной части переходит в розовый. <...> Притвор имеет два боковых нефа, в которых расположены придельные храмы, освященные во имя святых покровителей основателей Зубриловки — Сергия Радонежского и Великомученицы Варвары. <...> Женский образ со стеной росписи имеет внешнее и портретное сходство с Варварой Васильевной Голицыной. В настоящее время в храме хранится икона Архистратига Михаила в доспехах античного воина, лик которого был писан с портрета Сергея Федоровича» [11, с. 18].

Наследники Ф. С. и В. В. Голицыных чрезвычайно дорожили родовым гнездом и сохраняли традиции, заведенные родителями. Ф. Ф. Вигель, побывавший в Зубриловке в 20-е гг. XIX в., писал: «Житье в Зубриловке мне показалось славное; оно напоминало, как богатые и знатные бары живали в старину. Нет лишних прихотей, но всего вдоволь, стол изобильный, сытный и вкусный, прислуга многочисленная, ворота настежь, соседи, мелкие

дворяне, так и валят, но не обременяя собою, предовольны, когда хозяин скажет им приветливых слова два-три» [2, ч. 2, с. 80].

Г. Р. Державин запечатлел в оде поэтические картины зубриловской «румяной» осени: «снопы златые», роскошный виноград «на вино», «птичьи стада», «шумящи красно-желты листья», серебрящийся в степи ковыль. Реалистические пейзажи и бытовые зарисовки, созданные поэтом, могут быть рассмотрены как начало русской пейзажной лирики, реминисцентный фон пушкинских произведений. Сравним фрагменты, в которых описывается одно из любимых усадебных развлечений русского дворянства — осенняя охота.

У Державина:

В опушке заяц быстроногий,
Как колпик 20 поседев, лежит;
Ловецки раздаются роги,
И выжлиц 21 лай и гул гремит.

[12, с. 65]

У Пушкина:

Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
В отъездные поля с охотою своей,
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы.

[13, с. 520]

В оде Державина, как и в пушкинской «Осени», осенняя природа очаровывает тем, что в ней сочетаются щедрая, «пышная» красота и «смирненное» увядание, резкий ветер и радостное зимнее обновление:

Наместо радуг испещренных
Висит по небу мгла вокруг,
А на коврах полей зеленых
Лежит рассыпан белый пух.

[12, с. 66]

Природа в державинской оде изменчива, динамична в борьбе противоборствующих стихий и сил, многолика, насыщена звуками, красками, запахами:

...Погнал стадами воздух синий,
Сгустил туманы в облака,
Давнул, — и облака расселись,
Пустился дождь и восшумел...

[12, с. 65]

Державинские реминисценции обнаруживаются в поэтических произведениях К. Н. Батюшкова, Е. А. Баратынского, Ф. И. Тютчева.

В декабре 1852 г. Тютчев написал лирическую миниатюру «Чародейкою Зимою Околдован лес стоит», в которой получили развитие созданные Державиным образы седой чародейки и волшебного зимнего сна-оцепененья:

У Державина:

Идет седая чародейка,
Косматым машет рукавом;

20 Колпик — птица из разряда цапель. Белые перья колпика (колпицы) использовались для украшения казачьих султанов. В тексте оды выступает в качестве сравнения.

21 Выжлица — ищейная, гончая собака.

И снег, и мраз, и иней сыплет
И воды претворяет в льды;
От хладного ее дыханья
Природы взор оцепенел...

[12, с. 66]

У Тютчева:

Чародейкою Зимою
Околдован, лес стоит...
.....
И стоит он, околдован, —
Не мертвец и не живой —
Сном волшебным очарован...

[14, с. 135]

Сравнительный текстуальный анализ позволяет сделать вывод: в оде «Осень во время осады Очакова» Г. Р. Державин искусно соединил две традиции — торжественной оды, прочно закрепившейся в русской поэзии XVIII в., и отечественной пейзажной лирики, берущей начало именно в его творчестве.

Г. Б. Буянова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам, описанная Я. Гротом. СПб., 1880.
- Воспоминания Ф. Ф. Вигеля. М., 1864. Ч. 1, 2.
- Русский архив. 1876. № 6.
- Салиас Е. А.* Поэт-наместник. СПб., 1885.
- Полевой Н. А., Полевой Кс.* Литературная критика. Статьи и рецензии. Л., 1990.
- Великие россияне. Биографическая библиотека Ф. Павленкова. Писатели, художники, ученые, полководцы, государственные, церковные и общественные деятели. М., 2003.
- Брикнер А. Г.* Императрица Екатерина II. Ее жизнь и царствование. М., 2009.
- А. С. Пушкин о литературе. М., 1988.
- Верещагин В. А.* Разоренное гнездо // Старые годы. 1908. Март.
- Городнова Л. Е.* Разрушился сей дом, засохли бор и сад. Державинская песнь голицынской Зубриловке // Наше наследие. 2008. № 86 // URL: <http://nasledie-rus.ru/podshivka/8602.php> (дата обращения 26.02.2013)
- Городнова Л. Е.* Зубриловская осень Державина // Державинский вестник. Г. Р. Державин. 265 лет. Май. 2008.
- Державин Г. Р.* Сочинения. М., 1985.
- Пушкин А. С.* Сочинения: в 3 т. М., 1985. Т. 1.
- Тютчев Ф. И.* Сочинения: в 2 т. М., 1980. Т. 1.

**ПРОЛОГ НА ОТКРЫТИЕ В ТАМБОВЕ
ТЕАТРА И НАРОДНОГО УЧИЛИЩА**

ПРОЛОГЪ
въ одном дѣйстви с музыкаю,
на открытіе въ Тамбовѣ
ТЕАТРА И НАРОДНАГО УЧИЛИЩА,
Представленный благороднымъ обществомъ
въ день тезоименитства
ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕКАТЕРИНЫ II,
на Театрѣ въ домѣ Губернатора Державина
1786 года 24 Ноября.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ПУСТЫННИКЪ —	Яковъ Ивановичъ Беклемишевъ
ГЕНІЙ —	Дѣвица Анна Матвѣевна Бибикова
МЕЛЬПОМЕНА —	Дѣвица Марья Григорьевна Орлова
ТАЛІЯ —	Дѣвица Марья Дементьевна Чичерина
ДѢТИ —	Александръ Антоновичъ Аничковъ
МАЛЬЧИКИ СЪ РЪЧАМИ —	Николай Дмитріевичъ Хвощинскій, Николай Степановичъ Беклемишевъ, Александръ Николаевичъ Свѣчинъ, Борисъ Дмитріевичъ Хвощинскій, Корнилій Андреевичъ Ниловъ, Сергѣй Николаевичъ Охлебенинъ, Романъ Ѳедоровичъ фонъ-Мелинъ, Викторъ Ивановичъ Комсинъ, Александръ Петровичъ Чевелевъ
ДѢВИЦЫ БЕЗЪ РЪЧЕЙ —	Надежда Матвѣевна Булдакова, Фіона Ивановна Комсина, Софья Дмитріевна Хвощинская, Евпраксія Николаевна Сатина, Елена Николаевна Охлебинина, Елисавета Андреевна Алѣева, Анна Никитишна Салькова, Елисавета Ѳедоровна Макшѣева, Елисавета Антоновна Аничкова, Катерина Степановна Беклемишева

МУЗЫКА — Первый хоръ г-на Журавченка,
Второй хоръ г-на Раупаха
ДЕКОРАЦИИ И ПЛАТЬЕ — г-на Барзантія

**ПРОЛОГЪ
НА ОТКРЫТІЕ ВЪ ТАМБОВЪ ТЕАТРА
И НАРОДНАГО УЧИЛИЩА [1]**

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ ночь и дикій лѣсъ, въ которомъ видны мрачныя пещеры. Свирѣпый вѣтръ клонитъ деревья и производитъ трескъ и вой въ пещерахъ, въ которыя маленькія дѣти разнаго состоянія отъ шума бури и громовыхъ ударовъ прячутся. Музыка симфоніею своею изображаетъ неустройство стихій. По укрощеніи бури выходитъ Пустынникъ, украшенный сѣдинами, съ сѣкирою въ рукахъ.

ПУСТЫННИКЪ [2].

О дикій, темный лѣсъ [3], но въ дикости прекрасный,
Стихіевъ шумомъ лишь и бурями ужасный!
Я годныхъ много зрю на дѣло здѣсь деревъ;
Но станеть ли моихъ и вѣка и трудовъ,
Чтобы очистить ихъ? — Ахъ, нѣтъ! конечно нѣтъ!
По крайней мѣрѣ путь я къ свѣту проложу,
Пускай другіе кто за мною идутъ вслѣдъ...
(Рубитъ сучья, которыя, упадая, открываютъ просякъ.)
Теперь довольнымъ я къ покою отхожу;
Исполнилъ я мой долгъ: — дорога къ свѣту есть.

ЯВЛЕНІЕ II.

Театръ представляетъ на проложенной Пустынникомъ дороге нѣсколько свѣтилъ, но оныя тотчасъ закатываются; восходитъ же выше всѣхъ ихъ солнце [4], которое, остановясь на полуденной линіи, лучами своими восхищаетъ вселенную. Музыка соотвѣтствуетъ ему радостными и великолѣпными тонами. Геній, или Духъ просвѣщенія, слетаетъ на облакъ, держа одною рукою учебную доску, а другою грифель. Видны при немъ кинжалъ и маска.

ГЕНІЙ.

(Сопедши съ облака, удивляется красотѣ и величеству свѣтила.)

Краса вселенная, утѣха, радость, честь,
Свѣтило славное! Отъ сотворенья міра
Блисталь ли кто тебя любезнѣе, свѣтлѣй,
Великолѣпнѣе, отраднѣе, щедрѣй?
Достойно ты того, чтобъ я съ круговъ ээира
Слетѣлъ и обзрѣлъ величество твое.
Оно божественно! Все чувствіе мое
Несмѣтныхъ благъ твоихъ плѣннено красотою:
Я восхищенъ тобою!
И если мой небесный, чистый жаръ,

Усердіе и чувства благородны
Тебѣ угодны:
Въ благопріятный даръ
Прими его.
Отъ свѣта твоего
Занявъ мой свѣтъ, мое блистанье,
Я приложу старанье,
И лѣсъ сей просвѣтитъ готовъ.

(Беретъ изъ облака учебную доску, вѣшаетъ на дерево и возглашаетъ:)

Внимай меня, кто бѣ ни былъ ты таковъ!
Убогій и богачъ, подвластный и свободный,
И пахарь и купецъ, и рабъ и благородный!

Послушайте! себѣ желаетъ кто добра,
Дражайшаго стократъ и злата и сребра,
Котораго никакъ не похищаютъ воры,
Не подкопаютъ тать: не медля, будьте скоры,
Спѣшите всѣ ко мнѣ богатство пріобрѣсть [а].

Я чувствовать учу прямую честь,
Я разумъ знаньемъ наполняю;
Просите у меня: все дать я обѣщаю,
Что можетъ честь
Принести

И сердце воспалитъ къ поступкамъ благодѣтельнымъ [б]!
Приди, кто хочетъ быть въ лѣсу семъ главнымъ.

МАЛЬЧИКЪ.

(Выскачя изъ пещеры, кричитъ:)

Я!

ГЕНІЙ.

(Пишетъ на доскѣ и возглашаетъ:)

Учись начальству быть послушнымъ прежде самъ!

МАЛЬЧИКЪ.

Потщуся быть послушнымъ.

ГЕНІЙ.

Кто хочетъ быть почтенъ, имѣть великій санъ?

(Другой мальчикъ выскакивая изъ пещеры, кричитъ:)

Я!

ГЕНІЙ.

(Пишетъ на доскѣ и возглашаетъ:)

Такъ будь великодушнымъ,
Учись быть всѣмъ слугой [в].

МАЛЬЧИКЪ.

Урокъ исполню твой.

Г Е Н І Й.

Кто хочет приобрести себѣ богатство, славу?

*(Третій мальчикъ, выскакивая изъ пещеры,
кричитъ:)*
Я!

Г Е Н І Й.

Трудись!

М А Л Ь Ч И К Ъ.

Послѣдую сему уставу.

Г Е Н І Й.

Кто хочет добрымъ быть и честнымъ гражданиномъ,
Любезнѣйшимъ отцомъ, послушнымъ, кроткимъ сыномъ,
Супругомъ ласковымъ [г], сосѣдомъ не сварливымъ,
Судьею справедливымъ,
Единымъ словомъ: кто, кто хочетъ быть счастливымъ?

*(Тутъ множество мальчиковъ изъ пещеръ
бѣгутъ съ распростертыми руками и кричатъ:)*

Я! я! я! я!

Г Е Н І Й.

(Пишетъ на доскѣ, и возглашаетъ:)

Учитесь и трудитесь!

М А Л Ь Ч И К И.

(Всѣ вдругъ.)

Будемъ!

Твоихъ совѣтовъ не забудемъ.

*(Во все сіе явленіе музыка, подобно раздающемуся эху,
отзывается возглашеніемъ Генія и отвѣтами мальчиковъ.)*

Я В Л Е Н І Е III.

Т А Л І Я И М Е Л Ь П О М Е Н А.

М Е Л Ь П О М Е Н А.

Въ семь лѣсъ, гдѣ дика, сурова такъ природа,
Я слышу гласъ народа. —
Учиться здѣсь повелѣваютъ!

ТАЛІЯ.
(Глядя на доску.)

И грамотъ здѣсь знаютъ.

МЕЛЬПОМЕНА.

Здѣсь пишутъ, кажется, и могутъ мыслить.

ТАЛІЯ.

Не можно ли ихъ намъ, сестра, къ себѣ причислить
И краю здѣшнему услугу показать?

Мы будемъ представлять.

МЕЛЬПОМЕНА.

И то возможно статься.

ТАЛІЯ.

Пойдемъ же попытаться.—

Я вижу впереди учителя съ дѣтьми.

Наука можетъ быть межъ здѣшними людьми

Пріятна и любима.

(Подходитъ къ Генію.)

МЕЛЬПОМЕНА.

Мы странницы, пришли изъ Греціи, изъ Рима;

Насъ тамъ любили всѣ.

Я добродѣтель ободряла.

ТАЛІЯ.

А я порокъ пересмѣхала.

МЕЛЬПОМЕНА.

(Къ Генію.)

Держаемъ впросить: здѣсь льзя ль остаться намъ?

ТАЛІЯ.

И нашъ воздвигнуть храмъ?

ЯВЛЕНІЕ ІV.

(В сіе время, какъ Геній разговариваетъ с Музами,
дѣти снимаютъ съ дерева учебную доску
и уходятъ съ нею въ пещеры.)

ГЕНІЙ.

Дражайшія сестры! друзья мои почтенны!
Бывъ должностью моей столь много упражненный,
Я не примѣтилъ васъ. Но васъ ли вижу я?
Облегчена теперъ обязанность моя.
Какое счастье! о странницы любезны!
Вы кстати, кстати здѣсь, пренужны, преполезны;
Вы нынѣ будете мнѣ помощью съ небесъ:

Сей лѣсъ

Быль множество вѣковъ ужасно помраченнымъ,
Неочищеннымъ [5],
Подобно хаосу стояль,
Стихивъ бурями стеналь;
Но нѣкогда, вертепъ сей дикій

Пустынникъ ревностный, могущій и великій
Очистя, проложилъ дорогу въ немъ и слѣдъ
Неслыханнымъ трудомъ и попеченьемъ дивнымъ,
По коей свѣтъ,

Спомоществуемый лучами трехъ планетъ [6],
Боролся съ мракомъ сопротивнымъ;

И лѣсъ

Поднесъ

Едва лишь освѣщеннымъ былъ,
Иль только просвѣщеннымъ слыль;
Но наконецъ сіе великое свѣтило,
Взошедъ на высоту небесъ,
Свой лучезарный блескъ спустило

На этотъ лѣсъ.

Отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ,
Отъ тихихъ до сердитыхъ [7],
Бѣгутъ толпы угрюмыхъ тучъ;
Въ пещерахъ самыхъ темныхъ,
Въ норахъ, почти совсѣмъ забытыхъ,
Сверкаетъ свѣтозарный лучъ!
Препоны нѣтъ ему нигдѣ;

Вездѣ

Все движется, живетъ, растетъ и расцвѣтаетъ,
Все животворный огонь вкушаетъ, ощущаетъ;
Кремень преобразуется въ алмазь [8],
И испускаетъ все благодаренья гласъ!
Блестаніемъ его и я здѣсь пребываю:

Ему служу,

Разсадникъ свѣта развожу,

Лучи къ простымъ деревьямъ прививаю. —

Ступайте! время вамъ

Здѣсь вашъ воздвигнуть храмъ.

Ступайте! голосъ вашъ здѣсь нынѣ будетъ внятень,
Оберегатель правъ [9] здѣсь вамъ благопріятень.

Ты, Мельпомена, намъ доброты возвѣщай

И подвизаться въ нихъ героевъ поощряй;

А ты намъ, Талія, шпынствомъ твоимъ искуснымъ

Пересмѣхай порокъ и дѣлай его гнуснымъ.

Гдѣ грубы головы, сердца не смягчены,
Законы кроткіе тамъ тщетно изданы:
Вы умягчайте ихъ игрой своей и тономъ,
И просвѣщенію, наукамъ и законамъ
Подпорой будьте здѣсь. Примите у меня
Орудіе свое.

*(Вынимая изъ облака,
подаетъ Мельпоменъ кинжалъ.)*

МЕЛЬПОМЕНА.

Велѣніе твое
Храня,
Я все противное законамъ, правдѣ, чести,
Любви къ отечеству и вѣрности къ царю,
Все то, что по слѣдамъ пойдетъ коварства, лести,
И возродитъ въ сердцахъ крамолы, бунты, прю,
Не пощадя себя, на жертву принесу;
Иль съ тѣмъ умру, или отечество спасу!

ГЕНІЙ.
(Вынимая изъ облака маску, подаетъ Талію.)
Вотъ, Талія, тебѣ личина и твоя.

ТАЛІЯ.

Я знаю, должность въ чемъ моя.
Подъ ней сокрывшись, я, какъ будто не нарочно,
Все то, что скаречно и гнусно и порочно,
И такъ и сякъ ни въ комъ никакъ не потерплю.
Не въ бровь, а въ самый глазъ я страсти уязвлю.
Обманщиковъ, лжецовъ, ханжей и пустослововъ,
Хулителей, льстецовъ, язвителей, злослововъ,
Кокетокъ, игроковъ, неправедныхъ судей,
И въ прозѣ и въ стихахъ безграмотныхъ вралей,
Безмозглыхъ стихотворцевъ,
Безчестныхъ крючкотворцевъ,
Кашеевъ, гордецовъ,
И пьяницъ и мотовъ,
Господь немилосердныхъ
И мудрецовъ безвѣрныхъ
На свѣжу воду я всѣхъ выведу тотчасъ.
Иному въ носъ щелчка, другому иглу въ глазъ
Я смѣло покажу.
Ослины уши я иному присажу,
И добродѣтельныхъ заставлю имъ смѣяться,
Плевать на нихъ, мерзить, освистывать, ругаться;
А буду только тѣхъ хвалою прославлять,
Кто будетъ нравами благими удивлять,
Себѣ и обществу окажется полезенъ; —
Будь баринъ, будь слуга, но будетъ мнѣ любезенъ [д].

ГЕНІЙ.

Не сомнѣваюсь я, нелестные друзья!
Не тщетна кажется надежда въ васъ моя.
Исполня вы свой долгъ, мой подвигъ подкрѣпите,
И лучшимъ образомъ сей лѣсъ вы просвѣтите.
Но прежде намъ сего пристойно помянуть,
Кто первый проложилъ въ лѣсу семъ къ свѣту путь
И столъ въ немъ расширилъ любезну свѣтозарность:
Намъ должно торжествомъ принести тѣмъ благодарность.

ЯВЛЕНІЕ V.

Лѣсъ исчезаетъ. Театръ представляетъ народную площадь, украшенную великолѣпною колоннадою, въ концѣ которой виденъ храмъ просвѣщенія, по сторонамъ коего два обелиска съ сіяющими медаліонами. Первый, обвитый кипарисомъ, показываетъ въ тускломъ свѣтѣ, подобно зашедшему солнцу, вензеловое имя Петра I. Второй, обвитый лавромъ, въ полуденномъ свѣтѣ, представляетъ вензеловое имя Екатерины II.— Хоры пѣвчихъ. Мальчики и дѣвочки въ бѣлыхъ платьяхъ, съ цвѣточными гирляндами, выходятъ съ обѣихъ сторонъ на площадь и становятся отъ обелисковъ вдоль по колоннадѣ. Геній становится на поставленномъ въ храмѣ тронѣ; Талія и Мельпомена — на ступеняхъ онаго, по правую и по лѣвую сторону.

ГЕНІЙ.

(Обращаясь къ первому обелиску.)

Начнемъ!
И прежде пѣснь тому мы воспоемъ,
Кто въ свѣтъ
Намъ показалъ здѣсь слѣдъ.

ХОРЪ.

(Тихо, безъ музыки.)

Ко скипетру рожденны руки
Онъ въ трудъ несродный простираль;
Звучать донесъ по свѣту звуки,
Какъ онъ сѣкирой ударяль.
Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, Великій Петръ [10]!
(По окончаніи хора, мальчики и дѣвочки обвиваютъ цвѣточными гирляндами обелискъ Петра Великаго.)

ГЕНІЙ.

(Обратясь ко второму обелиску.)

Теперь мы возгласимъ то славное свѣтило,
Что вящшіе лучи на край сей ниспустило.

ХОРЪ.

(Громогласно съ музыкою.)

Сіяй, любезная планета,
Пресвѣтлой красотой твоей!

Сіай, утѣха, радость свѣта,
Для вѣчной славы нашихъ дней!
Сіай, несмѣтныхъ благъ причина,
Безсмертная Екатерина!

(По окончаніи хора, мальчики и дѣвочки
обвиваютъ цвѣточными гирляндами второй обелиск.)

Г А Л І Я.

Начну я отправлять мою теперь же должность,
И вамъ комедію представлю: *Такъ и должно* [11].

КОММЕНТАРИИ

«Пролог...» и Комментарии («Примечания») печатаются по: Пролог на открытие в Тамбове театра и народного училища // Сочинения Державина: в 9 т. / с объясн. примеч. [и предисл.] Я. Грота. СПб.: Изд. Имп. Акад. Наук: в тип. Имп. Акад. Наук, 1864–1883. Т. 4.

[1] Одною изъ первыхъ заботъ Державина по пріѣздѣ въ Тамбовъ было распространеніе въ обществѣ образованія и людскости: при дѣятельномъ участіи въ томъ жены его, въ домѣ ихъ устроены были танцевальныя и другіе уроки для дворянскихъ дѣтей, а также театральныя представленія (Томъ III, стр. 725). Открытіе въ Тамбовѣ народного училища описано довольно подробно въ *Запискахъ* Державина.

Прологъ этотъ напечатанъ былъ тогда же отдѣльно въ Тамбовѣ, а потомъ, 1789 г., въ XXX ч. *Россійскаго театра*, подъ заглавіемъ: *Прологъ на открытіе въ Тамбовѣ народного училища. Представленъ* и проч. Отдѣльный оттискъ пролога изъ этого изданія (стр. 245–264) полученъ нами отъ Г. Н. Гениади. Въ изд. 1808 г., см. ч. IV, II. Въ послѣднемъ изданіи замѣчены нами нѣкоторые пропуски и измѣненія. Такъ въ первоначальномъ изданіи, послѣ исчисленія дѣйствующихъ лицъ, подъ словомъ *Музыка*, о второмъ хорѣ прибавлено: «Изъ оперы *Альцеста*: Гласъ славы проницаяй вселенну». За тѣмъ сказано тамъ еще слѣдующее:

«Исполненіе — дѣвицы Анны Николаевны Свѣчиной.

Музыканты — служители Николая Ивановича Свѣчина.

Пѣвчіе — Афанасья Михайловича Сатина.

Живопись — служителей Андрея Михайловича Нилова и дѣвицы Катерины Юрьевны Сабуровой.

Изобрѣтеніе декорацій, театральнаго украшенія и платья — г. Барзантія, служащаго машинистомъ въ тамбовскомъ намѣстничествѣ».

[2] Аллегорическое отношеніе къ Петру Великому.

[3] Этими словами означается здѣсь тогдашнее мало образованное тамбовское общество.

[4] Подъ солнцемъ разумѣется здѣсь Екатерина II.

[а] ...ко мнѣ нетлѣнно благо пріобрѣсть (1789).

[б] Снабжаю сердце я навыкомъ благонравнымъ (Этотъ стихъ стоялъ передъ стихомъ, начинающимся словами: «Просите у меня»).

[в] Праведнымъ и всѣмъ слугой.

[г] Супругомъ радостнымъ...

[5] Въ первоначальныхъ изданіяхъ послѣ этого слова былъ еще стихъ: Не просвѣщеннымъ.

[6] Трехъ императриць: Анны, Елисаветы и Екатерины.

[7] Отъ Бѣлаго моря до Чернаго, отъ Каспійскаго до Балтійскаго. Въ первоначальныхъ изданіяхъ *Пролога* было тутъ примѣчаніе: «Мореходцами почитается Варяжское море

за опаснѣйшее».

[8] Намекъ на однодворца Захарьина, сказавшаго рѣчь при открытіи въ Тамбовѣ народнаго училища (Томъ III, стр. 343 и 725). Въ первоначальныхъ изданіяхъ *Пролога* объяснено тутъ самимъ Державинымъ: «Однодворецъ въ рѣчи своей назвалъ себя сѣрымъ камнемъ, испущающимъ сильныя искры».

[9] Намѣстникъ.

[д] Хоть баринъ, хоть слуга, тотъ будетъ... Соч. Держ. IV.

[10] Эти стихи взяты изъ пѣсни Державина *Петру Великому* (см. Томъ I, стр. 32).

[11] Комедія Вережкина, избранная для перваго представленія, какъ сочиненіе бывшаго начальника Державина въ казанской гимназіи и притомъ какъ пьеса, направленная противъ подъячихъ и крючкотворцевъ, какихъ тогда много было въ Тамбовѣ (Томъ III, стр. 725).

С. А. Косякова

РЕЧЬ, ГОВОРЕННАЯ ПЕТРОМ ЗАХАРЬИНЫМ В ТАМБОВЕ НА ОТКРЫТИИ ГЛАВНОГО НАРОДНОГО УЧИЛИЩА ²²

Известно уже России, что двадцать второй день сентября двадцать пятого лета царствования Великой Екатерины ознаменован открытием училищ в двадцати пяти Наместничествах. Народ возводится на верх блаженства, просвещение разливается реками. Чувства оного изображены в следующей речи, говоренной в Тамбове Козловской округи села Никольского, что на Суроне, однодворцем Петром Захарьиным. Она достойна сведения потомства, и читающий да проливает слёзы благодарности Благодатной Монархине.

От издателя

Дерзаю остановить тебя, почтенное собрание, среди шествия твоего, дерзаю посреди градского стога возвысить голос мой и, не взирая на мое низкое состояние и на мою убогую одежду, просить тебя, да услышан буду. Не безызвестно вам, высокоименитые слушатели, что иногда самый простой и серый камень содержит в себе вещество огненное, едва коснется ему сталь, он испускает из себя сильные искры. По воспитанию моему и по рождению я человек грубый, я бедный однодворец и теперь только от сохи; но услыша, что Всемиловейшая Государыня благоволила приказать в здешнем городе открыть народное училище, почувствовал некое восхитительное потрясение в душе моей. Весть эта, подобно крепкому железу, ударила в мое сердце, разверзла его жесткие поры и произвела пламень, которого я угасить не в силах. Он поддал мою внутренность изливаться на язык мой и никак не остается под спудом. Сии то самые искры усердия, сии то самые блески радости и пламенные чувствования благодарности пришел я возвестить на теперешнее позорище от лица всего низкаго народа, получающего днесь начаток своего просвещения от тебя, Премилосердная Мать отечества! Тебе да изливается благодарность от грубых и едва словесных уст моих. Прочих монархов проповедовали великие риторы; у ЕКАТЕРИНЫ Великой занимает простой поселянин их место.

Но прежде, нежели я простру слово мое к прославлению и благодарности несравненной Монархини, прошу вас, почтением слушатели, удостоить вашим вниманием слабое мое рассуждение о простом народе, для которого учреждено сие училище.

Ежели испытатели природы, разделяя оную в рассуждении совершенств на царствы, не токмо в особенности между находящихся в ней тварей усматривают в преимуществах или недостатках их разность, но хотя не ясно, однако, вероподобно угадывают и те таинственные колена, или переходы, от одного царства к другому, которыми связывается и содержится великая цепь творений, то рассматривая роды животных, одаренных движением, внутренним чувствованием рождающихся, растущих, производящих себе подобных и умирающих, без сомнения, думать должно, заметили они и ту степень, которая сближает скота с человеком.

Сию непостижимую смежность ни в коих тварях лучше, кажется, предположить невозможно, как между дикими людьми и обезьянами. В самом деле, ежели отнять дар смысла и дар слова от Готтентота, то какое животное ближе всего сравниться может с Орангутангом? Сия

²² Текст предисловия и речи П. М. Захарьина подготовлен к публикации в настоящем издании А. М. Кальницкой.

обезьяна, как организацией внутренних чувств, так и наружным устройством тела, имеет удивительное с человеком сходство. Подобно все и действия людей диких весьма сходствуют с механическим движением бессловесной твари. Редко они имеют о чем понятия, реже еще те понятия свои сравнивают между собою и производят собственно от себя свободные мысли, но без всякого рассуждения, подражая себе подобным, или в кругу себя находящимся другим животным, или по единственному побуждению естественных телесных нужд своих производят они те или другие действия.

Изъемя некоторые разности нравов, обычаев, влияющих от климатов, от окружающих предметов и обстоятельств, по которым дикие народы, иные больше, другие меньше, сходствуют с людьми просвещенными, чернь, рассеянная по лицу земному, везде себе подобна. Не имея расширенного нужными сведениями разума, ни исправленного добрыми навыками сердца, весьма близко подходит она к Орангутангу, Понгам, Йоккам и тому подобным бессмысленным и бессловесным животным. Она или свирепствует, устремляясь за добычею, или погружается в сон, насытись оною. С самого начала света летописи царств земных представляет нам ее в рассуждении различных ее действий подобною медведице, которую поводитильщик, восхитив в самой её младости из берлоги, продев ей в ноздри кольцо, водит всюду за собой, то приласкивая её пищею, то усмиряя дубиной, повелевает лежать или прыгать по своему произволению.

Народу, находящемуся в селах и деревнях, неудобно и невозможно по отдаленности мест занимать просвещения в Академиях, университетах и семинариях; что надобно иметь рассадники первоначальных знаний, откуда бы наполнять вышеупомянутыя вышния училища и расширять сады просвещения в обширной Ея державе, без коих никогда бы она не дошла до желаемого цветущаго состояния, ибо никогда тот садовник не разбогатеет плодами, который только плодоносные деревья выписывает из чужих земель, не заготавливая в собственных своих рассадниках на смену их молодых леторослей: для того сия прозорливая Монархиня обратила человеколюбивый взор Свой на простой народ и, не взирая на адскую политику коварных умов, что ни обогащать, ни научать черни не должно, повелела установить и открыть ныне народные школы, в которых всякаго состояния людям отверзты к просвещению двери и в котором, ежели мне поздно уже получить украшение неочищенному моему разуму и неустроенному моему сердцу, то сын мой сей, принесенный теперь сюда на руках матери его, будет невозбранно почерпать источник света от сокровищ Великия ЕКАТЕРИНЫ.

Проснитесь в Бозе почивающие блаженные и человеколюбивые Российские монархи, вводившие в народ сей просвещение! проснитесь Царь Федор Алексеевич и ты Великий Император Петр, проснитесь и воззрите на преемницу Вашу ЕКАТЕРИНУ Вторую: Она наполняет сад ваш юными лозами, который с сего времени никогда не оскудеет. Вы основали духовную и светскую Академии, а Она народные школы. Вы обучали дворян и духовенство, а Она, усугубя ваши заведения, просвещает чернь! Кто из вас более? — Предвечная премудрость для восстановления падшего человеческого естества снисходила с небес сими стезями. Она излила от духа своего, и прорекла всяка плоть. Она основала храм благовестия своего среди простых сердец. В сей Храм, в сие народное училище, исторгая из объятий матерних сына моего, с радостным восторгом предаю я, да будет он человек!

Слушай, сын мой, услышь меня и ты, простой народ, ты будешь человеком: здесь, почерпая твердые основания православной веры нашей и понимая великие истины Евангельского благовестия, ты будешь без суеверия и без ханжества прямым Христианином. Здесь, навывая обязанностям гражданина, ты будешь послушным сыном, верным супругом, надежным приятелем, мирным соседом, чадолюбивым отцем, благопокорным начальству подчиненным, ревностным к службе Государя твоего подданным. Ты не преломишь совести на суде, не пощадишь груди своей в сражениях за пользу отечества и за славу своего Монарха, здесь приобикнешь ты быть не тунеядцем, помня, что всяк земнородный должен в трудах своих снести хлеб свой. Здесь уразумеешь ты движение тел и будешь разумным ремесленником. Здесь обретешь познание причин естества и будешь домовитым хозяином, богатым нив пахарем, разумеющим свойства земли, и время поверит оные семена свои. Словом, ты будешь человеком: ибо Екатерина Великая желает управлять людьми.

Наконец, когда ты ведаешь, сын мой, чем ты будешь, равномерно обязан с младых твоих ног-тей знать и то, какую благодарностию преисполнен быть ты должен во все дни живота твоего Премилосердной Матери твоего Отечества, Всемиловитивейшей твоей Воспитательнице и Просветительнице. Какими душа твоя преизобиловать должна чувствами при воззрении на божественный образ Ея, при воспоминании бессмертного имени Ея, при торжестве великого дня сего, когда Она взошла на Высочайший Престол, а ты вступил в храм просвещения. Я мысленно вхожу во внутреннее движение сердца твоего. Я изступаю! и повергаюсь вместе с тобою пред священным образом Ея и, воздевши ко Всевышнему земледельческая мои руки, из глубины души моя молю: «Да продлится долговременно бесценное Ея здравие, да вознесется Престол и Царство Ея над всеми врагами Ея, да расширится и утвердится в роды родов высочайшее наследие Ея и истинная Ея слава, что Она есть изящнейшая Преобразительница и Просветительница Российского Народа».

Заклинаю тебя, сын мой, продолжать сию молитву во всякое утро до последняго твоего издыхания!

КОММЕНТАРИИ

Козловский однодворец и оратор тамбовский Петр Захарьин

Петр Михайлович Захарьин известен как литератор, которому природой и рождением были определены приличные способности и которые он в должной степени так и не реализовал по многим причинам. Излишняя эмоциональность, «пагубная страсть» пьянства, по словам Г. Р. Державина, вероятно, отсутствие жизненно необходимой дисциплины и строгости нрава — и многое другое привели к тому, что он ушел бы из жизни, скорее всего, неизвестным человеком, если бы не одно обстоятельство...

Его час торжества и славы пробил благодаря наместнику тамбовскому и поэту Державину в 1786 г. В тот год П. Захарьину исполнилось 36 лет. К этому времени он значительно растратил отцовское наследство и зарабатывал на хлеб насущный репетиторством, которому, слава Богу, способствовало знание иностранных языков и общие природные способности в словесности. Он писал духовные стихи и, видимо, весьма успешно, ибо их отметил сам Державин, что, собственно, стало решающим обстоятельством, по которому наместник тамбовский возложил на мало известного литератора высокую миссию и столь же высокую надежду! Г. Р. Державин поручил П. М. Захарьину выступить с речью на открытии в Тамбове Первого Главного народного училища.

Что представляет собой народное училище в конце XVIII в.? В современной системе образования это всего-навсего начальная школа. Но в те поры открытие начальной школы для народа было явлением поистине выдающимся, неординарным, свидетельствующим о развитой социальной инфраструктуре России и верности традициям эпохи Просвещения. Тамбовское народное училище было 25-м в России. Трудно представить сейчас, что народное просвещение в Тамбовской области началось именно с этого училища, открытого 22 сентября 1786 г. Великий Державин и здесь предположил важное направление государственной политики — просвещение простого народа, ибо просвещенный правитель государства, коим была Екатерина II, должен управлять и просвещенным народом. Поэтому, по замыслу Державина, главное слово на открытии должен был произнести представитель народа. И он поручил подготовить и произнести это слово козловскому однодворцу и способному литератору П. М. Захарьину.

П. М. Захарьин надежд Г. Р. Державина не оправдал.

«Сущий вздор» П. М. Захарьина Державин не считал возможным обнародовать. Почему? От представителя простого народа, коим и должен был выступить однодворец, требовалась речь высочайшего ораторского образца, которая должна была потрясти представителей всех сословий, в том числе и императрицу. Державин написал речь сам от лица человека из народа, образ которого он успешно воплотил и в речи, а произнести ее поручил своему доверенному лицу П. М. Захарьину.

Речь услышали!.. Она превзошла все ожидаемые последствия. Самое главное — она получила должную оценку Государыни! Ее опубликовали в том же году в России и за рубежом.

В соответствии с классическими канонами риторики речь эта имеет трехчастную композицию.

Во вступлении обосновывается само право благодарного голоса простого человека императрице за открытие народного училища. Неформально, искренне и с чувством глубочайшего воодушевления звучат слова из «едва словесных уст» истинного героя этой речи — бедного одноворца, который «теперь только от сохи». При этом сразу возникает парадоксальное ощущение несоответствия глубины всей речи, ее логики, риторических фигур, словесно-образной выразительности социальному статусу оратора, по существу простолюдину. Так талантливо удалось Г. Р. Державину выполнить свой собственный социальный заказ и решить задачу — получить народный отклик в строго сословном государстве на действия властей в интересах народа.

В основной части последовательно развертывается основополагающая идея эпохи Просвещения о необходимости просвещения народа как главного условия процветания и благоденствия государства. Эта часть выполнена, безусловно, под влиянием западноевропейской концепции просвещения, которая акцентирует внимание на преобразовании личности в духе обретения нравственных добродетелей. Можно предположить, что Г. Р. Державин был хорошо знаком с трактатом «О влиянии цивилизации на нравственные добродетели» Ж. Ж. Руссо, где эти мысли имеют последовательное развитие.

Но Г. Р. Державин пошел дальше. По существу, он выразил национальную идею государственности и просвещения России, заявив о необходимости «иметь рассадники первоначальных знаний...», «расширять сады просвещения...», «ибо никогда тот садовник не разбогатеет плодами, который только плодоносные деревья выписывает из чужих земель, не заготовляя в собственных своих рассадниках на смену их молодых леторослей...».

В заключении подчеркивается мысль о преемственности просветительских традиций и воздается хвала Екатерине Великой, выраженная идеально с точки зрения ораторики и этикетности.

Речь, имевшая обширный резонанс по всей России, прославила и П. М. Захарьина, и, в который раз, Г. Р. Державина.

Почти чудом можно считать обнаружение речи в фонде редких книг Тамбовской областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина. Речь найдена в журнале «Зеркало света», № 45 за 1786 г., в разделе «Новости». Более того, журнал этот принадлежал Г. Р. Державину.

Мы убеждены в том, что основные мысли Речи П. М. Захарьина обращены и к нам, его потомкам, ее идеи в высшей степени актуальны и сегодня, а слова ободрения, веры и надежды поддержат нас в необходимых обстоятельствах жизни.

А. М. Кальницкая

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ПЕТРА МИХАЙЛОВИЧА ЗАХАРЬИНА ²³

Печатается по: Словарь русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1988. Вып. 1. С. 331–334.

ЗАХАРЬИН Петр Михайлович [ок. 1750, Козлов — 1800(?)]. Сын богатого торговца; впоследствии одноворец села Никольского, «что на Сурене», Козловского уезда Тамбовской губернии. Воспитывался в Саратове в семье крупного чиновника, обучался немецкому языку, арифметике, правописанию; затем находился на военной службе и (по свидетельству лиц, слышавших его рассказы о себе) участвовал в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. «Получив развращение в своем поведении и сильное пристрастие к пьянству» (*Г. Р. Державин*), был уволен из армии. Наследство, доставшееся ему по смерти отца, он расточил, дошел до нищеты

²³ В дополнение к опубликованному в разделе о стихотворении «Желание зимы» (с. 102–106) помещаем здесь еще одно жизнеописание П. М. Захарьина из Словаря русских писателей XVIII века (СПб., 1988).

и зарабатывал на жизнь уроками немецкого языка в небогатых дворянских домах. В то же время П. М. Захарьин много читал, «имея натуральную способность к словесным наукам, упражнялся с самой своей молодости», писал стихи, главным образом духовного содержания, в которых Г. Р. Державин находил «нарочитый природный дар», считая, однако, что их автор «ни тонкости мыслей, ни вкуса, ни познания не имел».

Литературную известность Петр Михайлович приобрел речью, которую произнес 22 сентября 1786 г. при открытии Главного народного училища в Тамбове. Получившая широкий резонанс как выражение мыслей и чувств тянувшегося к знанию простолюдина, «теперь только от сохи», она была напечатана в нескольких периодических изданиях («Санкт-Петербургские ведомости», «Зеркало света», «Новые ежемесячные сочинения»), выпущена двумя отдельными изданиями (1788 г. и не ранее 1792 г.), переведена на иностранные языки. Сразу после публикация речи возникли споры о ее авторстве. Г. Р. Державин утверждал, что представленные ему на просмотр черновики П. М. Захарьина оказались «суший вздор, ни складу, ни ладу не имеющий», и что всю речь сочинил он сам. Однако некоторые детали, вошедшие в речь и повторяющиеся в романе «Арфаксад», дают основания полагать, что текст Петра Михайловича был все же использован Г. Р. Державиным, чья роль состояла в его основательной обработке и режиссуре театральных эффектов декламации.

Речь обратила на П. М. Захарьина внимание императрицы, но его положение не изменилось. За ним, по свидетельству Гавриила Романовича, присылали из Петербурга курьера, но он загулял и его не смогли разыскать. Сам Петр Михайлович рассказывал, что Тамбовский приказ общественного призрения, не признавая его автором речи, отказался выплачивать назначенную ему пенсию и что с целью доказать свои литературные способности он написал роман «Арфаксад».

В «Предуведомлении» к «Арфаксаду» П. М. Захарьин излагает собственную версию биографии, согласно которой его отец, пленный татарин, приняв православие, поселился в Козлове и нажил торговлею значительное состояние. После смерти отца наследство расхитили, и сыну достался лишь дубовый сундук, «заклучавший в своих недрах разные ни к чему не удобные и без разбору набросанные бумаги». Сам Петр Михайлович якобы получил крайне ограниченное образование («российской грамоте обучался у сельского дьячка»). Сведения об отце, по всей вероятности, достоверны, но в остальном автобиография рассчитана на то, чтобы поддержать впечатление об авторе «Арфаксада» как о талантливом простолюдине-самоучке и создать внешне правдоподобную легенду об обстоятельствах появления на свет «древней халдейской повести».

Около 1790 г. П. М. Захарьин переселился в Москву, где жил в крайней нищете. В 1797 г. по приглашению адмирала Н. С. Мордвинова, которому очень понравился «Арфаксад», он переехал в Николаев, где получил место школьного учителя и был произведен в офицерский чин. Обстоятельства последних лет его жизни неизвестны. Различные печатные источники называют разные даты смерти Петра Михайловича Захарьина: 1798 г., 1800 г., 1810 г.

«Арфаксад» (1793–1796, ч. 1–6; 2-е изд. Николаев, 1798, ч. 1–4) — воспитательный, философско-политический роман. Образцом служил «Телемак» Ф. Фенелона, которому он в некоторых деталях непосредственно подражал (например, цветистые «гомеровские» описания рассветов и закатов). Героические деяния и приключения персонажей, любовные коллизии, экзотический колорит древнего Востока служат развлекательным фоном, на котором читателю преподносятся серьезные уроки, имеющие целью воспитание его разума и сердца и касающиеся актуальных для XVIII в. проблем политики, философии, нравственности и религии.

Многие эпизоды романа иллюстрируют теорию общественного договора, объясняя происхождение сообществ людей и власти, возникновение неравенства, насилия, войн, восстаний. П. М. Захарьин пропагандирует идею абсолютной монархии. По его убеждению, «общественный совет без личного вождя, т. е. демократическое правление, есть не что иное, как толпа страстей и нелепое сборище разномыслящих наклонностей». В золотой век, когда «приятная независимость царствовала во вселенной» и «не знал род человеческий имени собственности», людьми управляли мудрые старейшины семейств, которые «все свои мысли и попечения полагали... в снискании общего блага». «Искренность равенства» разрушили люди от рождения властолю-

бивые, гордые и надменные, которых охота приучила к крови, сделала свирепыми и дикими; их насилия, беззакония и борьба за власть породили войны, убийства, кровопролитие, зависть, ненависть и т. п. Тогда для поддержания порядка и взаимной защиты люди приняли «первые условия общественного устройства» и стали избирать верховного правителя. Устанавливая верховную власть, люди обязуются ей повиноваться, «никаких не делать противоположений», но за ними сохраняется право вносить свои предложения «без малейшего надмения или претолкования народу в дурную сторону». Верховная власть должна бдительно следить за действиями назначаемых ею начальников и чиновников, т. к. в противном случае возникают злоупотребления, тяжело сказывающиеся на положении народа и вызывающие мятежи, к которым подстрекают люди, преследующие свои корыстные цели и обманывающие народное легкоеверие. Верховный правитель во всех случаях имеет право подавлять восстание, поскольку народ обязался ему повиноваться, а он дал клятву «защищать право своей власти, яко основательницы общего покоя и тишины, благоразумием и силою». Даже недостаточно ревностное исполнение властью своих обязанностей не может служить основанием для пересмотра договора: власть должна быть наследственной. Теория общественного договора сочетается у Петра Михайловича с провиденциализмом (насилие и прочее зло на земле — божья кара за грехи и беззакония людей). Одновременно П. М. Захарьин полемизирует с руссоистской идеализацией патриархального сельского уклада, доказывая, что «между бедными хижинами... тож господствуют лезть, обман и насилие». Ход событий, поступки персонажей в «Арфаксаде» служат автору поводом для пространных нравоучительных рассуждений на различные темы. В свете концепций так называемого естественного богословия разумность и рациональность мироздания рассматриваются как доказательство существования «всесильного и всеблагого, все устроившего и всем управляющего существа». В разных местах романа приводятся различные естественнонаучные и исторические сведения, свидетельствующие о том, что Петр Михайлович был знаком с трудами в этих областях знания. Он несомненно читал сочинения Ж. Бюффона, книги по истории Древнего Востока, в частности об Индии. В круг источников «Арфаксада» входили и Библия, и рукописные переводы, и какие-то сочинения на немецком языке.

Наиболее насыщены политической и моральной проблематикой т. 1–2 романа; в дальнейшем преобладает авантюрный элемент. Т. 5–6, по заявлению П. М. Захарьина в предисловии ко 2-му изданию, были напечатаны против его воли. Переиздавая роман, Петр Михайлович произвел стилистическую правку, придав большую возвышенность стилю изложения, несколько сократил вступительные «аргументы» и внес незначительные композиционные изменения; заново, по словам Петра Михайловича, были написаны последние два тома (в настоящее время не известно ни одного их экземпляра, так что, возможно, в издании 1798 г. они не были напечатаны).

В «Арфаксаде» сказалось сильное влияние традиций барочного галантно-героического романа, продолжавшего пользоваться популярностью в русской низовой, массовой литературе (рыхлая композиция, построенная по принципу многоступенчатого «рассказа в рассказе», многочисленные повторы и т. п.).

Кроме «Арфаксада» П. М. Захарьину принадлежит книга «Путь к благонравию, или Сокращенное наставление обучающемуся юношеству, содержащее в себе полезные и нравоучительные правила для всякого звания и состояния людей» (1793 г.; два переизд.). Этот сборник имел целью воспитание христианского благочестия, верноподданнических чувств, послушания родителям и прилежания. В феврале 1794 г. Петр Михайлович подал на рассмотрение духовной цензуры рукопись еще одного нравоучительного сочинения, «Мысли несчастного поселянина, или Нужное родительское наставление сыну», но рассмотрение ее затянулось, а 27 июля 1797 г. Синод определил возвратить ее автору для представления в светскую цензуру (ЦГИА. Ф. 796. Оп. 75. № 54; не изд.).

Последние две книги Петра Михайловича вышли в период его пребывания в Николаеве. Псевдоисторический роман «Приключение Клеандра, храброго царевича Лакедемонского, и Ниотильды, королевны Фракийской» (Николаев, 1798, ч. 1–2) представлял собой переработку «Верного Калоандра» Д.-А. Марини (1652 г.), который был известен П. М. Захарьину по рукописному переводу. Хорошо усвоив манеру письма авторов галантно-героических рома-

нов XVII в., Петр Михайлович, по наблюдению В. В. Сиповского, возвратил, не зная подлинника, произведению те черты прециозности, которые оно утратило в грубоватом и сжатом пересказе рукописной повести. Основу исторического труда П. М. Захарьина «Новый синопсис, или Краткое описание о происхождении славено-российского народа...» (Николаев, 1798 г.) составил включенный в него почти целиком и подвергнутый стилистической модернизации «Синопсис» Иннокентия Гизеля (восемь изд. в XVIII в.). Материалы для дополнений и уточнений, а также для нескольких глав, излагавших историю России тех периодов, которые не были освещены Гизелем, Петр Михайлович черпал в трудах Ф. А. Эмина, М. М. Щербатова, И. Н. Болтина. Основная идея «Нового синопсиса...» — обоснование необходимости абсолютной монархической власти; ей, согласно П. М. Захарьину, Россия была обязана периодами своего возвышения и могущества: ее отсутствие и междоусобицы приводили к упадку и к установлению иноземного ига. Территориальная политика Екатерины II рассматривается как возвращение «в недра своего отечества» «древнего российского достояния», отнятого у России в эпохи ее слабости.

По свидетельству современника, в Николаеве Петр Михайлович Захарьин написал также поэму в двенадцати песнях «Пожарский». Неосуществленным остался замысел произведения в жанре «философского путешествия», сюжетную канву которого должны были составить странствия Конфуция.

ГЛАВА 3

Г. Р. ДЕРЖАВИН В ТВОРЧЕСТВЕ ТАМБОВСКИХ ПОЭТОВ

А. М. БЕЛКИН

ЯВЛЕНИЕ ДЕРЖАВИНА

Был век вельмож, век мощи новой,
В России — пугачёвский бунт.
В величье поднималось слово
На праведный и грозный суд.
Век грозных пробуждений духа
Звучал величием фанфар...
Державинский высокий дар,
Как меди звук, коснулся слуха.

Его стихов мятежных лира
Бряцала пламенный мотив,
Начало праздничное мира
Громоподобно утвердив.
Язык стихов не терпит спешки,
Не суетлив державный глас.
Велик и жалок без прикрас
Век роскоши, пиров, насмешки.

С багровой обновясь зарёю,
Россия вечная встаёт,
Рассекши огненной стезёю
Небесный синеватый свод.
Державин свой душевный жар
Весь посвятил гремящей силе.
Несла с небес на лёгких крыльях
Поэту муза щедрый дар.

Клокочет в отблесках багровых
«Глагол времён, металла звон»,
В судьбе трагической сурово
Стих гордой силой напоён.
Он раболепствовать не мог,
Не гнул главы к подножью трона.
К подобострастному поклону
Был неспособен гордый слог.

Он «червь и Бог», его носила
Судьба России — вечный рок.
В нём вулканическая сила
Текла, как лавовый поток...
Нет, не смогла река времён
Смыть память в пропасти забвенья
И поглотить без сожаленья
Его стихов державный звон.

С. Е. БИРЮКОВ

ПРИЕЗД ДЕРЖАВИНА

...Но здесь не зрили водопадов
и муз не знали искони.
И не сулят душе услады
его правительские дни.
И слава первого пиита —
не панацея от навета!
Как эта истина избита,
она неведома поэту.
Не просто стиль высокопарный,
а жизнь, возвышенная в степень.
За этим он упряжкой парной
в тамбовские въезжает степи.

И волк спешит от колеса,
но лает из норы лиса.

В. Т. ДОРОЖКИНА

* * *

Какая удивительная сила!
Размах у русских гениев какой!
Сыны тамбовские, сыны России,
Вы вечно живы в памяти людской.

Представим, как по набережной Цнинской,
Где красота видна со всех концов,
Идёт поэт Евгений Баратынский —
Вернулся он к полям своих отцов.

Им каждый в пояс поклониться должен:
Здесь жил, творил, оставил острый взгляд
Герасимов — прославленный художник,
Здесь жил Чичерин — первый дипломат...

Нет, музыка другая за границей,
Там небо и земля — совсем не те...
Рахманинов в Тамбовский край стремится,
Чтоб музыку писать о красоте.

О, этот дивный воздух деревенский!
А в городе течёт голубка-Цна.
Как воспевал её Сергеев-Ценский!
Как вдохновляла гениев она!..

Тамбовский край! В истории державы
Ты оставляешь свой заметный след:
Ведь навсегда прописан здесь Державин —
Великий губернатор и поэт.

ДЕРЖАВИН - ПУШКИН - ЛЕРМОНТОВ

Я думаю часто: бессмертны их души!
Я думаю также: хватило бы слов,
Если бы Пушкин, если бы Пушкин,
Если бы Пушкин приехал в Тамбов?

Его бы приёмы не удержали,
Он сразу, с вокзала, пошёл бы туда,
Где пристально смотрит куда-то Державин —
Быть может, он видит его сквозь года?

Державин сошёл бы к нему с пьедестала,
Чуть-чуть поразмяться и душу согреть:
«Ну, вот и настало, вот и настало
Нам время с тобою Тамбов посмотреть...»

И чем-то они друг на друга похожи,
А издали просто — почти двойники.
И Лермонтов тоже, и Лермонтов тоже
Спускается с ними на берег реки...

Потом бы присели они на опушке,
Свободны от службы и всяких оков.
Ах, если б Державин, Лермонтов, Пушкин
Приехали б вместе в город Тамбов!

Е. В. ЗАХАРОВА

* * *

Читаю, словно сказку, мой Тамбов.
Апрельский город грез весенних полон.
Над нашей Цною — неба синий полог.
Тамбов, как в день творенья, свеж и нов.

Державин смотрит в прежние года,
Залюбовавшись красками природы,
Тамбову приготовив новый дар —
Сложив о нем торжественную оду.

И Набережной радостный простор
Нам в новый праздник открывает двери.
Вот-вот шагнет из Цны на этот берег
Со сказочной дружиной Черномор...

М. И. ЗНОБИЩЕВА

ЗАСТУПНИКУ НАШЕМУ И БЛАГОДЕТЕЛЮ ГАВРИЛЕ РОМАНОВИЧУ ДЕРЖАВИНУ

Заступник наш! Прими мою речь внятну.
Не прогневись, не буде те приятна.
Письмо сие суть не хвалебна ода,
На кои не престанет росска мода.

Се жалоба на нравы современны.
Реки: доколе жители Вселенны
Еще в алчбе своей не утолятся,
Доколь стенанья горькие продлятся?

И люди, что рисуются гуманны,
Лить станут золотые истуканы?
Столь суетны останутся и жадны,
Столь к ближнему жестоки, беспощадны?

Ты к просвещенью мнил Тамбов направить,
Градской порядок чаял вдруг исправить —
Забыты славных дней твоих свершенья:
За пригрешеньем идет пригрешенье.

Сам посуди: везде суть злато правит.
Вельможа дыры кажет — сам лукавит.
И все при нем приспешники роятся:
Гудят над медом — как не убояться!

Теперь у нас не те повсюду знатны,
Кто преуспел в науках коловратных,
Иль службою Отечество прославил,
Или врага в сраженьи обезглавил —

В чести у нас тот, чья мошна тяжеле!
Не об душе пекутся, все о теле.
Личины благолепные надели,
А посмотреть бы: что они — на деле!

У чад их славных к знанью нет охоты.
Избави Бог от будущей работы,
От скуки, от наружного уродства,
Пуще того — от тятина банкротства!

Кто вздумает у нас отдать дань Музам,
Причислен к государственным обузам,

Готов быть должен ко благим деяньям,
Кормясь при том случайным подаяньем.

Крестьянам житии и того зазорней.
Пойдет, копейку выручит за зерна.
Коли с копейки той в казну заплатит,
Доходу на полдни с лихвою хватит!

Всяк мнит себя главой. Николь не стыдно,
Что и главы на том главе не видно.
Мол, наг, так буду властвовать, кричати —
Не с своего насесть, так в печати!

...Сам посуди. Ты соузришь немало.
Доколе сердце биться не престало
В Российских недрах, пламенем бушующа,
Тебя о высшей милости прошу я:

Взойди опять в сей мир, где человека
Почти что и не видано от века,
Где все, как встарь, да только блеску боле, —
Взойди да исцели от вечной боли!

Да возбренчит торжественная лира!
Да свергнет стародавнего кумира!
Да будет душам чистым и свободным
Широкий путь к свершеньям благородным!

Доколе град твоею славой славен.
Доколе мир — война, а ты — Державин!

К МУЗЕ

Благословенны парки и беседки,
И гроты, и прохладные ручьи!
Жеманница, насмешница, кокетка,
О Муза, здесь стопы прошли твои!

Звезда зажглась — одна, другая, третья! —
Хохочешь ты, в ладони звонко бьёшь,
Владычица осьмнадцатого столетья
Неверная ижданная, как дождь.

Ещё картавя весело и мило,
Но веря в предстоящие дела,
Не ты ль Третьяковского манила?
Не ты ли Ломоносова ждала?

И, хмурия бровки над словесной грудой,
Не ты ли вместе с ними дотемна,
Поверив сердцем в рукотворность чуда,
Ковала мост в иные времена?

Оставив детям ласковую лиру,
Оружье ладить вызвалась сама.
Ты щит и меч вручила Кантемиру,
Державину доверила грома!

На бой летела, не боясь разбиться,
Манила сверху белизной крыла.
И самая отчаянная птица
Сравниться бы с тобою не могла!

Ты пела после: «За земные муки,
За тяжесть непосильного труда
Творите гимны мне, целуйте руки!
Я снова Миловзора, господи!»

Вот ты опять становишься прелестной,
Фарфорово качаешь головой,
То вдруг с небес прольёшься русской песней,
То прошумишь берёзовой листвою.

С Карамзиным ли бродишь по аллее
Иль Батюшкову шепчешь нежный стих,
Нет ничего случайней и светлее
Новорождённых робких слов твоих.

Когда же слогом бойким и речистым
Захочешь петь мирскую чепуху,
В театр поедешь с дядюшкой Капнистом,
А с дедушкой Крыловым — на уху...

И будет все.

 Без парика и пудры
Ты выйдешь в мир. И лёгок будет шаг...
Вон там, за горизонтом, брезжит утро.
И Пушкина предчувствует душа.

В. К. КОСТРИКИН

ПО ЗОВУ ДОЛГА И ДУШИ

Прибывший в 1786 году в Тамбов в качестве правителя наместничества Г. Р. Державин не мог остаться равнодушным к делу народного просвещения...

Дубасов И. И. Очерки из истории Тамбовского края

В лад души и долга зову
Ехал к городу Козлову,
То нырнув, то прынув вбок,
Губернаторский возок.
И сентябрь златоголовый
Седоку внушал восторг.

Настроение некстати:
Ехал он в Козлов не гладить,
Не на лёгкий променаж.
О народе там раденье,
Веку равном просвещении,
Говорят, что это блажь.

«Как учителя посмели
Содержать там в чёрном теле,
Без получки и жилья?
Коль доносы без вранья,
Дам им срок одну неделю,
Уж поплачут у меня!

Городничего Козлова,
Господина Сердюкова,
Я власы заставлю рвать,
Чтоб зарёкся, недотёпа,
В граде форточку в Европу
Самолично закрывать!»

Как ни гневался Державин,
Был сентябрь неподражаем
Во все стороны возка:
Умиляли седока
Эти дали, облака
И гусей сквозь них строка.

То отложе путь, то круче.
Напевае Ванька-кучер
Про любовь, тоску и грусть.
(Он ли, впрочем? Может, Русь?).
И Державин стих свой с грустью
Вспоминает наизусть:
«Уже румяна Осень носит
Снопы златые на гумно,
И роскошь винограду просит
Рукою жадной на вино.
Уже стада толпятся птичьи,
Ковыль сребрится по степям,
Шумящи красно-жёлты листья
Расстлались всюду по тропам...»

...Мне неведомо, как в граде,
Во Козлове, мой прапрадед
И кому благодаря,
В то окно Петрово глядя,
Просветился: зря — не зря,
До иль после сентября,
Как поправил губернатор,
Государства дел новатор,
Русской классики поэт,
Школьные дела в Козлове, —
Дело ведь не в Сердюкове:
Просто школы были внове
Во глубинке на Руси —
Был бы хлеб насущный вволю,
Книжки — Боже упаси!..
Два столетья пробежали...
Вот направил бы Державин
Свой казённый экипаж
Снова в славный город наш —
Точку малую державы!
Дух Державина, мираж
Нам пришлись бы кстати, впору,
Чтобы мой любимый город,
Вся губерния моя,
Снова факту поразились,
Что в истории России
Лишь однажды в тыщу лет
Губернатор был — поэт,
А не бюрократ унылый,
Чинодрал и буквоед.

...А в Козлове — бабье лето.
Ублажила бы поэта
Середина сентября.
И его стихотворенья
Прочитали б, без сомненья,
Недорослям учителя.

Что касается вранья
Насчёт денег и жилья,
Без словесных хитрых кружев
Я скажу: могло быть хуже —
Бедновата Русь моя,
О достойной жизни тужит.

Но зато, прошу прощенья,
С европейским просвещеньем
Мы хватили через край:
И такой хвалёный запад
Ныне нам пускает запах —
Хоть окошко закрывай!..

...В лёгком воздухе дрожанье,
Мне мерещится Державин
Не согбнным стариком —
Императорским гвардейцем.
Вот, телесно молодея,
Об Отечестве радеет
Он одическим стихом:

«...Где есть народ в краях вселенны,
Кто б столько сил в себе имел:
Без помощи, от всех стесненный,
Ярём с себя нисвергнуть смел
И, вырвав бы венцы лавровы,
Воздвиг на тех самих оковы,
Кто столько свету страшен был?
О, росс! Твоя лишь добродетель
Таких великих лет содетель,
Лишь твой орёл луну затмил!..»

В. А. МАРКОВ

**НА ОТКРЫТИЕ В ТАМБОВЕ
ПАМЯТНИКА Г. Р. ДЕРЖАВИНУ
16 ИЮЛЯ 1994 ГОДА**

Как волн морских, упругий всплеск холста:
«Старик Державин», право, не старик:
Торжественный и благородный лик,
И зоркий взгляд, и властные уста.

Таким он к нам пришёл через века —
Радетель, просветитель и пиит,
И облик его как бы говорит:
«У скульптора искусная рука,
Да и у города достойный вид...»

Звучат похвально речи в микрофон:
Наместником был даровитым он —
Открыл театр, газету, водовод,
Старался, чтобы лучше жил народ...

Что памятник ему?! Когда строка
Его звучна, и он — большой поэт!
Бюст нужен нам — живём пока,
Чтоб связь была его и наших лет,

Чтоб помнили Отчизны славный путь,
Чтобы она всегда была крепка...
Стоит он в бронзе, ветры дуют в грудь, —
Россия есть и будет на века!

Ю. И. ХОРЕНКОВ

ПРИБЫТИЕ

(ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «ДЕРЖАВИН В ТАМБОВЕ»)

По мартовскому бездорожью
Расхлябанно летел возок.
В нём, положась на волю Божью,
В дремоте маялся седок.

В упряжке лошади заржали,
Въезжая в полудикий край.
Очнулся ото сна Державин
И огляделся невзначай.

Не удивился он беспутью,
Ему невзгоды нипочём.
Места он видел неприятней,
Когда гонял за Пугачём.

Летели вслед вороны сотней,
Возок бросало с боку в бок.
Чем ближе к месту, тем охотней
С округи грязь вбирал Тамбов.

Копыта в пахнущем навозе
Со вкусом чавкали, взасос,
И чернозём из-под полозьев
Вылезил снизу на навоз.

Державин ободрился скоро,
Ладони потирал в сердцах.
Он знал в себе тяжёлый норов,
Но руку лёгкую в делах!

И не кому-нибудь другому,
Державину лишь суждено
В Тамбове править по-иному,
Бросая в чернозём зерно.

То урожай, то недороды,
У нас других амбиций нет.
Его, державинской, погоды
Хватает нам на двести лет!

Река времён уносит в водах
Дела людские, вся и всех...
Но до сих пор даёт нам всходы
Его, державинский, посев!

* * *

Земляков не лукавый попутал,
Им послал тебя, верно, сам Бог.
Великаном в страну лилипутов
Объявился Державин в Тамбов.
Взгляд поднявшим от чернозема,
Не выдавшим от неба дары,
Не известно им, приземленным:
Великаны сильны и добры.
Да, по силам одним Гулливерам
С лилипутскою лептой казны
Стать строителем и землемером,
Навигатором тинистой Цны.
Град губернский заборами тесен,
Лужа к луже — не перешагнуть,
А державинским одам да песням
По нутру только маршевый путь.
Марш походный, победный, открытый!
И под натиском дюжих сил
Город скрюченный, как от рахита,
Закоулки свои распрямил.

ГЛАВА 4

ТРАДИЦИИ ДЕРЖАВИНА В ДЕРЖАВИНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Н. В. СОРОКИНА

ДЕРЖАВИН И ДЕРЖАВИНЦЫ

В 1994 г. на базе Тамбовского государственного педагогического института и Тамбовского государственного института культуры был создан Тамбовский государственный университет, а в 1995 г. этому учебному заведению было присвоено «имя выдающегося российского поэта и государственного деятеля, в 1786–1788 гг. служившего в должности наместника Тамбовского наместничества и внесшего заметный вклад в развитие культуры и образования Тамбовского края, Гавриила Романовича Державина» (постановление администрации Тамбовской области № 94 от 6.03.1995 г.). Студенты Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина с гордостью называют себя державинцами.

Державинские события (праздники, конференции, выставки)

Университет активно развивает сложившиеся и возникающие вновь «державинские» традиции. Многие университетские мероприятия, проекты содержат в своем названии прямое указание на университет — это *Державинские* события, ставшие отличительным признаком именно Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина.

К числу традиционных корпоративных мероприятий образовательного, культурного, социально-воспитательного характера, празднование которых принято проводить в Державинском университете из года в год, относятся:

- Державинский творческий конкурс студентов и школьников;
- Державинские чтения;
- Державинская линейка;
- Державинский экватор;
- Державинская персона (выпускник ТГУ имени Г. Р. Державина): акции, встречи, чествования, попечительство;
- Державинская универсиада.

Традиционным и знаковым началом каждого нового учебного года является проведение Державинской линейки с элементами театрализации, которая проходит у памятника Г. Р. Державину в центре города в День знаний, 1 сентября.

В университете организуются многочисленные научные мероприятия, связанные с именем Г. Р. Державина: проводятся юбилейные конференции, осуществляются науч-

но-исследовательские проекты, ведется систематическая работа по исследованию тамбовского периода жизни и деятельности Г. Р. Державина, его творческого наследия.

Ежегодно, на протяжении уже 18 лет, проводится общероссийская научная конференция «Державинские чтения», участие в которой принимают преподаватели, аспиранты и студенты ТГУ, а также исследователи из многих городов России.

В 1993 г. в Тамбове состоялась юбилейная Международная научная конференция «Творчество Г. Р. Державина: проблемы изучения и преподавания», посвященная 250-летию Г. Р. Державина. В ней приняли участие ученые Японии, Болгарии и Казахстана, Украины и Беларуси, научно-исследовательские институты, университеты, литературоведы и историки многих российских городов. По ее итогам подготовлен и издан сборник научных статей, докладов, очерков и заметок «Творчество Г. Р. Державина. Специфика. Традиции» (Тамбов, 1993), где анализируются общие проблемы творческого наследия поэта, особенности его стиховой культуры и пути влияния на современников и последователей, освещена его общественная деятельность. Также был выпущен сборник тезисов и сообщений участников конференции «Творчество Г. Р. Державина: проблемы изучения и преподавания» (Тамбов, 1993). Были изданы спецвыпуск журнала «Кредо» и подборка любовной лирики поэта «Пленира». Проведенный двадцать лет назад научный форум стал свидетельством огромного интереса к наследию Г. Р. Державина, показал огромный авторитет русского поэта и востребованность его наследия.

В дальнейшем тамбовские исследователи неоднократно обращались к изучению, преподаванию и пропаганде литературно-художественного наследия Державина. Только в 2000-е гг. совместными усилиями преподавателей, учителей, сотрудников Института повышения квалификации работников образования Тамбовской области была издана целая серия учебно-методических и справочных трудов, отдельные главы которых были посвящены деятельности Г. Р. Державина, анализу его поэтического творчества [1].

2008 г., год 265-летия со дня рождения Г. Р. Державина, был наполнен множеством разнообразных мероприятий. Это выпуск юбилейных изданий, проведение научных форумов, информационно-просветительская работа студентов и преподавателей, презентации новых книг и т. п. [1].

Университетский Издательский дом «Державинский», продолжающий историю типографского дела на Тамбовщине, которая ведет отсчет со времени тамбовского наместничества Г. Р. Державина, является одним из самых крупных в Черноземье. Здесь выпускаются сборники научных трудов, монографии, учебные пособия, студенческие газеты, научные журналы. По количеству издаваемых учебных пособий вуз занимает одну из лидирующих позиций первых десяти вузов России.

В ТГУ издается университетская газета «Державинский вестник», на телевидении выходит информационная программа «Державинский вестник».

14 ноября 2012 г. в ТГУ прошел круглый стол «Создание открытого информационного пространства по продвижению имиджевой политики ТГУ имени Г. Р. Державина». Проректор по корпоративной политике ТГУ В. В. Смагина отметила: «Обновление фирменного стиля свидетельствует о возрастании интереса университетского сообщества к решению проблем имиджа вуза и его брендированию. В этих условиях особую значимость обретает динамичное продвижение пакета корпоративных документов и брендбука в университетское пространство, вне его и установление обратных связей». В ходе «круглого стола» состоялась презентация брендбука (фирменного стиля) ТГУ имени Г. Р. Державина, которая сопровождалась выставкой продукции на основе нового брендбука: образцы документов, папки, блокноты, сувенирные изделия, образцы и предметы фирменной одежды, знамя ТГУ, флаги подразделений и многое другое. В оформлении наград, современной символике вуза бережно сохранено имя Г. Р. Державина, на рекламной, сувенирной, наградной продукции непременно присутствует профиль Г. Р. Державина [2].

Державинские награды

В университете утвержден Реестр наград и «Положение о наградах и почетных званиях Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессио-

нального образования «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина» (принято 31 января 2012 г., протокол № 14 заседания Ученого совета ТГУ имени Г. Р. Державина). В общем реестре наград есть такие, в названии и оформлении которых подчеркнуто имя Г. Р. Державина. К ним относятся: «Золотая» и «Серебряная» медали, «Державинский орден», «Портрет Державина», «Державинская грамота», «Державинский диплом».

Статус высшей официальной награды университета, согласно «Положению о наградах и почетных званиях...», имеют «Золотая медаль», «Серебряная медаль», «Державинский орден».

«Золотая медаль» и «Серебряная медаль» университета присуждаются за выдающийся личный вклад в развитие Тамбовского государственного университета; особые заслуги в профессиональной деятельности; особые заслуги перед университетским сообществом, способствовавшие повышению авторитета университета внутри страны и за рубежом.

Университетский «Державинский орден» присуждается за выдающийся личный вклад в развитие университета и особые заслуги в профессиональной деятельности.

«Портрет Г. Р. Державина» имеет статус официальной награды ТГУ, которая присуждается за выдающийся вклад в развитие университета, а также за особые заслуги в профессиональной, научной, педагогической, общественной, культурной, спортивной и прочей деятельности.

«Державинская грамота» на протяжении многих лет вручалась лицам, имеющим трудовые правоотношения с университетом, за особые заслуги в трудовой, научной, педагогической, общественной, культурной, спортивной деятельности; обучающимся университета — за особые заслуги в учебе, а также научной, общественной, культурной, спортивной деятельности.

Университетский «Державинский диплом» вручается за заслуги перед университетским сообществом, способствовавшие повышению авторитета университета внутри страны и за рубежом.

Ежегодно присуждается Державинский грант аспирантам и молодым кандидатам наук. Эта награда призвана поддерживать талантливых молодых исследователей и привлекать в науку высокопрофессиональных специалистов.

Региональное Державинское общество

В 2003 г., в год 260-летнего юбилея Г. Р. Державина, было образовано региональное Державинское общество. В его деятельности заинтересованы не только специалисты, но и все жители Тамбовской земли, неравнодушные к истории своего края. Одной из главных задач Державинского общества является поддержание деятельного интереса к жизни и творчеству Г. Р. Державина, сохранение державинских принципов и традиций в просветительской, культурной и социальной сферах.

Державинское общество активно сотрудничает с государственными и общественными организациями. В ряду творческих и научных связей общества — контакты с Музеем Г. Р. Державина и русской словесности его времени (Санкт-Петербург), Государственными Лермонтовским музеем-заповедником «Тарханы», Тамбовской областной универсальной научной библиотекой имени А. С. Пушкина, Тамбовским региональным отделением общероссийской общественной организации «Союз театральных деятелей РФ», Тамбовской областной картинной галереей и краеведческим музеем, Тамбовским областным музейно-выставочным центром.

Первым шагом в работе молодого общества стал Державинский конкурс, проводившийся в течение нескольких лет. В нем принимали участие студенты Института филологии и журналистики, Института социальной работы. Конкурс направлен на активизацию публикаций патриотического содержания и углубление профессиональной культуры студентов разных подразделений ТГУ. Авторы работ размышляли о значении личности Г. Р. Державина в истории России, деятельности его в должности губернатора Тамбовского края, державинских традициях в современности, анализировали произведения поэта, написанные в разные годы жизни, в том числе и в тамбовский период. Фрагменты лучших работ студентов и выпускников Института филологии А. Журавлева, В. Рамзиной, С. Куксовой, М. Протопоповой, Н. Яцевич, А. Попова и многих других публиковались в газете «Державинский вестник».

В рамках работы Державинского общества на ежегодных студенческих научных конференциях «Державинские чтения» звучат доклады, посвященные творчеству Г. Р. Державина, проводятся разноплановые мероприятия: читательская конференция по повести В. Селиверстова «И в сердце всех страстей волнение...» (повесть посвящена тамбовскому периоду жизни Г. Р. Державина), телевизионная лекция руководителя Державинского общества доцента Г. Б. Буяновой «Г. Р. Державин. Жизнь и творчество», презентации книг тамбовских краеведов Г. Молчановой, Ю. Щукина, Н. Олонцевой «Тамбов старый, Тамбов новый», В. П. Пешкова «Страницы прошлого читая», литературно-музыкальные праздники «Мне нужно действовать...» (ко дню рождения М. Ю. Лермонтова), «Хочу, чтоб мысль моя живая не умирала никогда...» (посвященный творчеству тамбовских поэтов-фронтовиков), «Нежность грустная русской души» (посвященный С. А. Есенину); поэтическая композиция, посвященная Е. А. Баратынскому «Моя начальная любовь...»; подготовка театрализованных фрагментов комедий Д. И. Фонвизина «Недоросль» и Н. В. Гоголя «Женитьба» и многое другое [3].

Этапным для Державинского общества станет 2013 г., в течение которого коллектив общества выступит организатором серии мероприятий, направленных на дальнейшее изучение и пропаганду державинского наследия.

**Вузы-побратимы: ТГУ имени Г. Р. Державина -
Международный славянский университет
«Гаврило Романович Державин»**

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина с 2007 г. активно сотрудничает с Международным славянским университетом «Гаврило Романович Державин» (Македония).

Между вузами заключены соглашения и договоры о сотрудничестве, о программе обмена студентами, создании корпоративного Международного славянского университета имени Г. Р. Державина, совместной подготовке бакалавров и магистров по нескольким направлениям подготовки и специальностям. В ТГУ проходят обучение в аспирантуре преподаватели Международного славянского университета.

Организуются и проводятся совместные международные научные мероприятия, среди которых конференции «Международный диалог: Восток-Запад» (Македония, 2010–2012 гг.); «Парадигма державности в развитии Российского государства» (ТГУ имени Г. Р. Державина, июнь 2011 г.), круглый стол «Эффективный менеджмент: механизмы российско-македонского сотрудничества в области образования, науки и культуры» (ТГУ имени Г. Р. Державина, май 2010 г.) и др. По результатам конференций издаются сборники научных трудов. Вузами выпускается журнал «Культурно-исторические процессы и явления». Проводятся совместные научные и творческие студенческие конкурсы, мастер-классы и консультации ведущих преподавателей вузов, презентации новых исследовательских программ и учебных направлений.

Развитию партнерских отношений между университетами, а также укреплению дружбы и взаимопонимания между славянскими народами способствуют традиционные визиты делегаций в города вузов-побратимов. Объединяющим началом выступает имя и деятельность государственного деятеля и писателя Г. Р. Державина, оказавшего влияние на развитие не только русской литературы и просвещения, но и на культуру славянских народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

Подробнее об этом см. в материале настоящего издания: *Желтова Н. Ю.* Год Державина в ТГУ: итоги и перспективы.

Подробнее: URL: <http://www.tsutmb.ru>

Тамбовской филологии 80 лет: юбилейный сборник. Тамбов, 2010. С. 274–275.

Н. Ю. ЖЕЛТОВА

ГОД ДЕРЖАВИНА В ТГУ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В начале 2008 г. на Ученом совете ТГУ имени Г. Р. Державина по инициативе Института русской филологии было принято решение объявить текущий год Годом Г. Р. Державина. И это не случайно. Университет с 1995 г. носит это славное имя и видит свою миссию в продолжении гуманитарных традиций, заложенных государственным деятелем, поэтом, просветителем в пору своего тамбовского наместничества. Именно Г. Р. Державин стоял у истоков народного просвещения на Тамбовщине, а значит, и у истоков университета. Весьма символично, что учебный корпус № 1 располагается недалеко от того места, где находился дом, в котором жил и работал Г. Р. Державин.

В Тамбове развивается и художественный талант Г. Р. Державина. Здесь им написаны три выдающиеся оды, переложения псалмов, стихотворения, драматические произведения, проза. Это наследие легло в основу сформировавшихся в стенах университета уже в XX в. известных тамбовских филологических школ: лингвистической (руководитель — доктор филологических наук, профессор В. Г. Руделев) и литературоведческой (руководитель — доктор филологических наук, профессор Л. В. Полякова).

В начале 2008 г. состоялась презентация Года Державина в стенах Института русской филологии, которую провела директор — профессор Н. Ю. Желтова. В феврале прошли XIII Державинские чтения, посвященные юбилею поэта. Была организована специальная «Державинская» секция, издан сборник научных работ под редакцией профессора Н. Л. Потаниной (10,17 п. л.).

В мае к 265-летию со дня рождения Г. Р. Державина в Дни славянской письменности и культуры состоялся Всероссийский семинар «Духовные традиции русской культуры: история и современность» (к 265-летию со дня рождения Г. Р. Державина). В его работе приняли участие ректор профессор В. М. Юрьев, епископ Тамбовский и Мичуринский Феодосий, а также более 100 представителей крупнейших филологических школ России: МГУ им. Ломоносова, Тверского, Елецкого, Кемеровского, Орловского и, конечно, Тамбовского университетов. Перед началом семинара в Домовой церкви св. вмчц. Александры епископ Тамбовский и Мичуринский Феодосий отслужил молебен. На организацию семинара научный коллектив получил грант Российского гуманитарного научного фонда (руководитель проекта — ректор В. М. Юрьев; исполнители: Н. Ю. Желтова, А. М. Кальницкая, Н. Л. Потанина).

К началу работы семинара была опубликована большая коллективная монография «Духовные традиции русской культуры: история и современность. К 265-летию со дня рождения Г. Р. Державина» (Тамбов, 2008; 15,34 п. л.; научный редактор — профессор Н. Л. Потанина). Монография, созданная усилиями ведущих российских ученых-филологов, посвящена различным аспектам многогранной деятельности Державина. Кроме того, на семинаре состоялась презентация иллюстрированного спецвыпуска университетской газеты «Державинский вестник» (ответственная за выпуск — Н. Ю. Желтова) с редкими фотографиями усадьбы Зубриловка, связанной с деятельностью Г. Р. Державина в Тамбове.

В рамках семинара ведущие ученые России профессор М. М. Голубков (МГУ им. М. В. Ломоносова), В. А. Редькин, С. Ю. Николаева (Тверской госуниверситет) провели мастер-классы для молодых исследователей русской литературы. В работе форума приняли участие также представители широкой региональной общественности: учителя, журналисты, музейные работники, писатели, издатели и др.

В начале июня состоялось Торжественное заседание Ученого совета университета, на котором с докладом о литературном творчестве Г. Р. Державина выступила представитель тамбовской филологии — доктор филологических наук, профессор Л. В. Полякова. Под ее руководством на кафедре истории русской литературы впервые были заложены основы академического тамбовского державиноведения. В 1993 г. была проведена Международная научная конференция, посвященная 250-летию Г. Р. Державина, по ее итогам издан диптих научных трудов «Творчество Г. Р. Державина: специфика, традиции» и «Творчество Г. Р. Державина: проблемы изучения и преподавания» (Тамбов, 1993), вышел специальный выпуск журнала «Кредо» (1993. № 7–8) и уникальное литературное приложение к нему «Пленира», посвященное супруге Г. Р. Державина — Е. Я. Бастидон. Необходимо отметить, в рекомендациях этой конференции было впервые выдвинуто положение о целесообразности присвоения имени Г. Р. Державина тогда еще Тамбовскому государственному педагогическому институту. Спустя всего несколько лет имя Державина получил вновь образованный Тамбовский государственный университет.

Однако краеведческое державиноведение в Тамбове значительно старше академического. Еще в 1962 г. вышла книга кандидата филологических наук, доцента Е. В. Авдошенко «Поэт Г. Р. Державин в Тамбове» (Тамбов, 1962). Позднее Е. В. Авдошенко неоднократно выступала с докладами о Державине на конференциях различных уровней, публиковала о нем литературно-краеведческие работы.

В 2000-е гг. были созданы учебник и хрестоматия по литературному краеведению, в которых большое место отведено творчеству Г. Р. Державина (Л. В. Полякова, В. Т. Дорожкина, Е. А. Гаранина, С. В. Федотова. Литературное краеведение: учебное пособие для учащихся 8–9 классов. Тамбов, 2007; Литературное краеведение: хрестоматия / сост. Л. В. Полякова, В. Т. Дорожкина. Тамбов, 2006).

В июне 2008 г. профессор Л. В. Полякова выступила также с большим докладом о творчестве поэта на торжественном заседании администрации города Тамбова.

Немалый вклад в изучение периода пребывания Державина в Тамбове и его деятельности на посту наместника внесли ученые-историки университета. На заседании Ученого совета прозвучал обширный доклад доктора исторических наук, профессора Ю. А. Мизиса и кандидата исторических наук, доцента В. Д. Орловой, в котором была освещена тема «Г. Р. Державин в Тамбове», а в сообщении доктора исторических и юридических наук, профессора А. С. Тумановой была затронута проблема «Державин как государственный деятель».

В журнале «Вестник Тамбовского университета» (2008. № 7) в рубрике «Державинский год в державинском университете. К 265-летию со дня рождения Г. Р. Державина» были опубликованы научные статьи профессоров С. Ю. Дубровиной, Н. Ю. Желтовой, Л. В. Поляковой, Н. Л. Потаниной, а также библиографическая работа доцентов Л. А. Прониной, Н. Е. Копытовой, Н. В. Шаталовой.

Кроме того, в Год Державина отметило свой первый юбилей региональное Державинское общество (руководитель — кандидат филологических наук, доцент Г. Б. Буянова). Общество было образовано в 2003 г., в год 260-летнего юбилея Г. Р. Державина, по инициативе кафедры истории русской литературы ТГУ им. Г. Р. Державина, поддержанной ректором университета профессором В. М. Юрьевым. Общество, носящее имя славного губернатора и просветителя, объединило целеустремленных, талантливых людей: студентов, аспирантов, преподавателей, музейных работников, служащих социальной сферы — всех тех, кто занимается изучением исторического и литературного наследия Тамбовского края, стремится к сохранению и укреплению сложившихся в регионе богатых культурных традиций.

В марте 2008 г. состоялось еще одно событие регионального значения, связанное с выполнением державинских заветов. По инициативе филологов и ректора ТГУ имени Г. Р. Державина В. М. Юрьева была образована общественная организация «Тамбовское областное филологическое

общество» (ОО ТОФО). Решением общего собрания общества Президентом стала доктор филологических наук, профессор Н. Ю. Желтова.

Главной целью ОО ТОФО является сохранение, развитие и популяризация русского языка и литературы, и шире — национальной культуры в Тамбовском регионе. Общество выступило организатором и соорганизатором многих научных, социокультурных, издательских, образовательных проектов регионального, всероссийского, международного значения. В 2010 г. Тамбовское областное филологическое общество получило грант Президента РФ для некоммерческих организаций, активно участвующих в создании гражданского общества (проект «Славянский мир — единство культур», руководитель — профессор Н. В. Сафонова), в 2011 г. — грант фонда «Русский мир» на проведение интернациональной лингвокультурологической школы «К России — с любовью» (руководитель — профессор Н. В. Сафонова).

В Тамбове Г. Р. Державин основал первое провинциальное периодическое издание — газету «Губернские ведомости». В продолжение державинских традиций филологический факультет при непосредственной и деятельной поддержке ректората впервые в Тамбовской области открыл специальность «Журналистика». Это произошло к 1996 г., за два года до 255-летия Державина. В настоящее время выпускники этой специальности успешно работают в редакциях печатных и электронных СМИ Тамбовской области и далеко за ее пределами.

Развивая те же традиции, в 2009 г. Институт русской филологии и ОО ТОФО инициировали издание нового общероссийского научного и информационно-аналитического журнала «Филологическая регионалистика» (главный редактор — Н. Ю. Желтова, заместители редактора — Л. В. Полякова, Н. Л. Потанина, А. Л. Шарандин). Появление собственного научного журнала свидетельствует об огромном научном потенциале тамбовской филологической школы, которая складывалась и развивалась на протяжении восьми десятилетий. Журнал издается ОО ТОФО совместно с Тамбовским государственным университетом имени Г. Р. Державина, имеет международную редакционную коллегию.

Известно, что именно Г. Р. Державин основал в Тамбове одну из первых в России провинциальных типографий. В настоящее время в области зарегистрировано около 100 средств массовой информации и более 10 издательств. И весьма символично, что в Год Г. Р. Державина в университете состоялся первый набор на уникальную специальность «Издательское дело и редактирование», единственную в Центральном Черноземье.

Открытие специальности было осуществлено при самой активной и непосредственной поддержке ректората ТГУ и продиктовано, прежде всего, существующей в регионе потребностью в кадрах, которые могли бы осуществлять квалифицированную редакторскую обработку информационных и рекламных материалов и подготовку изданий различных типов и видов. Оно связано и с реализацией общего курса Державинского университета на открытие востребованных временем специальностей.

ТГУ имени Г. Р. Державина располагает всем необходимым для обеспечения самого высокого уровня подготовки специалистов книжного дела. Это кадровый потенциал Института филологии самой высокой научной и педагогической квалификации, Издательский дом ТГУ имени Г. Р. Державина, располагающий высокопрофессиональными кадрами и новейшим техническим оборудованием. В 2013 г., уже в год 270-летия Г. Р. Державина, состоится первый выпуск специалистов по направлению «Издательское дело и редактирование».

Г. Р. Державин большое внимание уделял образованию и творческой реализации молодежи. В этой связи в течение Года на базе университета проходил конкурс научных студенческих работ, Державинский областной семинар молодых литераторов. В апреле состоялась студенческая научная конференция, были подведены итоги творческого конкурса среди школьников области «Шедевр Державина» и студенческого конкурса переводов. На молодежную аудиторию был сориентирован и университетский конкурс чтецов «Державинские ассамблеи». В мае при участии Областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина состоялись научно-популярные чтения «Державин и Тамбовский край».

На базе научной библиотеки ТГУ организованы уникальные книжные выставки, посвященные личности и творчеству Державина, а также раритетным изданиям XVIII — начала XIX в., хранящимся в фондах университетской библиотеки. В Музейно-выставочном комплексе ТГУ была со-

здана стационарная экспозиция «Г. Р. Державин и Тамбовский край: из прошлого в настоящее» (директор — Н. Н. Будюкина).

В рамках национального проекта «Образование» проводился круглый стол «Качество подготовки специалистов — основа образовательной деятельности университета: державинские традиции и инновационный потенциал». В работе круглого стола приняли участие преподаватели университета, руководители областных управлений образования и культуры, директора образовательных и культурно-досуговых учреждений, учителя и работники культуры.

Все спортивные мероприятия самого разного уровня, проходившие под эгидой университета, были посвящены юбилею Державина. Кроме того, была организована презентация Года в СМИ. Усилиями филологов создан цикл передач на телеканале «ВДВ» о многогранной деятельности Г. Р. Державина в Тамбове.

Следует отметить, что все академии, институты и факультеты университета работали под знаком Державинского года.

В рамках юбилейных мероприятий этого года тамбовская делегация в составе доктора филологических наук, профессора Н. Ю. Желтовой, кандидата филологических наук, доцента Г. Б. Буяновой, главного хранителя Тамбовского областного краеведческого музея Л. Е. Городновой приняла участие во Всероссийской научной конференции «Державин и культура Казанского края», посвященной 265-летию со дня рождения Г. Р. Державина (26–28 июня 2008 г.). Конференция прошла в Казани и на родине поэта, в городе Лаишево. Мероприятие было организовано Министерством образования и науки Республики Татарстан, Министерством культуры РТ, Национальным музеем РТ, Казанским государственным университетом и исполнительным комитетом Лаишевского муниципального района РТ.

Гостям, ученым-историкам и филологам из 11 городов России организаторы показали, какая работа была проведена в Лаишево для увековечения памяти Державина: реставрация церкви Богоявления в селе Егорьево, где захоронены его родители, восстановление надгробия на их могиле, установка памятной стелы в селе Сокуры, где родился поэт и находилось его родовое имение, открытие в городе Лаишево Дома народного творчества с краеведческим музеем имени Г. Р. Державина, в котором организована экспозиция «Река времени», посвященная жизни поэта, открытие в 2003 г. на центральной площади города Лаишево, носящей имя Державина, памятника.

По итогам конференции был опубликован сборник материалов, в том числе с докладами тамбовских ученых, а также библиографический указатель работ, посвященных жизни и творчеству Державина.

Сегодня Тамбовский государственный университет готовит не просто специалистов. Главная его задача — воспитать самостоятельную, творчески и нравственно сильную личность, способную послужить во благо родного края и Отечества. На решение этой задачи и сориентированы мероприятия Года Державина, который становится традиционным для нашего университета. 2013 г., когда выдающемуся русскому поэту и государственному деятелю исполняется 270 лет, вновь объявлен в ТГУ Годом Державина.

Открытие года состоялось в Институте филологии 20 февраля в День родного языка. В учебном музее «Литературный салон» была представлена литературно-краеведческая экспозиция «...А я пиит — и не умру!», посвященная 270-летию Г. Р. Державина (авторы: Н. Л. Потанина, Н. Ю. Желтова, Г. Б. Буянова, С. А. Косякова). В программе: выставка книг Г. Р. Державина из фамильных коллекций преподавателей, фотоработы преподавателей, аспирантов и студентов «Тамбов державинский», чтение стихов Г. Р. Державина («Осень во время осады Очакова», «На смерть графини Румянцевой», «Памятник» и др.), тематические композиции: тамбовские страницы биографии Державина; Державин и Пушкин; Державин в живописи; музыка державинской поры; модели светской одежды второй половины XVIII в.

Крупным событием Державинского года, несомненно, стала IV Международная научная конференция «Славянский мир: духовные традиции и словесность», посвященная 270-летию со дня рождения Г. Р. Державина (22–24 мая 2013 г.). К началу форума вышла коллективная монография с одноименным названием (ответственный редактор — Н. Л. Потанина). Другим значимым изданием года является выход научно-популярной книги «Так в вечность льются дни и годы» (державинское наследие тамбовского периода), подготовленной коллективом тамбов-

ских ученых (ответственные редакторы — Н. Л. Потанина, Г. Б. Буянова). Юбилею Г. Р. Державина также посвящена Международная научно-практическая конференция «Региональная журналистика: от истории к современности», которая проводилась кафедрой журналистики и издательского дела в апреле 2013 г. (координатор — О. Е. Видная).

В Год Державина предполагается реализовать исследовательский проект «Державин в Тамбове: творческий портрет на фоне российской истории» (научный коллектив: В. М. Юрьев, С. С. Худяков, Н. Л. Потанина, Н. В. Сорокина, Н. Ю. Желтова, Ю. А. Мизис, Л. В. Полякова).

Целая серия мероприятий запланирована «Державинским обществом». Среди них: региональный творческий конкурс, посвященный 270-летию со дня рождения Г. Р. Державина (1 апреля — 24 мая 2013 г.) с изданием сборника творческих работ студентов и школьников; круглый стол «Державин и его время», читательская конференция по книгам В. Селиверстова «И в сердце всех страстей волнение...», «Гибель триумvirата». Силами кафедры журналистики и издательского дела и ТГУ-ТВ будет создан документальный фильм «Г. Р. Державин» (координатор — Т. Е. Самотойлова).

Год Державина — 2013 включает в себя мероприятия как на русском, так и на иностранном языках. Состоятся четыре тематических конкурса чтецов, два конкурса эссе, конкурс переводов, а также выставки, круглые столы, студенческие конференции, литературные вечера, семинары, экскурсии, заседания творческих студий, научных центров, лабораторий Института филологии, выступления ведущих преподавателей в СМИ, на официальных мероприятиях. Все подразделения университета включены в празднование Года Державина.

Широта мероприятий и проектов, которые будут реализованы в Год Державина, еще раз свидетельствует не только о масштабе, многогранности уникальной личности Г. Р. Державина, но и об актуальности, востребованности его творческих экспериментов, достижений на поприще государственного служения. Державинские традиции в Тамбовском университете крепнут и развиваются.

А. Д. СЕРОВА

«...А Я ПИИТ - И НЕ УМРУ!»

**В ИНСТИТУТЕ ФИЛОЛОГИИ
ИДЕТ ГОД ДЕРЖАВИНА - 2013**

Морозный, но солнечный день 20 февраля 2013 г. был ознаменован открытием в Институте филологии литературно-краеведческой экспозиции «...А я пиит — и не умру». Экспозиция посвящена 270-летию Г. Р. Державина и 95-летию университетского образования в Тамбовской области. Инициатором и организатором выставки стала кафедра русской и зарубежной литературы. В числе исполнителей этого проекта — студенческие объединения кафедры: аналитическая группа, работающая при научно-методическом центре «Русский дом Диккенса» (руководитель — профессор Н. Л. Потанина), и студия прикладного научного творчества «Сумерки кумиров» (руководитель — профессор Н. Ю. Желтова). Проект выполнен в рамках Программы развития деятельности студенческих объединений ТГУ имени Г. Р. Державина.

В составе экспозиции — выставка книг Г. Р. Державина и посвященных творчеству Г. Р. Державина, коллекция живописных произведений державинской эпохи, фотоработы аспирантов и студентов под общим названием «Державинский Тамбов глазами молодых». Свой вклад в организацию книжной выставки внесли научная библиотека ТГУ и Тамбовская областная научная библиотека имени А. С. Пушкина, преподаватели кафедры русской и зарубежной литературы.

Внимание к мероприятию проявил глава города Тамбова Алексей Владимирович Кондратьев, выступивший на церемонии открытия и охарактеризовавший вклад Державина в культурное развитие Тамбова. Директор Института филологии профессор С. С. Худяков отметил важную роль открываемой выставки в ряду многих других начинаний, посвященных 270-летию Г. Р. Державина, имя которого носит наш университет.

Открытие проходило в учебном музее «Литературный салон», где с помощью предметов интерьера была воссоздана атмосфера екатерининской эпохи.

Но еще полнее погрузиться в век минувший зрители смогли в тот момент, когда перед ними появилась «сама» Екатерина Великая в сопровождении Тамбовского наместника и поэта Гаврилы Романовича Державина. Их роли с успехом исполнили студентка 3-го курса Института филологии Екатерина Кречетова и аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Сергей Мещеряков. С почетной ролью камер-пажа императрицы блестяще справился Алеша Романов, сын одной из соискательниц кафедры. Церемонию открытия вели аспирантка Александра Виншель и студент 4-го курса Института филологии Андрей Баранов. Автор сценария — Н. Л. Потанина. Авторы диалога Екатерины и Державина — Н. Л. Потанина и Г. Б. Буянова.

«Шагает Просвещение из века XVIII в век XXI шагами великими, и град мой к тому причастен. Пора младенчества прошла для университета Тамбовского как один миг. Ему уж 95. Настала пора зрелости, новую махину дел переделать придется... Все флаги в гости будут

к нам, матушка, дай срок! Начитанность да образованность нынче в цене, — гордо возглашает Державин в ответ на похвалы государыни императрицы, — зело прекрасен стал град Тамбов!» А птенцов своих, студентов, нарекает Гаврила Романович державинцами: «Пусть крепят державу нашу делами достойными и могучими!».

И не подводят державинцы, «чтут ум и сердце человекье и книги Державина достойно сохраняют». Это подтверждает книжная выставка. На выставке представлены редкие экземпляры прижизненных изданий Г. Р. Державина из фондов научной библиотеки ТГУ и коллекций преподавателей (Н. Л. Потаниной, Н. Ю. Желтовой, Н. В. Сорокиной, Л. В. Поляковой, Г. Б. Буяновой, С. А. Косяковой). Самые ранние из них — два номера издававшегося в Петербурге журнала «Собеседник любителей русского слова» за 1783 и 1784 гг. (из домашней библиотеки Н. Л. Потаниной). Журнал выходил под эгидой Императорской Академии наук. Одним из его авторов была императрица Екатерина II, а все дела журнала курировала директор Императорской Академии наук княгиня Е. Р. Дашкова. В нем впервые были опубликованы оды Державина «К Фелице» и «Бог». Подробно о содержании выставки рассказала Наталия Леонидовна Потанина, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы.

Среди книг размещены женские портреты в старинных рамках, изображающие императрицу Екатерину Великую и жену Г. Р. Державина — Екатерину Яковлевну. Какие одухотворенные лица, чистые, светлые, возвышенные!

Яркие впечатления оставило выступление Галины Борисовны Буяновой, кандидата филологических наук, доцента кафедры русской и зарубежной литературы, в котором были представлены глубокие и интересные размышления об оде Г. Р. Державина «Осень во время осады Очакова».

«Позволь мне, государыня, показать тебе град наш — зеленый и светлый», — с поклоном обращается Державин к государыне. Вслед за Екатериной Великой все участники открытия экспозиции обращают свой взгляд на фотографии тамбовских достопримечательностей: почтамта и духовной семинарии, кафедрального собора и Казанского монастыря — все они были свидетелями славных дел поэта и наместника. Фотографии выполнены участниками студии «Сумерки кумиров» аспирантами Наталией Егоровой и Оксаной Корякиной под руководством доктора филологических наук, профессора Н. Ю. Желтовой.

Очарование романтической музыки тронуло сердца собравшихся, когда аспирантка кафедры Александра Виншель пела «Ностальгический романс», а студентка 3-го курса Института филологии Елена Ерохина играла на скрипке ноктюрн Глинки «Разлука».

Живопись — один из удивительных способов познания и отражения мира. Светлана Александровна Косякова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, представила портреты Г. Р. Державина, выполненные разными художникам, современниками поэта.

Каждый художник по-своему увидел великого поэта, но все без исключения сумели раскрыть богатство его внутреннего мира, запечатлели энергичного державного мужа, прославленного поэта, человека, полного силы и энергии, увлеченного общественными делами, вдохновленного просветительскими идеалами, великого сына России.

И поэзия, конечно поэзия, которая определяла и выражала дух эпохи, наполняла пространство литературного салона. Прозвучали стихотворения Державина. Так, знаменитый державинский «Ключ» прочитала аспирантка Мария Родина, «Памятник» — Н. Л. Потанина. Студентка 2-го курса Дарья Попова представила знаменитый фрагмент из «Евгения Онегина», в котором Пушкин вспоминает о поэтическом благословении, данном ему Державиным.

Много верных и теплых слов сказала на открытии экспозиции Валентина Тихоновна Дорожкина, заслуженный работник культуры РФ, почетный гражданин города Тамбова, член Союза писателей России, руководитель творческого объединения «Тропинка». Ярким и запоминающимся моментом праздника стало чтение еще не опубликованного стихотворения В. Т. Дорожкиной, посвященного Году культуры Тамбовской области. И, конечно, в нем прозвучало имя Г. Р. Державина:

Тамбовский край, в истории Державы
Ты оставляешь свой культурный след:
Ведь навсегда прописан здесь Державин —
Великий губернатор и поэт.

Подобные мероприятия обогащают знания студентов и аспирантов, представляют литературный процесс как нечто живое, подвижное, а не застывшее и окаменелое в рамках столетий. Ведь «дух эпохи» — не абстрактное понятие. В этом убедились все посетители литературно-краеведческой экспозиции. Век XVIII будто бы шагнул в век XXI. И стало ясно: литературные традиции — это дар веков, который мы должны беречь, как сокровище.

Н. Н. БУДЮКИНА

**ЛИЧНОСТЬ Г. Р. ДЕРЖАВИНА
В ИСТОРИИ ТАМБОВСКОГО КРАЯ:
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕМЫ
СРЕДСТВАМИ ВУЗОВСКОГО МУЗЕЯ**

Державинская тема является неотъемлемой частью в работе университетского музея. Пространство музейно-выставочного комплекса ТГУ имени Г. Р. Державина включает стационарную экспозицию по истории учебного заведения, размещенную в трех залах; этнографический зал «Крестьянская семья — крестьянский мир»; художественную галерею; выставочный зал. В январе 2009 г. в нем была открыта стационарная выставка «Г. Р. Державин и Тамбовский край: из прошлого в настоящее», которая стала попыткой осмысления вклада и значения личности Державина в развитии Тамбовского края. Данная экспозиция вполне логично вписывается в структуру музейного комплекса и является его доминантой.

При создании выставки было решено в основу концептуального построения заложить идею просвещения и просветительства. Структура экспозиции включает четыре тематических раздела, которые последовательно раскрывают тему развития города Тамбова с XVIII по XXI в. Главная идея — «фундамент просвещения», который заложил Г. Р. Державин, — является сквозной темой и в экспозиции выражена с помощью художественно-пространственных приемов оформления — кирпичной кладки, призванной создать образ фундамента просвещения в крае. Элементами, визуально объединяющими содержание экспозиционной темы, являются крупноформатные панорамы Тамбова конца XVIII, конца XIX и конца XX вв.

Первый раздел, построенный на коллекции документов Государственного архива Тамбовской области, некоторых изобразительных источниках и вещевых предметах XIX в., дает представление о направлениях деятельности правителя Тамбовского наместничества, его успехах и неудачах, конкретных делах и фактах в истории Тамбовщины. В этом же разделе пространственно и художественно выделена тема культурной жизни Тамбова конца XVIII в. Портреты Державина и его супруги, увеличенный рисунок дома наместника в сочетании с подлинными предметами конца XVIII–XIX в. позволяют составить представление о тех «зернах» культуры, которые были посеяны Г. Р. Державиным, акцентируют внимание на главных для культуры тамбовской провинции событиях. При Державине была открыта типография, народные училища, театр, основаны традиции музыкального просвещения. Выставленные предметы позволяют почувствовать дыхание времени, ощутить атмосферу жизни тамбовской провинции этого периода. О развитии этих направлений в следующий исторический период рассказывает второй раздел экспозиции, построенный на основе частной коллекции открыток Тамбова конца XIX — начала XX в. Привлечение частной коллекции фотоаппаратов, фотографий, рисунков, вещественных источников дает представление о развитии почтового дела и фотографии в Тамбове. Благодаря этому можно увидеть, как выглядели городские улицы столетие назад, а также здания, относящиеся к четырем основным темам данного раздела: «Развитие народного образования в Тамбове», «Развитие печатного слова», «Развитие музыкальной культуры и музыкального образования», «Развитие театрального искусства».

Последний раздел экспозиции построен на материале современности. Его основная идея — деятельность по сохранению, изучению и пропаганде имени Г. Р. Державина в Тамбовской об-

ласти. Для раскрытия содержания привлечены разные типы источников, которые дают представление об увековечивании имени Г. Р. Державина в памятнике, названии улицы, учебных заведений, в культурных и научных событиях Тамбова, научно-исследовательской и издательской деятельности горожан, разнообразных проектах.

Одним из таких проектов является интерактивный информационно-образовательный ресурс — трехмерная реконструкция г. Тамбова, которая демонстрируется во время экскурсий и служит примером творческой, научно-исследовательской работы преподавателей и студентов ТГУ, логично вписываясь в концепцию экспозиционного построения. Данный информационный ресурс привлекается в качестве дополнительного средства оптимизации экспозиционной среды.

Использование этого проекта может служить примером удачного использования технических и мультимедийных средств в экспозиции. Учитывая, что в основе проекта лежат игровые технологии, хорошо знакомые современному поколению молодежи, эта часть экспозиции дает возможность совершить путешествие в XVIII в., погулять по городу и дополнительно получить новую информацию образовательного характера. Причем в процессе таких «прогулок» происходит живое общение посетителей и одновременное обращение к подлинным музейным предметам, выставленным в реальной экспозиции.

Таким образом, собрание в экспозиции самых разнообразных исторических источников, памятников далекого прошлого и хорошо знакомых предметов современности позволяет «пройти сквозь время», увидеть город Тамбов в разные исторические периоды, найти черты старого провинциального города в облике современного Тамбова.

Данный выставочный проект сочетает в едином экспозиционном пространстве частные собрания С. П. Юхачева, С. Н. Денисова, С. С. Худякова, коллекции Государственного архива Тамбовской области, музея истории Тамбовского государственного драматического театра и библиотеки-филиала № 1 имени К. В. Плехановой, музейно-выставочного комплекса ТГУ имени Г. Р. Державина, Института филологии ТГУ имени Г. Р. Державина и Тамбовского областного краеведческого музея.

Выставка является примером успешного сочетания теоретической и практической деятельности, объединения усилий специалистов различных областей знаний и профессий: музееведов, историков, филологов, архивистов, библиотечных сотрудников. Данная выставка — своеобразный подарок городу. Классическое построение и современные приемы показа экспонатов в сочетании с новыми информационными технологиями придают экспозиции актуальность и зрелищность. В настоящее время Державинский зал является одним из самых востребованных и пользуется большой популярностью как у студенческой молодежи, так и у гостей университета.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пребывание Г. Р. Державина на Тамбовской земле оставило глубокий и неизгладимый след во всех сферах культурной жизни. И здесь важны не столько временные измерения — срок исполнения Державиным должности правителя Тамбовского наместничества не был продолжительным, — сколько та энергия движения, которая была сообщена тамбовской культуре талантливым поэтом, прогрессивно мыслящим человеком, автором столичных журналов, собеседником императрицы и государственным чиновником.

Позволим себе рискованное предположение: если бы Державин не совершил в Тамбове ничего, кроме подготовки торжеств по случаю открытия народного училища и театра, и тогда в нашей благодарной памяти осталась бы речь, произнесенная Петром Захарьиным. Можно представить себе, какое значение имела она для самого оратора (талантливого однодворца из козловского захолустья) и для провинциальной публики, собравшейся в один сентябрьский день 1786 г., чтобы принять участие в празднике, освященном присутствием недавно назначенного наместника. Но, как известно, Державин сделал для нашей культуры неизмеримо больше.

К своим обязанностям главы Тамбовского наместничества поэт относился страстно и чрезвычайно добросовестно. Административная и культурно-просветительская деятельность в Тамбове целиком захватила его, о чем свидетельствуют автобиографические «Записки» Державина. О результатах этой деятельности рассказано и на страницах нашей книги.

«Тамбовский период» в творчестве Державина стал временем рождения русской пейзажной лирики. Блестящий (и один из первых в России!) образец ее находим в оде «Осень во время осады Очакова». С этим и другими художественными творениями, созданными Державиным в указанные годы, читатель тоже имел возможность познакомиться в книге.

Есть основания говорить о феномене несовпадения читательского и исследовательского (профессионального) внимания к наследию Державина. Не каждый современный (в том числе и тамбовский) читатель хорошо осведомлен о нем. Эта книга призвана способствовать восстановлению интереса к творческой личности Державина в читательской аудитории.

Тамбовский государственный университет, с гордостью носящий имя Г. Р. Державина, выполняет высокую миссию сохранения и развития в своей деятельности культурных традиций, заложенных выдающимся русским поэтом и правителем Тамбовского наместничества. Книга «“Так в вечность льются дни и годы...” Державин в Тамбове», профессионально и любовно оформленная и выпущенная Издательским домом ТГУ имени Г. Р. Державина, — одна из многих культурных инициатив главного вуза нашего региона.

В современных условиях формирования новой российской государственности и осознания общенациональной идеи эта миссия тем более важна, что Г. Р. Державин — поэт и гражданин — являет собой пример человека, для которого понятия родины, народа и российской государственности существовали в единстве и мыслились как величайшая ценность. Державин был убежден в историческом предназначении своей родины, в великом будущем России.

Н. Л. Потанина

Научно-популярное издание

**«ТАК В ВЕЧНОСТЬ ЛЬЮТСЯ ДНИ И ГОДЫ...»
Г. Р. ДЕРЖАВИН В ТАМБОВЕ**

Ответственные редакторы:
**Потанина Наталия Леонидовна,
Буянова Галина Борисовна**